

Василий Горобейко
Номады Великой Степи

Василий Горобейко
Номады Великой Степи

«Издательские решения»

Горобейко В. В.

Номады Великой Степи / В. В. Горобейко — «Издательские решения»,

История Степи от начала времен глазами просвещенного дилетанта. Рассказ о том, как на протяжении веков кочевники строили свою особую цивилизацию и как влияли на судьбы соседей.

Содержание

Вместо предисловия	6
Терминология	8
Происхождение номадов	10
Как одомашнивалась лошадь	11
В поисках первых коневодов	14
Данные генетики	18
Лингвистический аспект	23
На заре цивилизации	27
Древнеямная культурно-историческая общность	34
Андроновская и Срубная археологические культуры	40
Создание империи	49
Накануне	50
Смена доминант	53
Кочевая империя кунов	60
Скифский период	64
Рассвет	66
Аримаспы и грифоны	70
В зените славы	73
Восток	74
Передняя Азия	76
Европейские степи	79
Закат	85
Хуннский период	90
Борьба за власть	92
Династия Луань	97
Династия Куян	102
Раскол	107
Аланы	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Номады Великой Степи

Василий Васильевич Горобейко

© Василий Васильевич Горобейко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Вообще-то во всем виноват Андрей Забытов – мой студенческий товарищ – студент истфака, до фанатизма увлеченный Золотой империей чжурчжэней. Он так заразительно рассказывал об их князе Агуде¹, сумевшем свергнуть иго монгольских поработителей в начале 12 века и создавшем свою империю, протянувшуюся от берегов Тихого океана до Байкала! По его словам это был Золотой век Приамурья: отмена рабства, бумажные деньги, книгопечатанье, бронзово-литейное производство, секреты которого смогли разгадать только в конце 20 века... И это во времена Юрия Долгорукого, за 300 лет до Йогана Гуттенберга²! Причем речь идет не о цивилизованных китайцах, а о прямых предках «приамурских индейцев» – современных нанайцев, удэгейцев, ульчей, орочей. Особенно подкупало то, что сам Тэмуджин, будущий Чингисхан, долгие годы был их пленником, а потом и данником, и, когда орды татаро-монгол двинулись на завоевание ойкумены, чжурчжэни почти 30 лет сковывали войска Чингисидов, подарив целому поколению русичей свободу от ордынского ига. И мы – студенты биологи, увлеченные Андрюхиными рассказами, в свободное время читали Окладникова³, Гумилева⁴ и Вернадского⁵. Как-то раз даже выезжали на раскопки чжурчжэньского городища, сожженного тумэнами Субэдэя⁶....

Но время шло, и любимая профессия, а потом и семейный быт, отодвинули далеко на задний план юношеское увлечение. Я по-прежнему при оказии почитывал популярную историческую литературу и считал себя достаточно эрудированным для дилетанта в вопросах истории Приамурья, но видимо время идет по спирали, и уже в зрелом возрасте мне пришлось вновь вернуться к этой теме. Не суть важна побудительная причина, важно то, что перечитывал конспекты и статейные вырезки не советский студент, слепо веривший печатному слову, а закаленный в горниле перестройки скептик, привыкший все подвергать сомнению. И сомнения возникли. Причем, чем глубже я погружался в проблему, тем больше росло мое недоумение – получалось, что есть как бы две Истории. Одна – это История средиземноморской цивилизации, разделившейся впоследствии на европейскую и арабскую, на задворках которой существовала сказочная Индия да, на границе с Дикой Степью, полуварварская Русь. Другая – История Поднебесной, на окраинах которой лежали загадочные Тибет и Индия, а еще ее рубежи постоянно терзали варвары Дикой Степи. И сшиты эти две Истории явно «на живую нитку» Шелковым путем, да нашествием потомков Чингисхана, причем сшиты, через ту самую Дикую Степь, которая как какая-то прореха на ткани пространства-времени. Там, как в Бермудском Треугольнике исчезали целые народы и оттуда, согласно обеим историям, периодически изливалось Зло в лице диких и безжалостных варваров – номадов (от греч. νομάδες – кочевники).

Так кто они – эти номады? Почему, одетые в кожаные доспехи дикари, не знающие воинского строя, сметали хорошо обученные и прекрасно вооруженные армии Европы, Ближнего Востока и Китая? С легкостью брали неприступные крепости? Как кочевавшие родами и вечно враждующие между собой номады могли сплотиться в орду, и как степь вообще могла прокормить эти орды? Вопросов много, но вот внятных ответов на них в литературе по истории

¹ Ваньянь Агуда – основатель Золотой империи чжурчжэней.

² Иоганн Генсфляйш цур Ладен цум Гуттенберг – немецкий ювелир и изобретатель, создавший в середине 1440-х годов способ книгопечатания подвижными литерами.

³ Алексей Павлович Окладников – советский археолог, историк, этнограф.

⁴ Лев Николаевич Гумилёв – российский и советский историк-этнолог, востоковед, доктор исторических и географических наук.

⁵ Георгий Владимирович Вернадский – русский и американский историк, профессор русской истории Йельского университета.

⁶ Субэдэй-бахадур (1176 – 1248) – виднейший монгольский полководец, соратник Чингис-хана.

я не нашел. Нет, я не сторонник академика Фоменко⁷ и не собираюсь обвинять историков в коварном заговоре. Просто никто, кроме разве что Льва Николаевича Гумилева, не пытался по серьезному разобраться с историей Степи, а предложенные им ответы меня как эколога, далеко не всегда устраивают.

В общем, как бы то ни было, я решил попробовать сам «влезть дилетантскими сапожищами в прилизанные сады историков». Благо, глубокоуважаемые мною, Акоп Погосович Назаретян⁸ [Назаретян А. П.] и Виктор Рафаэльевич Дольник⁹ [Дольник В. Р.] уже протоптали широкую дорожку «в сады гуманитариев», применяя для ответа на загадки истории инструментальный подход своих наук.

Перед вами не научная диссертация, и я не претендую на знание конечной истины и «полноту охвата предмета исследований». Я просто приглашаю Вас, уважаемый читатель, вместе со мной попробовать восстановить историю Степи и кочевников, а заодно разобраться с той ролью, которую они сыграли в истории становления современной цивилизации. Ну а поскольку я биолог, то и смотреть на историю мы будем через призму естественнонаучных, а не гуманитарных установок. И главный принцип, который мы возьмем на вооружение – «Бритва Оккама»: самое простое объяснение является наиболее истинным. На практике это значит, что можно перечислить сотни экономических, политических, религиозных и прочих причин массового исхода кочевников с исконных мест обитания, но если мы знаем, что в этот период произошло резкое изменение климата, то это и есть первопричина. И только не найдя никаких объективных причин физической, биологической или социальной природы, мы вправе говорить о божественном промысле или «пассионарном толчке».

⁷ Анатолий Тимофеевич Фоменко – советский и российский математик, действительный член РАН, создатель «Новой хронологии», настаивающий на радикальном пересмотре мировой истории.

⁸ российский культурный антрополог и эксперт в области психологии массового поведения, а также автор Мегаистории – истории человечества в контексте истории Земли и Вселенной.

⁹ российский орнитолог, доктор биологических наук, профессор, автор ряда статей по этологии человека.

Терминология

Прежде всего, что бы избежать разночтений и недопонимания, нам нужно определимся с терминами. И начнем мы, естественно, с определения «номады». Этот термин хотя и означает в переводе с греческого – «кочевники», имеет более узкое толкование, чем русский перевод. Дело в том, что далеко не все кочевники обитают в степях и занимаются животноводством. Бывают «морские кочевники», типа индонезийских народов баджо, мOKEN, уракалавой. Бывают кочевые охотники, типа североамериканских охотников на бизонов или африканских бушменов. А есть еще цыгане, так же ведущие кочевой образ жизни.... Тогда как собственно «номадизм» – особый вид хозяйственной деятельности и связанных с ним социокультурных характеристик, при которых большинство населения занимается экстенсивным кочевым животноводством. Причем не любым животноводством, так как разведение кроликов, гусей и пчел – это тоже животноводческие отрасли, а таким, в основе которого лежит коневодство и разведение крупного (скотоводство) и мелкого рогатого скота. Конечно я несколько сужаю рамки данного понятия, так как, строго говоря, оленеводы приполярья и разводящие верблюдов бедуйны – то же номады, но и в этническом, и в историческом плане они сильно отличаются от насельников Великой Степи, а именно с их исторической ролью мы и взялись разбираться.

Важно с самого начала развеять стереотип, изображающий номада пастухом, незнающим другой работы кроме животноводства. На самом деле такой образ жизни – продукт современной дифференциации труда, когда все необходимое номад может купить на деньги, вырученные от продажи скота. В древности он такой возможности не имел и был вынужден самостоятельно мастерить телеги и юрты, выделывать шкуры и ковать оружие, лепить и обжигать посуду, катать войлок и шить одежду. Само по себе номадство не предполагает отказа от иных форм хозяйствования, отнюдь, среди кочевых народов было немало ремесленников и земледельцев, охотников и рыбаков, купцов и разбойников. В периоды своего процветания номады строили свои города-крепости [Худяков Ю. С.], а еще чаще захватывали и использовали чужие. Отличие номадов от оседлых земледельческо-животноводческих культур в доминировании у кочевников животноводческой составляющей. Кочевой образ жизни номада – приспособительная мера. По своей природе человек – существо ленивое. Если корма и воды для скота хватает, сдвинуть его с места может разве что нашествие слепней да оводов. И тут он предпочтет отогнать стадо чуть выше в горы, не снимая базового лагеря с женами, стариками и детьми. Так что в благополучные для степи периоды более влажного климата, пока еще пастбища не зарастали лесами, животноводство принимало форму отгонного, а стойбища номадов, в это время, мало отличались от соседних земледельческо-животноводческих поселений. Но стоило климату «испортиться», и Степь приходила в движение. И земледельцы, и животноводы снимались с мест, но пути их были различны, тут срабатывала разная ментальность. Для земледельца главное богатство – семенной фонд, чтобы его сохранить, земледелец будет и оросительные каналы рыть, и лес корчевать, а скотину, если нечем кормить, пустит под нож. Тогда как для животновода нет ничего дороже племенного стада, а оно, в отличие от семян, не может целый год ждать пока появятся новые пастбища. Поэтому земледелец, согнанный с насиженного места природными катаклизмами, отправится на поиски новой Родины, где постарается воссоздать прежний быт, а животновод превратится в номада, следующего за своим стадом, смотря *«по обилию воды и травы»*. Хотя эти перекочевки только на первый взгляд носят случайный характер, на самом деле и время и маршруты жестко закрепляются обычаем.

Во-вторых, разберемся с термином «скотоводство». Согласно Большой советской энциклопедии, это *«отрасль животноводства по разведению крупного рогатого скота для получения молока, говядины и кожсырья»*. Трактовка довольно «узкая», и в литературе зачастую

скотоводами называют всех, кто разводит копытных и мозолоногих одомашненных животных (коз, овец, лошадей, верблюдов, лам и т.д.). Не берусь судить какой из подходов более верен, но, дабы избежать противоречий, я буду, по возможности, придерживаться более общего термина – «животноводство», подразумевая в первую очередь разведение именно копытных животных (лошадей, коров и овец) – основу хозяйствования степных номадов.

Так вот, это самое животноводство бывает трех типов: стойловое, отгонное и кочевое, которые встречаются как в чистом виде, так и во всевозможных сочетаниях и переходных формах. Стойловое животноводство в чистом виде – современные европейские свинарники и коровники, где проходит весь цикл выращивания и эксплуатации животных от рождения до забоя на мясо. Отгонное или яйлажное животноводство, наиболее распространено в горных местностях. В классическом варианте зимой стада находятся на стойловом содержании, а летом выгоняются на альпийские луга для самовыпаса. Промежуточным вариантом между отгонным и стойловым животноводством является выпасное или пастушечье животноводство, когда в теплый период года стадо на день выгоняется на близко расположенное пастбище, а к вечеру возвращается в стойло. Все эти способы содержания сельскохозяйственных животных предполагают наличие стационарных строений для содержания скота (конюшен, коровников, овчарен), а следовательно и стационарных поселений самих животноводов.

Другое дело кочевое животноводство, когда семейные группы животноводов, в классическом варианте, в течение всего года следуют вместе со стадом по веками устоявшимся маршрутам, перевоза с собой с места на место весь свой скарб и весь провиант. При этом формируется свой, весьма своеобразный образ жизни, мобильный и компактный хозяйственный инвентарь, разборная архитектура, своеобразная кухня и своя система мировоззрения. Все то, что скрывается за емким термином «номадизм». И пусть в классическом виде номадизм – явление не слишком распространенное, чаще встречаются различные переходные формы от кочевого животноводства к отгонному, но, раз возникнув, номадный стиль бытия и номадная философия, сохраняется в течение ряда поколений, даже если сами этносы на какое-то время «оседают на землю» в благоприятных природных условиях. Яркий пример тому – российское казачество XVI—XIX веков. Перейдя к станичному образу жизни, переселившись в рубленые избы и глинобитные хаты, казаки умудрились сохранить коневодческий уклад и мобильность. Более того, они сохранили своеобразный стиль социальной организации своего общества, так называемую «кочевую демократию», восходящую к доскифской эпохе.

Так что в рамках данной конкретной работы, говоря о номадах, я буду подразумевать вполне конкретные этносы, основу жизни которых составляет преимущественно кочевое животноводство (коневодство, скотоводство, овцеводство), чьи обычаи, культура, жизненный уклад и мировоззренческая система подчинены необходимости несколько раз в год переезжать с места на место. Этносы, которые в течение тысячелетий были основными насельниками степного пояса Евразии, создавшие свою кочевую цивилизацию, так не похожую на классические земледельческие цивилизации античного мира. Этносы, чья история замалчивается, а то и активно искажается и низводится до периодического нашествия диких, слабо организованных орд варваров – разрушителей цивилизаций, каждое из которых *«отбрасывало человечество, в его развитии, на несколько веков назад»*.

Происхождение номадов

Номада делает номадом не только приспособление к мобильному образу жизни, ибо кочуют не только скотоводы. Номадам их делают стада принадлежащих им животных, требующих перекочевки с места на место в поисках «*травы и воды*». Набор этих животных может сильно варьировать в зависимости от этноса, местности и эпохи, но неизменным остается приязанность степных кочевников-животноводов к лошади. Это и основной вид животноводства, дающий пищу, одежду, кров и даже топливо для очага; и транспортное средство; и боевой товарищ, в разы увеличивающий мобильность, мощь и эффективность всадника. Именно благодаря своему симбиозу с лошадью номады евразийского голоцена смогли создать кочевую империю, уникальную по структуре, протяженности и продолжительности существования.

Так что, прежде чем перейти собственно к истории номадов я предлагаю вначале разобраться с происхождением домашней лошади: кто, где, когда и как ее приручил. Ибо ответив на эти вопросы, мы сможем заглянуть в самую глубь веков, найти предковый этнос, который послужил базой для всего того этнического, лингвистического, теологического и даже расового разнообразия номадов Великой Степи, которое мы имеем сегодня.

Как одомашнивалась лошадь

Генетическим предком лошади является тарпан (*Equus ferus ferus*) – небольшое, размером с не крупного осла (высота в холке около 130 см, вес порядка 270 кг), животное, ведущее стадный образ жизни. Дикие родичи наших «Саврасок» и «Воронков» обитали в степях и лесостепях Европы, Казахстана и Западной Сибири вплоть до конца XIX века. Тарпаны были крайне пугливы и очень редко выживали в условиях неволи, да и приручать их пытались только в качестве экзотики, или для обновления крови домашних лошадей, так как ни в качестве тягловой силы, ни в качестве верхового животного они не годились. Процесс их превращения во вьючное и тягловое, а тем более в верховое домашнее животное, потребовал от племен, взявшихся за их приручение, огромного терпения, умелой селекции и уйму времени.

Приручение животных возможно двумя основными путями. В первом случае намерено или случайно добытое живым в процессе охоты животное оставляется на развод. В племенах охотников-собираателей такой домашний питомец, как правило, попадал на стол в случае наступления голода, но при наличии полезных для хозяина качеств и удачном стечении обстоятельств он мог стать родоначальником новой одомашненной породы. И сегодня, во всех частях света, дети и взрослые тащат из природы домой всякую живность от таракана и паука до рыси и лося. Интересно, что в условиях неволи, при избытке пищи, некоторые хищники и крупные приматы тоже ухитряются обзавестись своим «домашним любимцем»: поросенок живет в клетке тигра, а шимпанзе проявляет нежную заботу о мармозетке. Так что, видимо, в основе процесса лежит древняя инстинктивная программа, поднятая человечеством на качественно новый уровень. По всей вероятности, именно этим путем шло одомашнивание большинства видов: свиней, коз, овец, гусей, уток, кур. Но вот приручение таким способом лошади крайне маловероятно.

Для крупных стадных животных более вероятен иной способ, когда процесс приручения идет на основе природного механизма создания симбиотических связей, когда два вида способствуют взаимному выживанию за счет эксплуатации полезных качеств друг друга, постепенно эволюционируя в угоду потребностям «напарника». Примеров симбиоза разной степени взаимоадаптации в природе бесконечное множество, от некоторых высокоспециализированных насекомых и насекомоопыляемых растений, не способных выжить друг без друга, до едва уловимой симбиотической связи между буйволом и, собирающим с его кожи паразитов, красноклювым ткачиком. Наиболее характерный пример возникновения такой симбиотической связи с участием человека – индейские племена североамериканских прерий. Весь их быт, вся культура были завязаны на использование бизона, ради процветания которого они практически уничтожили популяции всех крупных хищников, представляющих угрозу их «кормильцу», а заодно и всех пищевых конкурентов. До прихода европейцев тандем человек – бизон безраздельно господствовал на огромном пространстве Североамериканских прерий. Очевидно, именно этим путем человечеству удалось приручить верблюда, оленя, корову и лошадь.

Интересно, что само по себе коневодство вовсе не требует, от взявшихся его одомашнивать племен, перехода к кочевому образу жизни. На большинстве участков своего ареала тарпан – стадное территориальное животное, круглый год живущее на одном сравнительно небольшом участке. Процесс domestikации скорее всего шел по следующему сценарию. Вначале – специализация какого-то племени на тарпане как на объекте охоты; затем защита «своего табуна» от других любителей полакомиться кониной. На каком-то этапе охотники начинают уже не просто добывать себе на стол тарпана, а ведут осознанную выбраковку старых, ослабленных особей, а так же молодых жеребцов, которые непременно будут изгнаны из табуна. Начинается примитивная селекция. Потом, возможно, в племени вскармливается случайно осиротевшее потомство от особо ценных родителей, оказывается помощь охромевшей кобыле....

В итоге, табун, получающий от сотрудничества с человеком определенные эволюционные бонусы, растет в численности и перестает воспринимать «свое» племя как хищников. А через несколько поколений превращается в стадо вполне себе домашних животных, которых можно не только съесть, но и подоить, и впрячь в волокушу или, надев недоуздок, вести за собой. Еще через какое-то время, когда тарпан уже будет больше похож на пони и перестанет инстинктивно шараться от любого груза на спине (что должно вызывать у диких особей паническую реакцию, так как именно – наваливаясь на спину на них охотились крупные кошачьи), нагрузить поклажей, а где-то и маленького ребенка посадить на спину вьючной лошадки. Ну а там и до намеренной селекции недалеко, когда человек, разрушив устоявшиеся за миллионы лет естественные репродуктивные механизмы, начинает сам подбирать партнеров для спаривания. Глядишь, и появились аргмаки способные тянуть легкую колесницу, а потом и нести всадника в тяжелых бронзовых доспехах.

Вот только как быстро могла произойти метаморфоза, превратившая изящного и пугливого тарпана в покорную верховую лошадь?

Трудно сказать. И одна из причин тому – обитание в тех же местностях, где шел процесс приручения лошади, ее дикого подвида – тарпана, который был довольно многочисленным и служил одним из излюбленных видов охоты вплоть до XVIII века. Как понять, что вот это кости полудомашнего тарпана, а это – дикого добытого на охоте? В этой связи многие скептики вообще отрицают сам факт одомашнивания лошади ранее бронзового века, когда появляются колесницы, запряженные парой лошадей [Выборнов А. А.]. Хотя конечно, такая точка зрения довольно абсурдна, ибо в курганах бронзового века находят кости домашних лошадей, а не тарпана.

Здесь поясню. На популяцию дикого тарпана действует естественный отбор, который приводит к тому, что выживают особи, лучшей адаптированные к условиям среды. Если условия стабильны, то и изменения идут крайне медленно, практически не заметно. Если же условия резко меняются, как было, например, на рубеже плейстоцена и голоцена, то изменения могут быть настолько быстрыми и существенными, что палеонтологи вполне обосновано выделяют популяции, пережившие климатическую катастрофу, в самостоятельные виды. Однако в самом голоцене климатические изменения были не слишком существенны. Чаще всего, что бы их компенсировать животным было достаточно лишь незначительного смещения ареала. А раз не менялась среда, то и тарпан за прошедшие 10—12 тысяч лет практически не изменился. Другое дело с популяциями, ставшими объектами повышенного хозяйственного внимания со стороны человека. Даже на ранних стадиях одомашнивания человек, своим вмешательством способен серьезно подправить вектор эволюции, создавая более «льготные» условия для особей, несущих полезные с его точки зрения признаки, и выбраковывая тех, кто эти признаки не унаследовал. И это его вмешательство довольно быстро начинает отражаться на морфологии животных, следовательно, костные останки даже полувольного тарпана будут несколько отличаться от косных останков его дикого сородича. Конечно, чтобы влияние такого примитивного искусственного отбора, идущего в разрез с естественным эволюционным процессом, стало заметно на морфологическом уровне, должен был смениться не один десяток поколений полувольных животных.

Выведение новых домашних пород уже одомашненного животного, конечно же идет гораздо быстрее. Но прежде чем получить возможность скрещивать лошадей по своему усмотрению человек должен был настолько приручить лошадь, чтобы суметь сломать ее природные инстинкты, перевести ее от естественного табунного содержания к содержанию в условиях малой группы, полностью подконтрольной человеку. Напомню, что с момента начала одомашнивания северного оленя прошло более 2 тысяч лет, причем за дело брались современники царя Давида, знакомые с железом и животноводством, а не охотники-собиратели, едва пере-

жившие «всемирный потоп» конца плейстоцена (рис. 1). Но воз, как говорится, и ныне там – домашний северный олень ни чем морфологически не отличается от дикого.

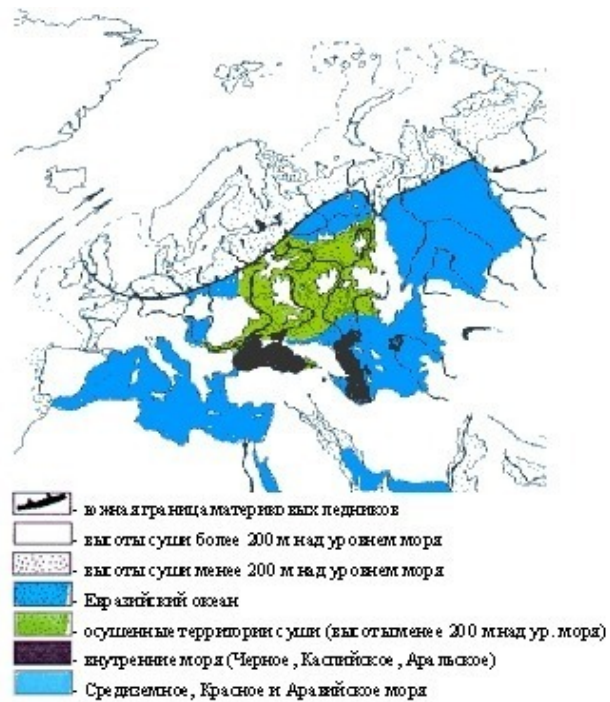

Рисунок 1. Запад Евразии в 10 тысячелетии до н.э. в 10 тысячелетии до н.э.

Так, что искать первых коневодов нужно как минимум среди неолитических степных охотников. И здесь нам не обойтись без данных археологии.

В поисках первых коневодов

Для начала давайте попробуем понять, чем, с точки зрения археологии, отличается простой охотник на тарпана от примитивного животновода этого же тарпана разводящего? Наверное, тем, что он не только употреблял в пищу и для других нужд убитое животное, но и каким-либо образом использовал живого тарпана для своих нужд. Лучший показатель – это, конечно же, костные останки лошадей, существенно отличающиеся от костных останков дикого тарпана, обитавшего на этой же территории и примерно в то же время, последнее позволит исключить влияние межпопуляционной изменчивости. К сожалению обзорных сравнительных работ по данной теме на сегодня нет, и вряд ли они появятся в ближайшее время, так как на всем постсоветском пространстве нет ни одного палеонтолога, специализирующегося на вопросах domestikации лошади. Так что придется нам довольствоваться данными, имеющимися в распоряжении археологов.

В археологических находках на наличие одомашненных лошадей может указывать найденный на древней стоянке или в могильнике элемент упряжи; специальный инструмент, связанный с использованием или лечением лошади; специфическая посуда; постройки. ... Ну, или изображение животного в ситуации, связанной с его хозяйственным использованием. Значит, мы ищем археологические культуры, в которых найдены материальные подтверждения прижизненной эксплуатации полезных качеств тарпана.

Одна такая культура точно есть. В марте 2009 года в новостной ленте появилось сообщение, что *«сотрудникам университета Эксетера, под руководством доктора Аутрема, удалось отследить признаки domestikации [лошади] в энеолитической ботайской культуре, представители которой обитали на территории современного Северного Казахстана»*. Аутрем установил сходство между строением скелета ботайских лошадей с животными, одомашненными в бронзовый век в Европе, в то же время ботайские лошади сильно отличались от своих диких собратьев того же региона. Найдены свидетельства использования ботайцами лошадей для верховой езды. Но самый веский аргумент – на керамике ботайской культуры обнаружены следы специфических молочных и мясных жирных кислот, что свидетельствует о том, что в них хранили кумыс и конину. Значит, уже в 5700—5100 лет назад в степях Северного Казахстана существовало развитая коневодческая культура.

Но были ли они первыми коневодами? Если да, то на начальной стадии культуры мы должны видеть типичных охотников, специализирующихся на добыче тарпана, которые постепенно стали полноценными коневодами. Давайте присмотримся к ним поближе.

Поселения ботайской культуры располагались вблизи водоемов, жилища полуземляночного типа с глинобитной архитектурой выстраивались в улицы длиной до 240 м [Захаров С. В.]. Жили они оседло, так что животноводство ботайцев, скорей всего, носило отгонный или выпасной характер, а следовательно лошади были достаточно прирученными, что бы их пасти. Согласно радиоуглеродному датированию, с момента формирования этой археологической культуры, до появления на их посуде следов кумыса прошло никак не больше двухсот лет – крайне малый срок для приручения тарпана и превращения его в домашнюю верховую и дойную лошадь. Да и другие данные говорят, что в их распоряжении была уже полностью прирученная лошадь, которая в результате искусственного отбора приобрела заметные морфологические отличия от своего дикого предка.

Так что сами ботайцы тарпана не приручали. Это сделал кто-то из их предков. Но кто?

Ботайская археологическая культура синтетическая по своему происхождению. Археологи указывают на ее культурную и хозяйственную преемственность как от местных – приуральских: суртандинской и агидельской культур, так и от соседствующих с ними с запада хвалынской и волосовской культур. Давайте познакомимся с ними поближе.

Хотя для ботайских поселений «единственными памятниками со схожей планировкой жилищ являются волосовско-гаринские неолитические поселения» [Захаров С. В.], но «основу экономики волосовцев составляло высокоэффективное присваивающее хозяйство – охота, рыболовство и собирательство» [Уткин А. В., Костылёва Е. Л.]. В этой культуре даже костей тарпана не обнаружено, так что это не те предки от которых ботайцы получили лошадь.

Зато все три другие археологические культуры вполне могут претендовать на роль ранних коневодов. «Суртандинская культура – ранний неолит Ю. Зауралья и степного Казахстана... характерна обилием каменных орудий из яшмы и единичными изделиями из уральской самородной меди... Найдены кости домашних животных – овца, крупный рогатый скот, преобладают лошади» [Матюшин Г. Н.]. «Агидельская культура – поздний неолит и неолит Ю. Предуралья, Волго-Уральского междуречья... Преобладают орудия из кремня, шлифованные топоры и тесла, ножи и наконечники суртандинского типа, зернотерки, кремневые серпы. Кости домашних животных: лошади, крупного и мелкого рогатого скота (до 35%)» [там же]. «Домашняя лошадь прочно и давно вошла в быт населения, оставившего Хвалынский неолитический могильник и синхронную ему Виловатовскую стоянку (Среднее Поволжье). Морфологические исследования на основании промеров пястных костей лошади, привели её к выводу о том, что виловатовские лошади отличались как от тарпана, так и лошади Пржевальского и проявляют сходство с лошадьми из срубных курганов и поселений Среднего Поволжья» [Петренко А. Г.]. Да и обитавшие западнее хвалынцев племена средне-стоговской культуры «на поселении Деревка кости лошади составляют уже... 55% домашнего стада» [Наумов И. Н.].

Получается, что, еще до появления ботайской культуры, на обширных степных просторах от Днепра до Иртыша существовали разнообразные культуры степных животноводов, значительную часть стад которых составляли лошади. Шансы, на то, что все независимо друг от друга, одновременно взялись одомашнивать лошадей, равны нулю. Меня еще смущает тот факт, что помимо лошадей они разводили крупнорогатый скот и овец. Ну не с отарой же овец, верхом на волах они тарпанов приручали! Да и зачем тратить столько сил и времени на приручение тарпана – прямого пищевого конкурента овцы и коровы, когда вот они мясо, молоко, шкуры, шерсть и тяговая сила, только траву да сено подавай. В качестве дойного животного лошади уступают не только коровам, но даже козам, если учитывать размеры, рацион, время созревания и период лактации. В качестве мясной породы опять же выгоднее разводить овец, коз или коров. Шерсть – снова лидерство за овцами. Что бы тянуть тяжелую соху или не менее тяжелую древнюю четырехколесную повозку на цельнодеревянных колесах лучше впрячь вола. Да и навьюченный вол утащит больше лошади. Лошадь конечно быстрее в качестве верхового животного, но так-то домашняя крупная и покладистая сивка-бурка, а не мелкий и пугливый тарпан. Верховую лошадь еще путем селекции вывести надо было. Единственное очевидное преимущество лошади на этом этапе – возможность ее круглогодичного содержания на вольном выпасе. В этой связи не удивительно, что уже в неолите практически не встречается чисто коневодческих племен. Более того, многие племена постепенно сокращали долю коневодства в своем хозяйстве. Так, например, на «Варфоломеевской стоянке количество костей лошади от раннего к более поздним не увеличивается, а уменьшается от 36% в нижнем к 20% в слое 2Б и к 14% в самом верхнем, то есть достоверно ранне-неолитическом» [Выборнов А. А.].

Так может эти самые племена орловской культуры, обитавшие в районе нынешней Саратовской области и оставившие свои следы на Варфоломеевской стоянке, и были первыми коневодами?

Варфоломеевскую стоянку детально исследовал доктор исторических наук, археолог Александр Иванович Юдин. Он отмечал, что «стоянка существовала длительный отрезок времени (кон. VI – нач. IV тыс. до н.э.)», то есть, она существенно старше ранее упомянутых археологических культур, из которых самой ранней является агидельская, нижние слои кото-

рой датируются концом V тысячелетия до нашей эры. Особенный интерес представляют найденные им жертвенники. *«Анализ жертвенников показывает, что они содержали в большинстве случаев костные останки трех видов животных: лошади, тура и овцы...»* [Юдин А. И.]. Причем овца в этих местах в диком виде не встречается, а найденные кости тура отличаются от современных им костей диких особей более миниатюрными размерами, что также указывает на начальный этап domestikации тура (малые размеры – результат вырождения из-за близкородственного скрещивания). И хотя обнаруженные здесь в большой массе зубы лошади не имеют явных отличий от таковых дикого тарпана, но сам характер их нахождения вместе с костями других, исключительно домашних животных, свидетельствует в пользу их domestikации. Причем вне жертвенников количество костей лошади не столь значительно, и *«количество костей кулана и сайги превышает... лошадиные»*. Еще одним подтверждением коневодческого характера орловской культуры могут служить и *«находками зооморфных подвесок-амулетов. Всего найдено три зооморфные подвески – это фигурки лошадей, выполненных на тонкопластинчатых костях... на второй фигурке лошади совершенно явственно изображена уздечка»* [Юдин А. И.].

Но и они не могут быть первыми коневодами. Во-первых, в силу уже упомянутых причин, тарпан не слишком интересен для одомашнивания тем, кто пасет стада овец и коров. Во-вторых, в это же время, несколько восточнее, в Волго-Уральском междуречье и в Южном Приуралье существуют племена прибельской культуры, на стоянках которых находят *«кости домашних животных: лошадь, корова, овца, коза»* [Матюшин Г. Н.]. Причем по результатам радиоуглеродных анализов, найденные там кости того же возраста, что и в Среднем Поволжье: *«возможным местом одомашнивания диких лошадей являлись Оренбургские степи, близкие к районам Южного Предуралья, где были зафиксированы самые ранние находки их остатков. Это наглядно подтверждается датами 6100±160 (ИГАН-383), 6070±90 (Ле-2343) и 5650±200 (ИГАН-218) лет до н.э., полученными по образцам кости для неолитических слоёв стоянок Муллино, Ивановской и Берёзки»* [Наумов И. Н.]. Причем найденные в Муллино кости принадлежат преимущественно молодым особям (до 5 лет), тогда как, если бы это были дикие животные, то среди них должны были бы быть представлены все возрасты лошадей.

Похоже у племен прибельской культуры мы застаем ту самую стадию одомашнивания, когда тарпан достаточно приручен, чтобы человек мог свободно проводить выбраковку «лишних» особей в табунах. Но вот незадача, опять же «довесок» из крупного и мелкого рогатого скота, а так же явный культ лося, на который указывает и обилие его костей на стоянках, и тот факт, что *«очаги выложены челюстями лося»* [Матюшин Г. Н.], внушают сомнения, что именно прибельцам принадлежит пальма первенства в приручении тарпана.

Таким образом, начало приручения тарпана отодвигается как минимум в мезолит – эпоху, которая датируется IX – VI тысячелетиями до нашей эры. Это было время глобальных перемен, когда на смену ледниковым ландшафтам и плейстоценовой мегафауне постепенно приходили привычный для нас рельеф и современные виды животных. «Бутылочное горлышко» рубежа плейстоцена-голоцена смогли пережить только десять процентов видов крупных млекопитающих ледникового периода. Да и в людских популяциях наблюдался резкий демографический спад, приведший к многократному сокращению и без того не слишком многочисленного населения Северной Евразии.

Конечно, далеко не для всех видов происходящие изменения носили негативный характер. Постепенно расширяющаяся полоса аридных степей оказалась благоприятным биотопом для тарпана, пришедшего на смену широкопалой лошади плейстоценовой тундро-степи. Его численность росла, а вместе с ним росла и численность племен, научившихся на него охотиться. Причем совсем не обязательно это было новацией. Возможно на тарпана переключились выжившие потомки охотников на широкопалую лошадь, чьи стоянки находят на просторах Восточно-Европейской равнины и Южного Урала.

Сколько-нибудь систематические исследования степных культур каменного века были начаты только в 60-х годах XX века А. Н. Мелентьевым. И сегодня пока еще сложно сказать в какой конкретно период мезолита и в каком конкретно районе Волжско-Уральского региона был начат процесс приручения тарпана. Но то, что начальный этап превращения тарпана в домашнее животное имел место именно в этом регионе, и именно в это время, особых сомнений не вызывает. Именно отсюда в неолитическое время племена коневодов расселяются по степному поясу в западном и восточном направлении, местами вытесняя, а местами ассимилируя местное население: *«инфильтрация доместичированной лошади из приуральско-средневожского лесостепного региона, где она была одомашнена ещё в первой половине VI тысячелетия до н.э., в степное Поволжье и Подонье происходит на рубеже VI – V тыс. до н.э. (Варфоломеевская: 5030±200 лет до н.э. (ГИИ-6546); Ракушечный Яр: 5090±100 (Ки-6480), 4980±100 (Ки-6478)) ... В V тысячелетии до н.э. навыки скотоводческо-коневодческого хозяйства распространяются и в степном Правобережье Нижнего Поволжья вплоть до Северо-Западного Прикаспия... Появление её домашнего вида в Надпорожье отмечено на стоянках Игрень VIII (16,7% стада), Собачки (20% стада) и Средний Стог I (12,5% стада) ... имеющими нижние C14 датировки – 4125±125 (Ки-517) и 4250±400 (Ки-1170) лет до н.э... Развитие коневодства в Зауралье и Северном Казахстане также начинается не ранее позднего неолита – раннего энеолита. Своё развитие этот процесс получил уже у населения энеолитической ботайской культуры, став основой сложения в Северо-Казахстанских степях коневодческо-скотоводческого хозяйства» [Наумов И. Н.]*

Но шло не просто расселение племен, получивших эволюционное преимущество благодаря приручению лошади, шло формирование своеобразной общности близкородственных культур степных животноводов, *«активно взаимодействовавших в энеолитическое время, и через территорию Нижнего Поволжья осуществлялись культурные контакты от Балкано-Карпатского региона до Урала. Широким культурным связям несомненно способствовала доместикация лошади в восточноевропейских степях...» [Юдин А. И.]*

Итак, мы определились с примерным временем и местом появления коневодческих культур – мезолит Волго-Уральского региона. То есть нашли ответы на вопросы: когда? и где? Осталось найти ответ на вопрос: кто? И здесь одной археологией не обойтись, так как артефакты, сохранившиеся с тех времен могут рассказать только о расовом типе этих людей, но никак не об их этнической принадлежности. Для получения более точного ответа придется обратиться к другим наукам – популяционной генетике и исторической лингвистике.

Данные генетики

В последние годы очень большую популярность приобрела новая отрасль популяционной генетики – ДНК-генеалогия, апологеты которой берутся реконструировать всю историю человечества в целом и отдельного рода в частности. Так что в поисках первых коневодов было бы нелогично проигнорировать данные, полученные в рамках этой науки. Вот только ДНК-генеалогия – наука совсем молодая, и как всякая молодая наука переживает период бурного роста, характеризуемый завышенными ожиданиями и не устоявшейся методологией. В данном конкретном случае процесс становления еще и осложнен коммерческими интересами вовлеченных сторон, что резко снижает критичность оценок полученных научных результатов. Поэтому, мы не будем слепо доверять выводам, полученным приверженцами модного научного направления, а попробуем, по возможности непредвзято, оценить их достоверность.

Я сразу же прошу прощения у тех читателей, кто, как и я, помнит генетику не только на уровне школьных уроков биологии. Во-первых, за то, что буду повторять прописные истины, во-вторых, за неизбежные неточности. Что бы в доступной для непрофессионала форме изложить основы ДНК-генеалогии, мне придется сильно упрощать, а значит неточности в определениях и формулировках просто неизбежны, но «нам же не шашечки нужны, нам что бы ехать».

Напомню, что любая клетка нашего организма содержит в своем ядре 23 пары хромосом. И только в половых клетках (мужских сперматозоидах и женских яйцеклетках) набор хромосом гаплоидный – одинарный. При оплодотворении гаплоидные наборы, полученные от отца и матери не просто суммируются, но еще и рекомбинируются, перемешиваются между собой, программируя свой собственный, неповторимый облик будущего ребенка.

В девяностых годах прошлого века генетики установили, что в человеческой Y-хромосоме, той самой, которая отвечает за мужской пол ребенка, есть два фрагмента, которые не участвуют в кроссинговере – обмене генетическим материалом между хромосомами родителей. То есть, они в неизменном виде передаются от отца к сыну, и лишь изредка в них происходят мутации, которые наследуются всеми последующими поколениями по мужской линии. Тут же родилась идея проследить эти изменения вглубь веков и определить происхождение и степень родства существующих сегодня народов. Естественно на этой основе можно проследить происхождение только по прямой мужской линии, но и это не мало! Ведь мы получаем свидетельство, которое не может быть подделано и не зависит от временной политической конъюнктуры или симпатий летописца. А, если учесть, что есть возможность (используя митохондриальную ДНК) проделать аналогичную работу и в отношении женской наследственной линии, то понятен энтузиазм ученых, взявшихся строить новую, «объективную» историю человечества.

Правда вскоре выяснилось, что искать и извлекать древнюю ДНК весьма хлопотно, да и сохраняется она не слишком хорошо, так что реальных работ по ДНК-генеалогии древних этносов практически нет, а уж в отношении мезолитических племен и подавно. Зато полно современных желающих найти «свое место» на генеалогическом древе человечества, тем более за вполне умеренную плату – по цене сотового телефона. И коммерсанты от науки тут же наладили конвейер по выдаче красивых дипломов о принадлежности тестируемого к той или иной гаплогруппе, под каждую из которых подведена солидная рекламная база, а на титульной странице дан перечень знаменитых предков.

Нам, что бы отделить коммерческую рекламу от науки, придется разобраться с методологией выделения этих самых гаплогрупп.

Дело в том, что те самые нерекомбинантные участки Y-хромосомы, а их длинна измеряется миллионами нуклеотидов, содержат странные повторы, когда несколько раз подряд повто-

ряется одна и та же последовательность из нескольких нуклеотидов, например: ТАТ-ТАТ-ТАТ-ТАТ-ТАТ, где Т – тимин, а А – аденин. На сегодня известно уже несколько сотен таких повторов, каждый длиной в несколько десятков нуклеотидов, и каждый год находят десятки новых цепочек. Какую роль в геноме человека они играют, мы пока не знаем, но эти цепочки повторов оказались очень удобны для исследований. Ученые наловчились измерять длину этих цепочек: *«генеалогический анализ хромосомы Y – это и есть определение числа повторов в каждом маркере»* [Клесов А. А.]. А поскольку количество повторов – жестко наследуемый признак и мутации в них довольно редки, то в результате получился количественный показатель, характеризующий степень родства сравниваемых людей. Чем больше разница в длине повторов, тем более дальняя родня перед нами. И вот на этом чистая наука кончилась, ибо дальше инициативу перехватил бизнес.

Все началось в 2002 году, когда некое коммерческое объединение «Y Chromosome Consortium» предложило свою классификацию геномов людей по линиям Y-хромосомы. На тот момент анализы делались по шести маркерам (цепочкам повторов) в Y-хромосоме. Все полученные данные были сгруппированы в 18 кластеров, так называемые клады, обозначаемые латинскими буквами от А до R, а внутри них были выделены более дробные группировки – гаплогруппы. Причем по уверениям авторов *«Порядок букв отражает последовательность возникновения мутаций»*. И это первая ложь, так как определить какой из двух современных гаплотипов, отличающихся по количеству повторов в маркере, несет исходную форму цепочки, а какой – результат мутации, не возможно. Так что *«последовательность возникновения мутаций»* – не более чем условность, принятая авторами проекта исходя из собственных мировоззренческих установок.

Вторая ложь – в способе объединения «близкородственных» гаплотипов в клады. Напомню, что на сегодня известно несколько сотен маркеров, но все вновь открытые последовательности нуклеотидных повторов, разносятся по уже существующим «кладам» и производным от них гаплогруппам. Проведем аналогию: возьмем большую выборку людей со всего Света и промерим у них 6 показателей, например длину и ширину стопы, рост, обхват талии, цвет волос и угол оттопыривания ушей. Все эти признаки наследуются, так что пример в целом адекватный. На основании полученных промеров распределим всех людей на 18 кластеров, ну типа: клад А – «большеногие, низкорослые, лопоухие, чернявые толстячки», а клад R – «длинностопые, высокие, худощавые блондины с прижатыми ушами». А теперь доведем количество используемых маркеров до 67, но все новые данные, типа: формы носа, цвета кожи, разреза глаз и тому подобное, будем привязывать к уже имеющейся классификации. В итоге по нашей классификации тощий бушмен и тощий эскимос окажутся гораздо более близкими «родственниками», чем их более ширококостные соплеменники. Представили? Конечно, приведенная аналогия сильно гипертрофирована, так как использованные в примере фенологические признаки кодируются множеством рекомбинируемых генов, но суть я думаю понятна. Так что неудивительно, что *«Есть в классификации и явные черные дыры – в них иногда попадают люди с редким набором мутаций. Редактор Newsweek Дмитрий Кузнец, например, единственный из всех наших испытуемых, вообще не смог определить происхождение своего отца... Генетика ситуацию не прояснила: ученые не смогли четко отнести Кузнеца ни к одной гаплогруппе по Y-ДНК»* [Клесов А. А.].

Третья ложь – это то, что разница в количестве повторов в маркере четко взаимосвязана с удаленностью индивидуумов на генеалогическом древе. То есть, если у вас в маркере DYS#19 16 повторов, у вашего знакомого – 15, а у меня только 11 квадруплетов ТАГА, то по логике адептов ДНК-генеалогии мы с вами в пять раз более дальние родственники, чем вы с вашим знакомым. Логика авторов проста и понятна: в первом случае произошла одна мутация, а во втором – целых пять, на что потребовалось в пять раз больше смен поколений. Но проблема в том, что авторы лукаво рассматривают только один из видов мутаций, когда ДНК-поли-

мераза – фермент «снимающий копию» с ДНК-цепочки, «сбивается со счета» и «забывает» один повтор, либо наоборот вставляет лишний. Причем бездоказательно считается, что вероятность сбоя, при котором ДНК-полимераза ошибается не на один, а допустим сразу на пять повторов, ровно в пять раз ниже. При этом сторонники ДНК-генеалогии совершенно игнорируют гораздо более распространенный тип мутаций, который как раз и лежит в основе эволюционного процесса – спонтанные однонуклеотидные мутации. Их частота колеблется от одной на сто тысяч нуклеотидов, до одной на миллион, что при известной длине Y-хромосомы в 50 миллионов нуклеотидов гарантирует нам как минимум 50 спонтанных мутаций на поколение. Уточняю, что приведенные цифры характеризуют мутации, сохранившиеся в геноме после репарации – специальной процедуры, исправляющей повреждения и сбоя в копировании ДНК, то есть только те, которые будут унаследованы потомками. Так вот, спонтанная мутация с равной вероятностью может произойти на любом участке хромосомы. В том случае если она попадает на маркерный участок, цепочка повторов разрывается. В рассматриваемом нами примере: случай, когда мутация нарушает последовательность именно в одном из двух крайних квадруплетов, имеет ровно такую же вероятность, как и в пятом с краю. Но в первом случае 16 квадруплетная цепочка сократится до 15 повторов, а во втором – разорвется на две цепочки длиной в 11 и в 4 повтора ТАГА. Хотя и в том, и другом случае имело место одна мутация на маркере DYS#19. А значит мои шансы оказаться вашим родственником лишь незначительно ниже, чем у вашего знакомого из приведенного примера.

Четвертая ложь, а точнее целый букет из наивных заблуждений и прямой дезинформации связан с измерением временных промежутков «до общего предка». Начнем с того, что сама частота мутаций, даже для одного и того же маркерного участка Y-хромосомы, величина далеко не постоянная. Существует множество факторов способных заметно увеличить частоту мутаций, причем сила их влияния в разных уголках планеты и в разные эпохи изменяется. Это и естественный радиационный фон местности, и ультрафиолетовое излучение, и ретровирусы, и химический состав воды и пищи. Но самое главное – обычное повышение температуры в местах проживания на 10 °C вызывает пятикратное увеличение частоты точечных мутаций. То есть, у жителей субтропиков мутации возникают в десятки раз чаще, чем у жителей Приполярья.

Но ладно бы только это. У меня вызывает сомнения сам принцип расчета количества поколений до общего предка на определенной территории. Вот характерный пример таких расчетов: «Гаплогруппа R1a1. 104 шестимаркерных гаплотипа, базовый 16—12—25—10—11—13. В сумме $104 \times 6 = 624$ маркера имеют 165 мутаций. Считаем $- 165/624/0.0016 = 165$ поколений, или 4130 лет... пра-арии появились на Балканах как будущие хорваты 4100 лет назад» [Клесов А. А.]. Давайте на время отвлечемся и представим, что сами первичные данные: способ вычленения базового гаплотипа в выборке, количество мутаций и их частота – достоверные, и общий предок всех представленных в выборке мужчин действительно жил 4130 лет назад. Но значит ли это, что он пришел на Балканы именно в это время? Нет. Он мог родиться и жить где угодно, а его потомки по прямой мужской линии могли переселиться на Балканы буквально пару сотен лет назад: 7—8 поколений более чем достаточно, что бы считаться коренным жителем. А могли ли предки этих мужчин появиться на Балканах ранее конца третьего тысячелетия до нашей эры? Запросто. Во-первых, выборка в 104 человека из всей популяции, как с точки зрения статистики, так и с точки зрения биометрии, никак не может считаться репрезентативной. То есть, в выборку могли просто не попасть более дальние родственники, и соответственно возраст общего предка сильно занижен. Во-вторых, даже сегодня далеко не все пожилые мужчины могут похвастать тем, что у них есть внуки, унаследовавшие их Y-хромосому, а уж на заре бронзового века, когда средняя продолжительность жизни мужчин была существенно короче – это и вовсе было уделом немногих счастливицков. Интересно, что сами адепты ДНК-генеалогии знают об этом: «ученые выяснили, что прапродитель всех

мужчин на планете, „Адам“ (были и другие, но его гены оказались самыми стойкими), жил в Африке 90 000—130 000 лет назад. „Ева“ – та, чьи гены носит в себе все население планеты, – жила на Черном континенте 150 000 лет назад» [www.dpo-sv.ru], но в своих расчетах почему-то игнорируют. Вот и получается, что носители «гаплогруппы R1a1... появились на Балканах» достаточно давно, что бы считаться коренным населением, а все остальное – буйная фантазия автора.

Перечень ляпов, намеренно или по незнанию допускаемых «специалистами» по ДНК-генеалогии, можно было бы и продолжить. Особенно меня возмущают их нечистоплотные игры с теорией вероятности! Но я думаю и того, что уже написано, достаточно, чтобы с улыбкой относиться к их заявлениям типа: «Лингвисты имеют более правдивое представление о прошлом человечества, нежели богословы. Историки – более, чем лингвисты. Антропологи – более, чем историки. Популяционные генетики – более, чем антропологи. ДНК-генеалоги более, чем популяционные генетики. Лучшие ДНК-генеалогов наше прошлое не знает никто» [Известный ДНК-генеалог С. Сидоров]. Кстати, замечательный рекламный лозунг, идеальный с точки зрения маркетинга, но совершенно недопустимый с точки зрения научной этики, что лучше всего характеризует его автора – он успешный коммерсант, а не ученый.

Получается ДНК-генеалогия – лженаука, не заслуживающая внимания? Нет. Наука не виновата, что недобросовестные дельцы в угоду своему бизнесу искажают и подтасовывают результаты. Сами ученые-генетики, изучающие варибельность человеческого генома, как правило, честно публикуют полученные данные, сторонясь скоропалительных всеобъемлющих выводов. В рамках интересующего нас вопроса об этнической принадлежности первых коневодов особенный интерес вызывают генетические исследования древней Y-ДНК, выделенной из костных остатков представителей различных археологических культур. На сегодня наиболее ранние проанализированные останки степных животноводов принадлежат племенам бронзового века (3—2 тысячелетие до нашей эры), обитавшим на Южном Урале и в Таримской котловине [Li et al.]. И в том, и в другом случае в анализах преобладали гаплотипы, относящиеся по существующей классификации к гаплогруппе R1a1. Интересно, что аналогичные результаты получены и для современной им восточно-европейской культуры лесостепных животноводов, знакомых с коневодством, а именно для культуры шнуровой керамики (боевых топоров).

Адептами ДНК-генеалогии носители гаплогруппы R1a1 прочно ассоциируются с древними индоевропейцами – ариями [Клесов А. А.]. Логика их рассуждений проста: в индийских ведах ариями именуются пришедшие с севера, исповедовавшие ведическую религию. Эти племена в начале второго тысячелетия до нашей эры положили конец цивилизации Хараппы и дали начало современной кастовой системе индуизма. Сами арии – воины и брахманы, благодаря кастовым ограничениям мало смешивались с местным аборигенным населением. Данные археологии указывают на определенные связи пришлых ариев с андроновской культурой Южного Приуралья. Наиболее распространенные гаплотипы среди проанализированных андроновских останков, так же как и среди касты индуистских брахманов принадлежат к гаплогруппе R1a1. А недавние раскопки на Южном Урале древних поселений типа Синташты и Аркаима, напоминающих по своей архитектуре описанный в ведах «идеальный город» ариев, развеяли последние сомнения скептически настроенной части сторонников ДНК-генеалогии.

Вот только, как и в случае с гаплогруппами, есть несколько «неточностей», которые старательно замалчивают коммерсанты от генетики. Неточностей, которые сводят на нет всю логику их исторических «реконструкций». Начнем с того, что между южно-уральскими поселениями «Страны городов» и падением североиндийской цивилизации Хараппы лежит минимум 200 лет. То есть, на рубеже третьего-второго тысячелетий до нашей эры в Приуралье действительно появились некие пришлые племена, строившие города с радиальной архитектурой, принесшие с собой инновации развитого бронзового века. Но уже через столетие они канули

в лету, а на их месте возник целый спектр автохтонных культур, как правило, объединяемых в срубную и андроновскую культурно-исторические общности. Обновленные местные культуры унаследовали от пришельцев только ряд технологических новаций, но никак не религию и не архитектуру, а тем более не их мужские гены. Исследованный древний геном принадлежал исконно южноуральским алакульским племенам, а геном насельников Синташты и Аркаима никто пока не исследовал.

Во-вторых, археологи свидетельствуют о том, что конец Харапской цивилизации положили даже не сами андроновцы-алакульцы, а народы бактрийско-маргианской культуры, населявшие южные отроги Тянь-Шаня, которые, получив «толчок с севера», отправились покорять долину Инда. Судя по всему, именно они и были теми самыми ариями, перенявшими от андроновцев, а может и от самих синташтинцев, ряд технологических и культурных новаций. А гаплогруппа R1a1 могла быть привнесена в Северную Индию несколько позже, например в эпоху Кушанского царства, когда не только Северная Индия, но и Пакистан, Афганистан и другие территории Средней Азии оказались под властью выходцев из Таримской котловины, потомков тех самых племен, чью генетическую принадлежность к гаплогруппе R1a1 подтвердили совместные исследования китайских и немецких генетиков [Li et al.]. А может и еще позже – во времена Великих Моголов, в правящей элите которых хватало представителей тюркских племен, среди которых искомая гаплогруппа и сегодня довольно широко распространена. Несомненно и те и другие, оседаая на новой родине, включались в состав только высших каст – брахманов и кшатриев, что естественно нашло отражение в геноме их прямых потомков.

Так что арии, конечно, жили на севере от Индии и говорили на санскрите, вот только к установленным древним носителям гаплогруппы R1a1 они никакого отношения не имели. А всякие досужие размышления о связях русского и индийского «арийского» генофонда, а так же о «совпадающем» времени для «общего предка» – не более чем фантазии людей, далеких как от истории, так и от популяционной генетики, разделом которой, по идее, и является ДНК-генеалогия, как наука. Людей, представляющий как коммерческий продукт «популярная ДНК-генеалогия». И это область знаний другого порядка, которую в пору выделять в самостоятельный раздел маркетинга.

Итак, на основании накопленного на сегодняшний день генетиками материала, можно с уверенностью утверждать только то, что среди мужского населения вероятных потомков мезолитических «коневодов» был распространен гаплотип, попадающие по существующей классификации в гаплогруппу R1a1. А подключив знание истории и логику, можно добавить, что современный ареал гаплогруппы R1a1 во многом определяется расселением мужских потомков этих племен, и, соответственно, носители соответствующего набора маркеров в Y-хромосоме с высокой долей уверенности могут считать себя их прямыми потомками по мужской линии. А вот кто они: арии, тюрки или просто «длинностопые, высокие, худошавые блондины с прижатыми ушами»? На этот вопрос генетика пока ответить не может.

В любом случае полученные данные по древним геномам относятся к не столь уж отдаленному времени – второе, максимум третье тысячелетие до нашей эры – бронзовый век. К этому времени лошадь уже полностью одомашнена и пригодна не только для табунного, но и для стойлового содержания, что позволяет племенам, изначально никак не связанным с коневодством, легко заимствовать «технологии» ее разведения. Первые же коневоды в два – два с половиной раза старше культур шнуровой керамики и андроновской.

Сегодня единственная наука, способная заглянуть так далеко вглубь веков и хоть как-то пролить свет на нематериальный аспект жизни интересующих нас племен – историческая лингвистика. И хотя далеко не все современные ученые однозначно воспринимают данные палеолингвистических исследований, но за неимением лучшего мы попробуем воспользоваться их результатами для ответа на вопрос об этнической принадлежности первых коневодов, ибо не что так ярко и полно характеризует этнос как его язык.

Лингвистический аспект

Начнем, пожалуй, с того, что результаты исследований ископаемых останков убедительно доказывают: люди, обладавшие необходимыми анатомическими органами, позволяющими разговаривать и использовать язык, появились, по крайней мере, 250 тысяч лет назад, а возможно и гораздо раньше. Изучение ископаемых черепов людей того времени выявляет наличие мозговой асимметрии, так же как и у современных людей у наших далеких предков левое полушарие, отвечающее за речевую функцию, было больше правого, а гортань уже была расположена достаточно низко, позволяя издавать звуки современной речи. Эволюция этих органов – прямое свидетельство развития речи у людей палеолита. Более того, тот факт, что эти морфологические изменения были закреплены в геноме, говорит нам, что те, кто лучше умел говорить, имели определенное эволюционное преимущество перед теми, кто говорил хуже. Причем эволюция речевого аппарата, по сути, была завершена к тому времени. А значит уже первые кроманьонцы имели достаточно развитую речь, обеспечивающую адекватную коммуникацию и в полной мере отвечающую запросам социальной среды того времени. Тем более не были «угукающими дикарями» интересующие нас племена мезолитических «коневожов». А вот на каком языке они говорили – вопрос дискуссионный. Кто-то считает что на праиндоевропейском (Гимбутас М. Б., Абаев В. И.), кто-то думает что на пратюркском (Сулейменов О. О.), есть и более экзотические версии (Чудинов В. А.). Давайте попробуем разобраться.

Исходя из того, что все человечество, все разнообразие вида *Homo sapiens sapiens* имеет единое происхождение, а также учитывая совершенно развитый речевой аппарат у самых древних представителей вида, лингвисты делают вывод, что все языки произошли от общего предка – Прамирового языка. Этот язык не обязательно является первым языком вообще, он лишь является предком всех нынешних языков. В прошлом бок обок с ним могли существовать другие языки, которые затем вымерли: например неандертальцы и денисовцы, которые разошлись с предками современного человека раньше, чем сформировался полноценный речевой аппарат, могли говорить на каких-то своих языках, возможно совершенно иначе устроенных. Из этого следует важный вывод, что все известные, как живые, так и мертвые языки являются результатом развития и дивергенции общей языковой основы. А раз так, то есть возможность классифицировать все языки, объединив их в группы, родственные по происхождению. В упрощенной форме это может быть представлено в виде филогенетического Древа (рис. 25). В упрощенной, потому что языки «умеют» не только делиться на более мелкие ветви, но и срастаться, например, путем креолизации, да и взаимопроникновение языков при длительных близких контактах их носителей – то же вполне обычное явление.

Если рассмотреть этот тезис с противоположного конца, то мы получим, что когда-то предки современных славян (как пример) говорили на едином праславянском языке. До этого их общие предки с немцами, иранцами и индусами говорили на древнем наречии, близком к санскриту. А еще раньше существовал единый язык общий не только для индоевропейской, но и для уральской, и для алтайской семей языков. Этот древний язык, давший начало большинству современных диалектов Европы, Северной и Центральной Азии, лингвисты назвали «ностратическим» (от латинского *nostrātis* – «нашего круга»). Логическую цепочку можно продолжить и дальше вглубь веков к «борейскому языку», на котором по мнению выдающегося российского лингвиста Сергея Анатольевича Старостина, говорили общие предки американских индейцев и большинства евразийских народов. И так вплоть до Прамирового языка первых кроманьонцев.

Само по себе существование какого-то праязыка, ставшего основой для всего существующего лингвистического разнообразия, мало кем оспаривается. Основные возражения появ-

ляются когда речь заходит о построении лингвистических классификаций, основанных на степени родства языков, а так же при определении времени разделения родственных языков.

Главная проблема построения иерархической классификации учитывающей реальную степень родства отдельных языков и их групп (семей) в том, что они развивались отнюдь не изолированно друг от друга. Любой известный язык содержит большое количество внешних заимствований, как современных, так и довольно старых, полученных как от ближайших соседей, так порой и от весьма отдаленных этносов. Отличить эти заимствования от действительно родственных слов крайне сложно, а порой и вообще не возможно, ибо у каждого слова своя судьба. А если учесть, что и сами языки не только расходятся при разделении ранее единого этноса, но еще и активно смешиваются между собой в результате креолизации, пейджинизации или формирования контактных языков, то становится понятным насколько сложен процесс установления родственных лингвистических связей и насколько этот процесс противоречив. Причем чем выше ранг языковой семьи в лингвистической классификации, тем больше споров о ее происхождении и входящих в ее состав языках. Так, например, ряд лингвистов, таких как Кортланд, Горнунг, Уленбек, Трубецкой считали, что праиндоевропейский язык – это результат смешения северокавказского и урало-алтайского языков.

Еще больше спорных моментов связано с глоттохронологией. Этот метод сравнительно-исторического языкознания для предположительного определения времени разделения родственных языков имеет массу как сторонников так и противников. В его основе лежит гипотеза М. Сводеша, что скорость изменения базового словаря языка остается примерно одинаковой. В рамках этой гипотезы время расхождения языков определяется путем подсчета количества заменённых слов «ядерной лексики» в каждом языке. При соотнесении этого метода с данными археологии, датированными по радиоуглероду и группам крови, было установлено 87% точность для индоевропейских языков. Также установлено, что методика Сводеша неплохо работает для китайского, хамито-семитских и америндских языков. В остальных случаях, например, при исследовании сино-кавказской, уральской или алтайской языковых семей, метод Сводеша показывает недостоверные результаты. Попытка скорректировать формулу американского лингвиста была сделана выдающимся русским ученым Сергеем Анатольевичем Старостиным. Введенные им «*индивидуальные коэффициенты стабильности*», усовершенствовали метод расчета времени расхождения языков, и позволили применять его более широко. Однако и сегодня хватает оппонентов этой гипотезы, считающих, что расчет не возможен, ибо «*каждое слово имеет свою собственную историю*».

Но оставим в стороне агностиков, на них все равно не угодишь. Тем более что нас интересует не какая-то конкретная дата, а достаточно обширный временной отрезок: IX – VI тысячелетие до нашей эры (мезолит). Уж с такой-то точностью методы глоттохронологии дают практически стопроцентный результат. Так вот, согласно расчетам Старостина на этот период приходится распад единого ностратического языка на «*индоевропейские, уральские, алтайские, дравидийские, картвельские, эскалеутские языки*» [Старостин С. А., Милитарев А. Ю.].

Другими словами мезолитические охотники за тарпанами, взявшиеся за их приручение говорили на одном из ранних диалектов ностратического языка, который скорей всего и выделился в самостоятельный диалект благодаря их специализации. На это же указывает наличие единого ностратического корня «*toḡu*» в значении лошадь, сохранившееся в протоалтайском и с небольшими изменениями вошедшего в протодравидский (*tuḡi*) и протоиндоевропейский (*mag*) языки. Постепенно, по мере смены климата и ландшафтных зон, зона степей и лесостепей росла, ареал тарпана расширялся и вслед за ними расходились по степи племена, связавшие свою судьбу с данным животным. Позже предки дравидов ушли на юг за Тянь-Шань и Гиндукуш, утратив связь с лошадьми (есть сведения, что они пытались одомашнить зебру). А предки носителей индоевропейской и алтайской языковых семей еще долго продолжали существовать бок о бок, да, по сути дела, и сейчас продолжают сосуществовать в частично перекрывающихся

ареалах. Только протоиндоевропейцы, возможно под влиянием сино-кавказских и хурито-семитских народов, а возможно просто в силу особенностей климата, постепенно все больше и больше оседали на земле. Занялись выращиванием пшеницы, ячменя, ржи и гороха; рыбной ловлей и охотой; а лошадь стала лишь одним из домашних животных наряду со свиньей, овцой, козой и гусем. Тогда как предки алтайской языковой семьи (точнее носители пратюркского языка, так как остальные, судя по всему, его производные), оказавшиеся в более суровых климатических условиях и кроме того не ощущавшие такого мощного иноязычного культурного воздействия со стороны, остались верны своему животному-симбионту. Хотя и они позаимствовали для разведения крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов и северных оленей, да и охотой и рыбалкой не брезговали.

Согласно расчетам специалистов по глоттохронологии, вплоть до V – IV тысячелетия до нашей эры племена коневодов говорили на двух диалектах единого языка. И лишь в энеолите протоиндоевропейское языковое единство начало распадаться. Из него выделились хетто-лувийский и прототохарский языки. Одни ушли в Закавказье, другие осели на юго-востоке Алтайских гор. И в том и другом случае горы стали барьером на пути свободного информационного обмена, дав возможность отколовшимся племенам развивать язык в отрыве от основного лексического ядра. Отколовшиеся племена хоть и были выходцами с праиндоевропейской общности, но в момент ухода их язык, по сути, мало отличался от того же прототюркского диалекта ностратического языка. Поэтому не удивительно, что при общем флективном строе языка, что характерно для индоевропейских языков, некоторые диалекты хетто-лувийских языков (в лувийском и ликийском) сохранили элементы словообразования по агглютинативному типу [Баюн Л. С.], свойственному скорее тюркским языкам.

Единство пратюркского языка сохранялось значительно дольше, как минимум до начала I тысячелетия до нашей эры. Что же касается японского, корейского и тунгусо-манчжурских языков, объединяемым вместе с тюркскими в алтайскую семью языков, то они, видимо, явились результатом языковой ассимиляции европеоидными коневодами прототюрками палеоазиатских монголоидных племен, с присваивающим типом хозяйствования, ну и конечно же дальнейшего самостоятельного развития этих языков во взаимодействии с соответствующим иноязычным окружением. Что касается родственных им монгольских языков, то их распад на отдельные изголы датируется примерно V веком нашей эры, и несет явные следы повторного «отюрчивания» тунгусо-маньчжурского населения.

Итак мы установили, что история Степи непосредственно связана с охотничьими племенами Волго-Уральского региона, которые еще в мезолите (IX – VI тысячелетие до нашей эры) занялись одомашниванием тарпана. Говорили ранние коневоды на ностратическом языке, а многие мужчины были носителями гаплогруппы R1a1, которую они по прямой мужской линии передали своим потомкам. Союз с тарпаном дал этим племенам определенные преимущества по выживанию в условиях остепненных ландшафтов и способствовал их широкому расселению по умеренному поясу Евразии. В ходе этого расселения потомки мезолитических охотников за тарпаном оказались в разных природно-климатических условиях и вступили во взаимодействие с различными иными племенами, так же пережившими постледниковый кризис. Были среди этих племен и те, кто также освоил производящие формы хозяйствования. Благодаря им хозяйство коневодов пополнилось новыми породами домашних животных и культурными сортами растений. Часть ностратических племен (прадравиды, хетто-лувийцы, тохары), видимо в поисках новых земель, откочевала за горные хребты и далее развивалась в отрыве от основного лексического ядра. Оставшиеся в степном поясе со временем дали начало двум семьям языков: индоевропейской и алтайской.

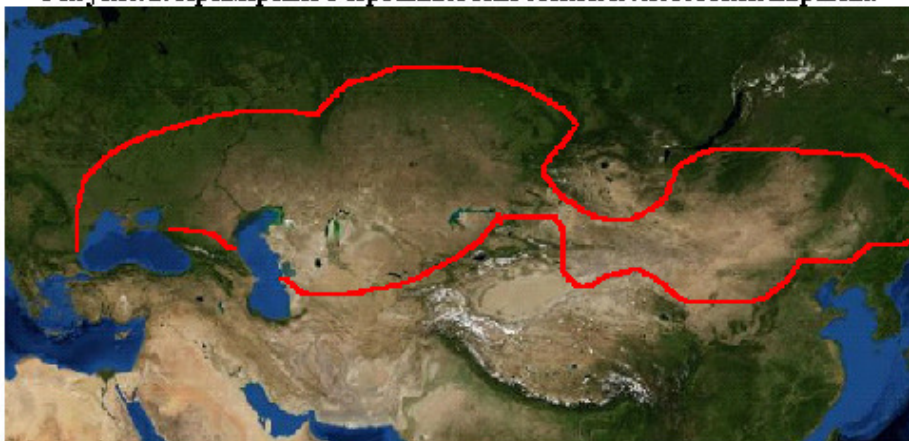
Остается добавить, что расселение коневодческих племен с Волго-Уральского региона не было однонаправленным – центробежным. За многотысячелетнюю историю Степи в ней

неоднократно, причем в разное время и в разных местах возникали свои очаги расселения, и шло это расселение по своим векторам, как с востока на запад или с севера на юг, так и в прямо противоположных направлениях. Возникновение таких очагов расселения, как правило, связано либо с существенными климатическими изменениями, когда народы вынуждены искать новую, более пригодную для жизни территорию; либо с техническими, и в первую очередь военными инновациями, давшими их обладателям несомненное преимущество в конкурентной борьбе с соседями за ресурсы. Хотя история знает примеры, когда в основе миграционных процессов стояли и религиозные мотивы, и народы Степи здесь не исключение.

На заре цивилизации

Практически через всю Евразию от Карпат до Сихотэ-Алиня тянется полоса степей. С севера она ограничена лесами, а на юге либо переходит в безводные пустыни, либо упирается в практически непроходимые горы. Примерно в середине степное приволье «перепоясано» северными отрогами Тянь-Шаня и Алтайскими горами (рис. 2). На концах этой своеобразной восьмерки степи смыкаются с древними Переднеазиатским и Дальневосточным очагами земледелия, а районе Тянь-Шаня и Копетдага – с Центральноазиатским центром. *«В течение весьма длительного времени степная зона служила специфичным базовым „доменом“ скотоводческих культур. Однако „домен“ этот включал в себя также расположенные севернее и экологически существенно более комфортные для обитания скотоводов лесостепные регионы. Помимо всего, эти популяции кочевали повсеместно не только в полупустынных, но даже в мало приветливых для обитателей пустынных регионах: от Закаспийских Каракумов и Кызылкумов вплоть до Гоби в центре Азии. Пастухов степных сообществ не столь уж редко можно было встретить и по южным окраинам горно-таежных регионов (к примеру, на Саяно-Алтае или в других областях). По этой причине понятие „степной пояс“ следует понимать как достаточно условное: в реальности сам „пояс“ включал в свою орбиту намного более обширные пространства»* [Черных Е. Н.].

Рисунок 2. Примерные очертания зоны степей и лесостепей Евразии.

В исторический период границы степного пояса не были постоянны, смещаясь вслед за изменениями климата. Для древних земледельцев и животноводов такие изменения носили лимитирующий характер. Они либо раздвигали границы пригодных для освоения территорий, вызывая волны иммиграции; либо сужали их, вынуждая искать лучшей доли на чужбине или изобретать новые формы хозяйствования; либо просто смещали их в широтном направлении, что опять же сказывалось на миграционных процессах. И чем примитивней был хозяйственный уклад этносов, тем более значимую роль в их жизни играли климатические сдвиги. В древности именно климатические перипетии чаще всего и выполняли роль пресловутого «*пассионарного толчка*», менявшего границы империй и приводившего к смене хозяйственных доминант. Поэтому давайте поближе познакомимся с климатической динамикой Евразии в интересующий нас период: с середины IV до середины II тысячелетия до нашей эры.

Понять насколько значительны были эти колебания можно на примере хорошо изученной динамики уровня Каспия. С конца последнего оледенения и до нашей эры выделяют пять циклов смены регрессий и трансгрессий, в период которых колебания уровня моря достигали

60 метров. Предпоследняя – Махачкалинская регрессия как раз имела место в интересующий нас интервал: началась со второй половины VI тысячелетия и достигла максимума (минус 40,5 м) примерно к 2000 году до нашей эры, сменившись в XVIII веке до Рождества Христова Туралинской трансгрессией. Надо понимать, что колебания уровня Каспия, хотя и свидетельствуют об общеевразийской тенденции изменения климата на более холодный и влажный, или на более теплый и сухой, но имеют довольно сложную взаимосвязь с колебаниями увлажненности различных климатических зон [Гумилев Л. Н.]. Причем локальные изменения климатические изменения, даже в относительно близко расположенных районах, могут иметь показатели обратные общестепному тренду (рис. 3). Так, что пример Каспия я привожу с одной лишь целью – продемонстрировать размах происходивших колебаний влажности.

Однако, помимо локальных колебаний температуры и влажности, учесть влияние которых на общецивилизационные процессы – задача будущих исследований, есть и глобальные климатические тренды, не учитывать которые, при изучении динамики исторических событий, просто нельзя. Если уж нынешний климатический кризис настолько серьезно сказывается на экономике развитых стран, что заставляет разрабатывать и принимать весьма затратные меры международного масштаба, то что говорить о племенах, пользующихся преимущественно каменным инструментом, которые только начали осваивать ирригацию и отгонное скотоводство.

Интерпретация палеоботанических данных и данных радиоуглеродного анализа позволяет выделить в умеренном поясе Евразии три наиболее теплые и сухие фазы голоцена: бореальную – 8900—8300 лет назад (VII тыс. до н. э.), позднеатлантическую (климатический оптимум) – 6000—4700 лет назад (III тыс. до н.э.), среднесуббореальную – 4200—3200 лет назад (II тыс. до н.э.) [Хотинский Н. А., Савина С. С.]. Соответственно в промежутках климат был более холодным и влажным. Для Европейских степей начало таких похолоданий установлено более точно и приходится на 3600, 3100, 2600, 2000 годы до нашей эры [Борисенков Е. П., Кондратьев К. Я.].

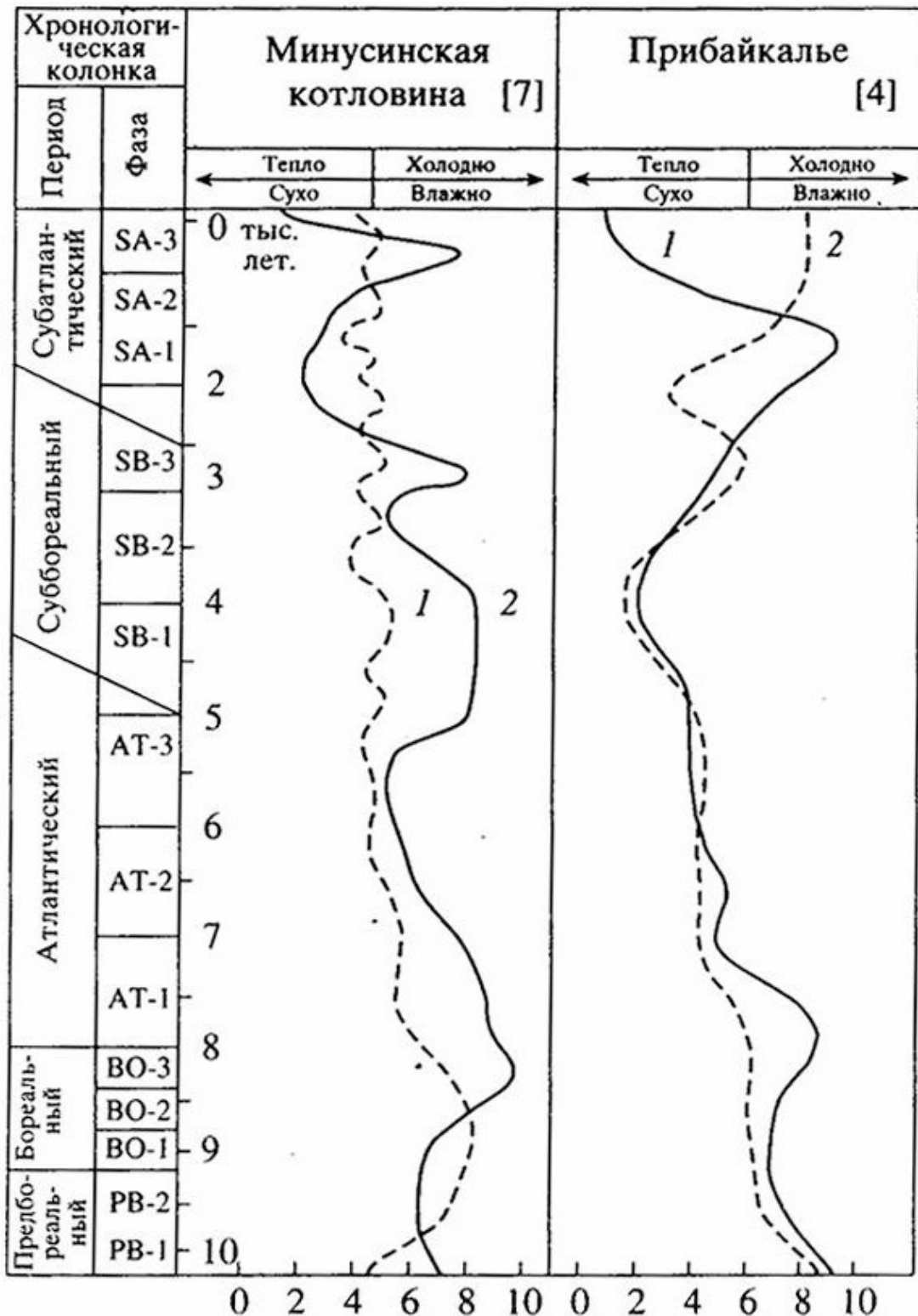

Рисунок 3. Корреляция климатических условий степных ландшафтов Сибири в голоцене (по Демиденко, 2000)

Другими словами, племена Среднестоговской и Хвалынской археологических культур господствовали в европейских степях в период атлантического климатического оптимума, когда температуры июля превышали современные на 2, а января на 4 градуса. В середине IV тысячелетия до нашей эры, начался суббореальный период, связанный с общим похолоданием и увеличением влажности, в это время в Волжско-Днепровских степях складывается

новая культурно-историческая общность, получившая, по характерному обряду захоронения умерших, название Ямной или Древнеямной. Расцвет этих культур пришелся на начало третьего тысячелетия до нашей эры, климат на какое-то время вновь стал, теплым и сухим [Иванов И. В., Васильев И. Б.; Иванов И. В. и др.]. Примерно с середины III тысячелетия в Степи вновь похолодало и, из-за повышенной влажности, ее границы сместились южнее.

На рубеже III—II тыс. до н. э. имел место палеоэкологический кризис [Демкин В. А. и др.], характеризующийся переходом к среднему суббореальному периоду. В целом данный период характеризуется термическим максимумом и засушливостью [Иванов И. В., Васильев И. Б.]. Климат стал сухим, жарким и более континентальным, чем сейчас. Большинство озер осушается, ландшафты становятся сухостепными, а на крайнем юге – пустынно-степными. В это время исчезают многие археологические памятники в степи, где в природной жизни и в жизни населения отмечается «глубокая депрессия» [Иванов И. В., Васильев И. Б.]. Причем, по данным палеопочвоведов, палеоэкологов и археологов, ситуация с аридизацией климата в первой половине II тысячелетия до нашей эры продолжает усиливаться [Демкин В. А., Рыськов Я. Г.; Мельник В. И.]. Годовые суммы осадков в этом периоде на большей части Степи были на 50—100 мм меньше современных [Хотинский Н. А., Савина С. С.]. Происходит сдвиг почвенно-географических подзон, в том числе и в южноуральских степях к северу [Демкин В. А., Рыськов Я. Г.]. Не удивительно, что в этот период вновь приходится смена культурных доминант в евразийской степи. На смену культурам ямной культурной общности приходят культуры развитого бронзового века, такие как Андроновская и Срубная.

Однако какую бы важную роль в жизни племен медного и тем более бронзового века не играли климатические катаклизмы, уже в этот период не менее значимым фактором в определении вектора экспансии отдельных культур становятся технические инновации. Это охотники-собиратели неолита были вынуждены беспрекословно следовать за смещением ареалов своих основных кормовых видов, а энеолитические племена, освоившие комплексные производящие формы хозяйствования, способные создавать пищевые резервы, знакомые с начатками меднолитейного производства, могли, до определенной степени, сопротивляться давлению среды, изобретая приспособления, облегчающие выживание в меняющихся условиях. Примером таких идиоадаптационных инноваций могут служить и плуг, и орошаемое земледелие, и отгонное скотоводство, давшие соответствующим племенам серьезное эволюционное преимущество. Все эти новшества, наряду с климатическими факторами, несомненно нашли отражение в миграциях населения и в культурной экспансии передовых этносов. Учесть их все – крайне амбициозная задача, но оставим ее в стороне, ибо в нашем конкретном случае мы можем ограничиться учетом только двух технологических линий, сыгравших определяющую роль в становлении цивилизации номадов: развитие колесного транспорта и металлообработка.

Первое знакомство человека с медью произошло через самородки, которые при ударном воздействии деформировались и им можно было придать необходимую форму. Несмотря на свою мягкость медь имела важное преимущество – медное орудие можно было починить, а каменное приходилось делать заново, но медные самородки – не слишком распространенный продукт, так что долгое время медные орудия соседствовали с каменными. Эта эпоха получила название «энеолит», в буквальном переводе с греческого «меднокаменный». В европейские степи энеолит пришел в V тысячелетии до нашей эры вместе со становлением средне-стоговской и хвалынской археологических культур. И хотя в соседнем Балкано-Карпатском регионе было освоено медеплавильное производство, но в степные животноводческие племена медь попадала в виде дорогих ювелирных украшений. Возможно земледельцы трипольской культуры, населявшие пространства между балканскими медеплавильщиками и среднестоговскими животноводами, специально ограничивали знакомство своих соседей с металлическим инструментом.

Ситуация резко изменилась в IV тысячелетии, когда на Северном Кавказе была изобретена мышьяковистая бронза – сплав меди с мышьяком [Черных Е. Н.]. Само изобретение, скорей всего, было связано с использованием в качестве медьсодержащей руды люционита (Cu_3AsS_4) из меднорудного месторождения Уруп на территории нынешней Карачаево-Черкесии. Получившийся металл существенно превосходил медь по пластичности, прочности и коррозионной стойкости. В районе месторождения быстро сформировалась синтетическая по происхождению Майкопская культура. Древние майкопцы, наряду с бронзоволитейным производством и террасным земледелием, практиковали отгонное овцеводство. Причем свои отары они отгоняли далеко в степь, чем способствовали формированию новой культуры бронзового века у степных животноводов – Древнеямной. Благодаря им бронзовый век быстро распространился за пределы исходной Циркумпонтийской металлургической провинции, чему, кроме всего прочего, существенно способствовало и открытие Южноуральских и Алтайских месторождений медных руд. Именно с освоением этих приисков связан следующий этап развития степной цивилизации – переход к позднему бронзовому веку, наиболее ярко выраженный в андроновской и срубной культурных общностях.

Колесный транспорт был неотъемлемой принадлежностью быта кочевников. Античные авторы называют скифов «живущими на повозках» [Бессонова С. С.]. Именно повозки обеспечили мобильность номадов, а их боевая модификация – легкая колесница, запряженная лошадьми, стала настолько мощной инновацией, что позволила потомкам древнеямников привести к власти свои династии в большинстве государственных образований середины II тысячелетия до нашей эры от нижнего течения Хуанхэ до устья Нила и от истоков Урала до устья Норманды. Однако, для того, чтобы достичь технологического уровня андроновской колесницы, цивилизации потребовалось полтора тысячелетия и более десятка крупных изобретений, каждое из которых вносило свой вклад в культурную, экономическую или военную экспансию передового этноса. Это целый набор новаций по преобразованию тяжелого, быстро изнашивающегося цельнодеревянного колеса в сложносоставное, окованное металлом колесо со спицами; по сути технологический прорыв в области сопряжения колеса с осью: от жесткого сцепления до биметаллической ступицы; большой блок рационализаций по облегчению и упрочнению корпуса повозки, а так же способа его соединения с осью, верхом развития которого стало появление амортизирующих приспособлений и поворотной передней оси; развитие системы соединения повозки с тягловым животным и способа управления этими животными. Перечень изобретений можно и продолжить, но мы остановимся только на двух из них, которые сыграли весьма существенную роль в становлении и расселении протономадов энеолита.

Древнейшая повозка, найденная археологами в городской культуре на юге Туркменистана, датируется второй половиной IV тысячелетия до нашей эры [Кирчо Л. Б.]. Это было громоздкое, неповоротливое сооружение на четырех цельнодеревянных колесах, приводимое в движение парой мощных быков. Но даже в таком виде телега имела явные преимущества по грузоподъемности и прочности по сравнению с волокушами и санями, выполнявшими роль транспорта до изобретения колеса. Не берусь судить каким путем (экономическая экспансия или просто техническое заимствование), но уже в начале третьего тысячелетия несколько усовершенствованный вариант этой повозки оказался в распоряжении культур древнеямной общности (рис. 4), не мало поспособствовав их широчайшему распространению по степным районам Евразии.

Получив повозку, животноводы ямной культуры продолжили ее совершенствование. Причем если в городских цивилизациях Передней и Центральной Азии совершенствование колесного транспорта шло по пути усиления его грузоподъемности и повышения защищенности возницы (в повозках военного назначения), то в условиях степных ландшафтов, с их обширными пространствами и дефицитом подходящей древесины, на первое место выходит облегчение веса конструкции. Да и зачем пастуху шумерская колесница, влекомая минимум

четверкой ослов или быков, для разворота которой требовалась помощь нескольких взрослых мужчин? Вавилонских башен и египетских пирамид степняки не строили, в захватнических войнах замечены не были. Ему бы свой нехитрый скарб перевезти с зимних квартир на летние выпасы, ну может еще сено или урожай с поля доставить. Так что логичным итогом этого технического прогресса, помноженного на совершенствование бронзоволитейного производства, стало появление в начале II века до нашей эры в районе Южного Приуралья одноосной повозки с композитными спицевыми колесами, оббитыми медью, которые крепились к оси при помощи медной же втулки. Такая повозка была в разы легче и маневренней, а самое главное, ее легко тащили не только медлительные волю но и быстроногие лошади.

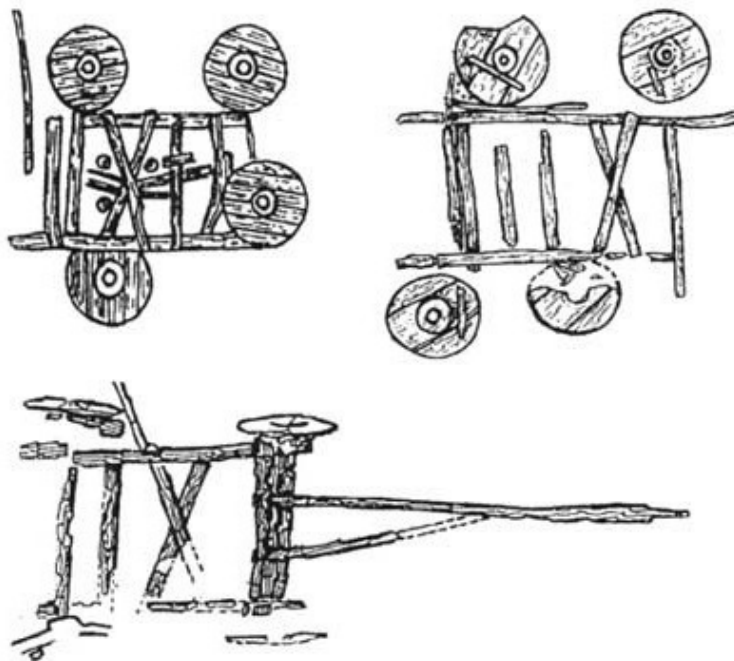

Рисунок 4. Деревянные повозки ямного периода.

Получившаяся конная колесница стала качественно новым видом транспорта. До этого все приспособления человечества для транспортировки пассажиров и грузов имели скорость пешехода. Они, хоть и облегчали переноску тяжестей, но при этом часто замедляли сам процесс их перемещения. Тогда как конная повозка на облегченных колесах, даже с серьезным грузом, обеспечивала скорость, едва доступную бегущему налегке человеку.

Новшество тут же было приспособлено в военных целях. Здесь весьма пригодились и другое изобретение степных животноводов – длиноплечий, мощный, дальнобойный лук, который использовался ими для охоты в условиях больших открытых пространств. Лесным охотникам такой лук был ни к чему, только за ветки бы цеплялся, а землепашцам урбанистических царств, было не до охоты, да и в междоусобицах они предпочитали оружие, сильно напоминающее привычный сельхозинвентарь. В первой четверти II тысячелетия до нашей эры в приуральских степях одно из племен древнеямной культурно-исторической общности догадалось объединить эти два изобретения, получив в итоге грозное и всепокрушающее оружие, встряхнувшее всю Ойкумену.

Произошла смена культурных доминант и ямники эволюционировали до культур развитого бронзового века ядро которых составляли срубники и андроновцы. Новые хозяева Степи, пользуясь невиданным доселе военным преимуществом, быстро стали хозяевами и в урбанистических царствах, лежавших в более плодородных землях.

Теперь, когда мы познакомились и с главными действующими лицами и с условиями в которых формировалась цивилизация номадов, самое время перейти к собственно истории и постараться воссоздать события той далекой эпохи.

Древнеямная культурно-историческая общность

В середине IV тысячелетия до нашей эры в Европейских степях, в Поволжье и на Кубани, господствовали энеолитические племена хвалынской культуры, а несколько западнее, между Днестром и Доном, близкие к ним племена среднестоговской культуры. И те и другие были в первую очередь животноводы: держали овец, коз, свиней и лошадей, но на западе, кроме того, выращивали пшеницу, ячмень, просо и горох, а на востоке свое меню разнообразили за счет охоты, рыболовства и собирательства. Пользовались они при этом каменными и костяными орудиями. Медные изделия, преимущественно в форме украшений, попадали в Степь из Балкано-Карпатского региона и были крайне редки.

К этому времени заканчивается довольно теплый и сухой период атлантического климатического оптимума. Ему на смену приходит суббореальный период, связанный с общим похолоданием и увеличением влажности. Однако, для среднестоговцев и хвалынцев, обитавших на юго-западе степной зоны, падение среднегодовой температуры на 5—6 градусов, практически до современного уровня, не могло быть критичным. А увеличение влажности – скорее благо для степных животноводов. Так что смена культурной доминанты была обусловлена не климатическим катаклизмом. Вторжения извне тоже не было, ибо культуры ямного круга, хоть и несут следы инородного влияния, но все же являются прямыми потомками автохтонных племен [Тесленко Д. Л.]. Так что же послужило причиной превращения мирных пастухов хвалынцев и среднестоговцев в хорошо вооруженных древнеямников?

На мой взгляд таких причин две.

Первая – внутренняя, связанная с возникновением, по всей видимости в Среднем Поволжье, нового культа, который существенно скорректировал представления степняков о загробной жизни. Дело в том что захоронения Хвалынской и Среднестоговской культур довольно значительно отличались. Хотя и те и другие хоронили усопших в вырытых могилах, но первые укладывали покойника на спине с согнутыми коленями и сопровождали погребения жертвенными животными, тогда как вторые помещали умерших в скорченном положении на боку, посыпали охрой и сопровождали захоронение хозяйственным инвентарем, а в качестве «жертвоприношения» использовали статуэтки людей и животных. Тот кто считает, что это не слишком большая разница, пусть попробует в наш атеистический век на похоронах поменять хотя бы просто положение рук покойного, думается, он тут же убедится в крайней консервативности погребальной церемонии. Видимо апологетам нового культа удалось как-то объединить и развить религиозные представления хвалынцев и среднестоговцев, так как новый погребальный обряд нес в себе черты обеих культур: покойник лежал на спине, с согнутыми коленями, в загробный мир его сопровождали жертвенные животные, но тело обильно посыпалось охрой. Кроме того возникла и новация – надмогильные курганы. Последнее свидетельствует еще об одном важном новшестве в жизни степных животноводов – появлении социального расслоения общества, ибо далеко не все удаивались чести быть захороненными по новому обряду.

Вторая причина – внешняя, связана с развитием меднолитейных технологий. Уже в конце V тысячелетия монополия Балканских медеплавильщиков была нарушена, медь стали добывать на Анатолийском нагорье, Ближнем Востоке, в Месопотамии и вокруг Персидского залива. Где-то к середине IV тысячелетия древние рудознатцы нашли месторождение в горах Северного Кавказа. Новые копи, за счет примесей мышьяка, давали металл, обладавший гораздо лучшими потребительскими свойствами, чем тот что выплавлялся в ранее известных медеплавильнях. Мышьяковистая бронза, а именно так сейчас называется полученный древними металлургами сплав, был пластичней и прочней меди. Довольно быстро в этом районе сложилась новая, судя по всему полиэтничная, культурная общность, известная как Май-

копская археологическая культура. По-видимому, на первом этапе пришлые переднеазиатские металлурги, объединились с жившими по долинам Кавказа земледельцами, на что указывает и антропологический тип древних майкопцев и террасный тип земледелия. Тогда как их отношения с местными степными животноводами были довольно напряженными, ибо селиться они предпочитали в труднодоступных горных ущельях, огораживая поселения мощными каменными стенами. Но позже, возможно после принятия ими местной религии, отношения резко изменились. Теперь майкопские овцеводы на лето свободно отгоняли свои отары глубоко в степь, а степняки получили свободный доступ к изделиям бронзолитейщиков. В итоге древнеямники оказались вооружены лучше, чем их южные «цивилизованные» соседи: *«топоры исходных степных форм на юге [в Закавказье] предстают оружием весьма высокого ранга: оно в руках лишь высших иерархов и даже божеств»* [Черных Е. Н.]. В свою очередь и древние майкопцы получили свою выгоду от этого сотрудничества: *«Погребенных под крупными курганами чаще всего сопровождал поразительно богатый инвентарь: бронзовое оружие и посуда, золотые и серебряные сосуды и украшения, а также изделия для отправления загадочных ритуалов»* [там же]. Наверно пока преждевременно говорить о появлении в европейских степях в этот период какого-либо кросс-культурного государственного образования, зато возникновение культурно-теологического единства особых сомнений не вызывает. Причем, если технологическое лидерство принадлежало майкопцам [Рубин О. С.], а через них в Европу проникает не только бронза, но и колесный транспорт – телега, запряженная волами, то в религиозном плане решающую роль сыграли именно степняки.

Под влиянием этих двух причин к концу IV века в Европейских степях *«энеолитическая эпоха завершается культурной интеграцией на этапе раннего бронзового века (ямная культурно-историческая область)»* [Захаров С. В.]. Другими словами степные животноводческие племена от Урала до Балкан сформировали единую в культурном плане общность, характеризующуюся сходством хозяйственного уклада и ритуала погребения. При этом речь идет не о военной интервенции, а о культурно-экономическом влиянии, так как при всей общности культур, археологии выделяют не менее девяти локальных вариантов, отличающихся от «классических ямников» местными традициями [Тесленко Д. Л.].

Вооруженные самыми передовыми технологиями своего времени (бронзоволитейное производство, верховая лошадь и влекомая волами повозка) и, очевидно, прогрессивной идеологией (теологией) племена ямной культуры начали активную экспансию во всех направлениях. Однако миграции в широтных направлениях сдерживались ландшафтными барьерами: на севере – зоной лесов и болот, практически непроходимых для тяжелых телег и малопригодных для скотоводства, а на юге морями и горами. На западе ямников остановили Карпаты. За то их движение на восток практически ни чем не сдерживалось. Более того, оно стимулировалось открытием вначале Каргалинских медных рудников на Южном Урале, а затем и алтайских месторождений, выделяемых специалистами в особую Восточноазиатскую металлургическую провинцию.

Но если с европейским ареалом культур древнеямного круга, вопрос более ли менее ясен, он простирался *«от Урала до Румынии, Болгарии и восточной Венгрии»* [Рубин О. С.], то вопрос его продления в восточном направлении «выводится за скобки». Хотя специалисты по отдельным культурам часто эту связь отмечают, но очень осторожно, так как в исторической традиции не принято относить к древнеямной общности культуры восточнее р. Урал. Особенно явно этот казус проявляется при наложении на карту признанных миграций датировок, полученных в результате лингвистического анализа. Но поскольку мы не связаны нормами корпоративной этики, то рискнем восстановить реальные границы влияния древнеямной культурно-исторической области в восточном направлении.

В конце IV тысячелетия в азиатских степях обитали преимущественно монголоидные неолитические племена рыбаков-охотников-собираателей, тогда как пришельцы внешне мало

отличались от коневодов среднестоговской культуры (рис. 5). Резко выступающий нос, сравнительно низкое лицо, низкие глазницы, широкий лоб. Дошедшие до нас из глубины тысячелетий скудные свидетельства очевидцев позволяют «расцветить» это описание светлыми или рыжими волосами и «красными» бородатыми лицами. В общем, скорей «рязанский хлопчик», чем житель Элисты или Улан-Батора.

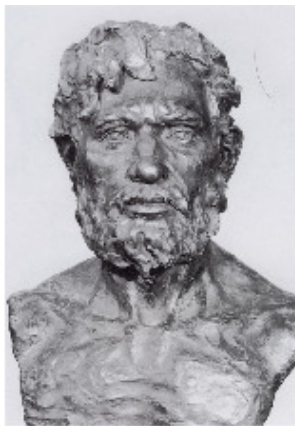

Рисунок 5. Скульптурная реконструкция выполнена по черепу мужчины из Вольненского могильника (Среднестоговская культура)

Археологические находки свидетельствуют о достаточно мирном освоении восточных степей животноводами древнеямной общности. По крайней мере в их погребениях не обнаружено оружия, кроме охотничьего. Да и с кем было воевать? Сопоставимый процесс имел место в этих же краях, по историческим меркам, совсем недавно – в XVI – XIX веках. Тогда автохтонные племена с присваивающим хозяйством, большей частью, приветствовали появление русских факторий и поселков с их притягательными благами цивилизации, многие охотно перенимали быт и традиции новых соседей. Судя по всему аналогичные отношения складывались и за неполных шесть тысячелетий до этого. По крайней мере, именно с их приходом бронзовые изделия, пусть и в ограниченном количестве, распространились в умеренном поясе Азии вплоть до устья Хуанхэ (культура Яншао).

Продвижение технологий бронзового века могло идти двумя путями, как вместе с носителями ямной культуры, так и путем заимствования соседними племенами, достигшими соответствующего технического развития для перенятия новаций.

В пользу первого способа говорит раннее расселение европеоидных племен, говоривших на праалтайских языках вплоть до побережья Желтого моря, а возможно и дальше. Интересно, что корейцы, чей язык относится к Алтайской языковой семье (выделился примерно в IV тысячелетии до н. э.), а внешность свидетельствует об их метисном происхождении, сохранили легенду об основании в 2333 году до нашей эры первого корейского королевства Чосон (культура нижнего слоя сяцзядянь). Согласно этой легенде основателем был Тангун, сын небесного царя Хванина, который с тремя тысячами последователей спустился на гору Пэктусан, построил Божественный город, придумал законы и начал обучение людей различным ремеслам, сельскому хозяйству и медицине.

В пользу второго варианта свидетельствует, по сути одновременное, появление бронзы в неолитических культурах Яншао и Мацзяяо. Эти типичные сино-тибетцы, населявшие берега Хуанхэ в ее среднем и верхнем течении, выращивали чумизу (сорт проса), разводили свиней и собак, лепили крайне своеобразную расписную посуду, при этом не знали ни колеса, ни гончарного круга, ни металла. Однако примерно в 2600 году до нашей эры, минуя энеолит, обе культуры сразу шагнули в ранний бронзовый век. Они совершили экспансию в более плодородные низовья Хуанхэ, где поглотили местные рисоводческие неолитические племена австро-

незийской группы – культура Цюйцзялин, и сформировали культуру Луншань, в памятниках которой стали встречаться привнесенные извне бронзовые изделия, а посуда стала изготавливаться с применением гончарного станка. Кроме того, прозвище Хуанди (легендарного основателя династии Ся, с которой отождествляют луншаньские памятники) – Тележная оглобля, так что луншаньцы переняли со стороны не только гончарный круг и бронзовый инструмент, но и телегу. В середине III тысячелетия этой «стороной» для оседлых земледельцев с берегов Хуанхэ могли быть только мигранты с территории древнеямных культур. Однако поскольку культура Луншань переняла только технические новинки, сохранив в остальном самобытность, можно с уверенностью говорить, что в данном случае имело место именно заимствование, а не захват или интеграция культур. Да и отсутствие в этот период собственного меднолитейного производства на побережье Желтого моря, при наличии там богатых залежей, свидетельствует, что сами мастера медного производства в эти места просто не добрались.

Так что в конце IV – начале II тысячелетия до нашей эры на обширных пространствах азиатского степного пояса и прилегающих к нему территорий складывается ряд культур раннего бронзового века, часть из которых имеет непосредственную генетическую и культурную связь с европейской Древнеямной культурно-исторической общностью, а часть формируется на местном этническом субстрате за счет технических заимствований из форпостов древнеямной культуры.

Одним из таких зауральских форпостов, на берегах Ишима, являлась Ботайская культура, уже упоминавшаяся мной в связи с происхождением коневодства. *«Аналогии в домостроении и веревочной орнаментации... позволяют нам выдвинуть в качестве рабочей гипотезы положение о миграционном происхождении ботайской культуры на основе памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики позднего этапа ее существования»* [Захаров С. В.].

Другим, еще более восточным очагом ямной культуры были племена Афанасьевской культуры, населявшие предгорья Алтая. *«Формирование алтайского варианта афанасьевской культуры было связано с переселением на Алтай во 2-й половине или в конце IV тыс. до н.э. раннекотловодческих европеоидных племён из восточно-европейских степей»* [Цыб С. В.]. Еще более определенно в этом отношении высказался антрополог К. Н. Солодовников: *«Анализ краниологических материалов афанасьевской культуры Горного Алтая подтверждает устойчивую точку зрения о происхождении ее с территории Восточной Европы и ставит под сомнение гипотезу об ее автохтонности для территории Южной Сибири и Центральной Азии. Население афанасьевской культуры в целом характеризуется чертами протоевропейского антропологического типа, широко распространенного в эпоху бронзы по степному поясу Евразии. Предполагается, что миграция населения с территории Восточной Европы, следствием которой явилось формирование афанасьевской культуры, началась на ранних этапах сложения древнеямной культурно-исторической общности»* [Солодовников К. Н.]

Еще дальше на северо-восток продвинулись племена тазминской культуры: *«По данным антропологов, в позднем неолите на Среднем Енисее по соседству с древним монголоидным населением впервые появляются люди европеоидного типа, пришедшие с юга или запада... возникла яркая тазминская культура (начало III тысячелетия до н.э.) – культура древнейших каменных изваяний Азии, менгиров и личин... На отдельных стелах и на скалах изображены древнейшие четырехколесные повозки, иногда – влекомые быками»* [История Хакасии...].

Примерно в это же время возник очаг скотоводческой культуры раннего бронзового века в излучине р. Хуанхэ на плато Ордос. Отсюда, значительно позже, во второй половине II тысячелетия до нашей эры, на Алтай пришли европеоидные прото-хуннские племена Карасукской культуры [Всемирная история т. 1]. Карасукцы и их потомки сохранили и развили традицию курганных захоронений, что несомненно указывает на их связь с древнеямниками.

На этом фоне уже не такой уж неправдоподобной выглядит связь первого корейского государства с древнеямной общностью. Хотя в случае с Чосоном, доля пришельцев была явно

не слишком значительной, тем не менее о ее наличии говорят и данные лингвистики, и данные антропологии, и, в части появления бронзовых изделий, данные археологии. Гораздо более фантастическим является факт появления в середине III тысячелетия традиции курганного захоронения у некоторых североамериканских племен: например курганы в Уотсон-Брейк и Поверти-Пойнт. Крайне странное совпадение, не упомянуть которое нельзя, хотя говорить о какой-либо их связи с древнеямниками было бы просто абсурдно, даже, несмотря на найденную Оуэном Мэйсоном¹⁰ на Аляске бронзовую пряжку, изготовленную не позднее середины II тысячелетия до нашей эры, предположительно на юге Сибири.

Не менее абсурдным было бы утверждать, что уже тогда миграция управлялась из некоего центра и «носила колонизаторский характер». Племена древнеямных культур были степными животноводами, но номадами не были, по своему хозяйственному укладу они напоминали скорее русских казаков, а не монгольских аратов. Их миграция носила характер постепенного освоения пригодных территорий, по сути целинных, и была растянута по времени на столетия. Даже неспешный процесс присоединения к Российской империи земель Сибири и Дальнего Востока, растянувшийся на три столетия, проходил гораздо быстрее благодаря более современной технике и ресурсной поддержке из центральных регионов. Тогда как афанасьевцы, переселившиеся на Алтай в конце IV тысячелетия, на протяжении тысячелетия практически не имели связей с Циркумпонтийским металлургическим центром, что уж говорить о более удаленных форпостах цивилизации.

Еще один абсурдный момент связан с попыткой приписать племенам Древнеямной культурно-исторической общности как минимум языковое, а то и этническое единство. Далеко «не всегда сходство элементов материальной культуры отражает этническую общность или близость происхождения» [Рубин О. С.]. Уже само наличие в числе предков древнеямников как минимум двух самостоятельных культур – Хвальнской и Среднеоговской, говорит о неоднородности этнического субстрата. В период рассвета внутри древнеямной общности выделяют не менее девяти самобытных археологических культур, но даже если предположить, что все они говорили на одном языке, то более чем тысячелетняя изоляция переселившихся в азиатские степи племен, не могла не сказаться на их языке. Мне видится, что решение спора об их принадлежности к носителям праиндоевропейского или пратюркского языка, в том что среди них были те и другие. Среднеоговцы, ядро европейских культур древнеямной общности и их потомки Срубной культуры говорили на древнем индоевропейском наречии, а хвалыны, азиатские древнеямники и номады культур андроновского круга, совместно с развившимися в зоне их влияния этносами, дали начало Алтайской семье языков [Аскарлов А.].

«Культурно-историческое единство ямных и афанасьевских племен проявляется в их материальной и духовной общности (погребальный обряд), экономике (скотоводческое производящее хозяйство), в близких формах керамики, в принадлежности к одному антропологическому типу» [Вадецкая Э. Б.]. Но при всей их общности, между ними не мало различий, обусловленных как контактами с соседствующими культурами, так и ландшафтно-климатическими условиями регионов проживания.

Развитие европейских древнеямников в значительной степени было обусловлено соседством с Майкопской культурой: «невозможно полностью ответить, насколько серьезно было влияние соседних культур (в частности майкопской) на древнеиндоевропейскую общность, но, скорее всего, именно такое соседство предопределило ускоренные темпы ее экономического развития» [Рубин О. С.]. Майкопская культура представляла собой периферийный вариант Переднеазиатских культур городов-государств с выраженной иерархией, развитыми бронзово-литейными, гончарными и ткацкими ремеслами, со знанием основ фортификации и военного дела. Курганы майкопских вождей поражают роскошью и массовыми человеческими жертво-

¹⁰ археолог Колорадского университета, США.

приношениями. Под их влиянием бронзовое оружие в большом количестве проникает к племенам древнеямных культур. И хотя инвентарь, сопровождающий курганные могилы ямников, довольно беден – остродонные и круглодонные сосуды, топоры, медные ножи, изделия из камня, иногда повозки; но даже на этом материале можно делать вывод о доступе древнеямников к передовым технологиям того времени. Более того, они «энергично развивают собственное металлообрабатывающее производство» [Черных Е. Н.].

К середине III тысячелетия племена древнеямной общности эволюционировали, дав начало Катакомбной и Полтавкинской культурам. Причем катакомбники занимали территорию от низовьев Волги до Днепра, а полтавкинцы – Волго-Уральское междуречье, то есть их ареалы во многом повторяли зоны распространения Среднеднепровской и Хвалынской культур. Основное отличие между древнеямниками и их потомками – обряд захоронения. Майкопцы, чье влияние продолжало сказываться на степняках, переняли от культуры Воронковидных кубков, и существенно развили обряд дольменного погребения. Видимо под их влиянием несколько трансформировался погребальный обряд и у степных культур Европы. Обитатели Приазовских и Северокавказских степей стали хоронить покойников в подкурганых катакомбах – некий компромиссный вариант между дольменными и ямными погребениями. Тогда как племена Полтавкинской культуры остались верны обрядам предков. Их отличия от древнеямников ограничиваются изменениями в гончарных изделиях и увеличением количества металлических вещей.

Афанасьевцы, согласно археологическим данным, откололись от общего европейского ядра в самом начале формирования культур древнеямного круга: «Типологические сопоставления афанасьевских и древнеямных культурных признаков говорят о том, что такое переселение могло произойти во 2-й половине или в конце IV тыс. до н.э.» [Цыб С. В.]. Они уже успели перенять курганный способ захоронения, освоили «приёмы добычи и обработки медной руды» [Цыб С. В.], сохранили и развили керамическое производство (сосуды яйцевидной или сферической формы с круглым дном), прядение и ткачество, но вот повозка пришла в Европейские степи позже их ухода. Так что вплоть до начала II тысячелетия они не знали колесного транспорта. Да и уровень бронзолитейных технологий, у первых сибирских животноводов, изолированных от других центров производящих культур, вскоре сильно отставал от уровня достигнутого европейскими и переднеазиатскими металлургами.

Андроновская и Срубная археологические культуры

В течение III тысячелетия до нашей эры племена Афанасьевской культуры вели довольно пасторальный образ жизни. В их погребениях найдено только охотничье оружие, да и признаков социального расслоения у них не обнаруживается. Селились они в землянках и срубных наземных жилищах. Занимались различными ремеслами. Лили и ковали бронзу, изготавливали украшения из золота и серебра. Разводили лошадей, коров и овец. Знали афанасьевцы и земледелие, но в условиях Алтайских гор, особенно в суббореальный период, который для Прибайкалья выдался достаточно засушливым, растениеводство быстро сошло на нет. По этой же причине, в первую очередь в условиях Приалтайских степей, их животноводство все больше принимало форму кочевого, а их образ жизни приближался к классическому номадству.

На протяжении тысячелетия афанасьевцы развивались изолированно, не имея связей с иными очагами цивилизации. Для окрестных палеосибирских племен охотников-рыбаков-собираателей, они были светочем технического прогресса: *«первые скотоводы и металлурги Сибири оказали значительное культурное, этническое и экономическое влияние на развитие сибирских аборигенных племён»* [Цыб С. В.]. Но, в условиях отсутствия стимулов и притока идей извне, хозяйственное развитие афанасьевской культуры носило скорей регрессивный характер, выразившийся, например в утрате навыков земледелия и переходе от отгонного к кочевому животноводству. Справедливости ради отмечу, что отсутствие явного технического прогресса у племен афанасьевской культуры не помешало им расширить свой ареал, и к концу III тысячелетия памятники афанасьевского типа встречаются на запад почти до Урала, лишь немного не доходя до поселений животноводов Полтавкинской культуры.

На рубеже III – II тысячелетий до нашей эры в Южноуральский регион, который служил своеобразным природным буфером между европейскими и азиатскими наследниками древнеямной культуры, откуда-то из района Циркумпонтийской металлургической провинции, возможно с территории Анатолийского полуострова или из Закавказья, пришли группы населения, специализирующиеся на бронзоволитейном производстве. Скорей всего их приход был спровоцирован повторным «открытием» Уральских месторождений меди, что в условиях истощения переднеазиатских медных залежей и все увеличивающегося спроса на изделия из бронзы могло спровоцировать «медную лихорадку». В этой связи интересно, что и *«многочисленные рудники Центрального Казахстана (Джезказган, Сарыбулак, Кенказган, Саяк, Коунрад) были открыты по следам древних, так называемых „чуждских“ разработок»* [Жауымбаев С. У.].

Это были именно пришельцы со стороны: *«Энеолитический этап в истории Южного Зауралья заканчивается на рубеже III и II тыс. до н. э. Об этом можно говорить с полной уверенностью, так как к XVIII веку до н.э. на этой территории распространяются укрепленные поселения синташтинской культуры эпохи бронзы. Автохтонная линия развития культур Южного Зауралья, которая существовала с эпохи мезолита, прерывается. Памятники ранней бронзы в Южном Зауралье до сих пор не выявлены. Все имеющиеся на сегодняшний день данные говорят о том, что местное энеолитическое население не участвовало в формировании культуры эпохи бронзы»* [Мосин В. С.].

Так вот, пришельцы построили на территории нынешней Челябинской области целую сеть хорошо укрепленных поселков, получивших в литературе название «Страна городов», наиболее известные из них Аркаим и Синташта имеют округлую форму с радиальным устройством улиц, причем внешний ряд построек создает прочную глинобитную стену, защищающую поселение от вторжения. Характерная планировка, соответствующая описанной в индоарийских ведах схеме «Идеального города», дала некоторым исследователям повод заявлять, что найдена прародина ариев [Григорьев С. А.; Массон В. М.]. Однако ряд факторов, таких

как разнотипность архитектуры в других поселках «Страны городов»; различные погребальные традиции, включая кремацию; явная (судя по захоронениям) диспропорция в половозрастном составе популяции; отсутствие сколько-нибудь значимых следов земледелия при явно оседлом способе жизни; кратковременность (не более 140 лет [Виноградов Н. Б.]) их пребывания в данном регионе, все это свидетельствует о полиэтническом, преимущественно мужском населении с сезонным пребыванием. Другими словами «Страна городов» ни что иное как сеть вахтовых горняцких поселков. Это подтверждается и тем, что в каждом таком жилище найдены «*небольшие печи с полусферическим сводом, сделанные из отлично обожженных кирпичиков*» [Сальников К. В.]. До этого медь плавляли в керамических сосудах, а для обогрева жилищ использовали простой очаг.

Сами поселения были хорошо укреплены от происков лихого люда, охочего до чужого добра, но строились они наспех, что с учетом специфики металлургического производства нередко приводило к пожарам. Поселок выгорал полностью, но уже в следующем сезоне отстраивался вновь на том же месте. Именно этим, а не мнимыми нападениями со стороны местных пастушеских племен, объясняется загадочная многослойность этих поселений.

Пришлые металлурги были выходцами из районов вечно враждующих между собой государств полисного типа, с четко выраженной социальной и имущественной дифференциацией, с практически неограниченной царской властью, с развитым производством оружия и доспехов, с навыками ведения военных действий против себе подобных и с прочими «благами» цивилизации. Для того периода старатели были оснащены по последнему слову техники, но находясь в отдалении от привычных источников поставок, да еще в условиях сухой степи и лесостепи, с вечным дефицитом деловой древесины, они неизбежно должны были исследовать новые материалы и изобретать подходящие способы замены дефицитных ресурсов на местные аналоги. Да и сама по себе концентрация в одном месте стольких мастеров-ремесленников, выходцев из разных мест, неизбежно способствовала развитию технической мысли и появлению инноваций.

Одной из таких инноваций, в условиях нехватки древесины для изготовления привычного, проверенного веками эксплуатации цельнодеревянного колеса, стало изобретение композитного колеса на спицах, прочность которого обеспечивалась металлическим ободом и втулкой, причем втулка, для облегчения хода и повышенной износоустойчивости была биметаллической (бронза и серебро). Такое расточительство в отношении дефицитного металла могли себе позволить только металлурги, и то лишь в условиях острой нехватки подходящей древесины. Вторым изобретением, крайне важным для развития дальнейших событий, стало изготовление на основе этого колеса одноосной каркасной повозки. Дело в том, что окрестные степные животноводы не держали ни ослов, ни волов, которые могли бы тянуть обычную для того времени тяжелую двуосную телегу на цельнодеревянных колесах. Так что, в случае гибели приведенных с собой тягловых животных, заменить их было не кем, что в свою очередь грозило остановкой производственного процесса. А облегченную одноосную арбу легко тянула пара местных лошадей, причем, в отличие от медлительных волов, тянула довольно быстро.

Теперь представьте появления носителей такой культуры в среде, мягко говоря не богатых, пасторальных племен, переживающих период бурного роста популяции в условиях климатического оптимума. Все новации как социального, так и технологического плана попали на благоприятную почву. Ни что так не способствует расслоению общества, как резкое улучшение благосостояния в условиях повышенной плотности. Все могут быть одинаково бедными, но одинаково богатых народов история не знает. Самые беспринципные нувориши, самые жестокие диктаторы и самые «ненасытные» завоеватели во все времена получались именно из тех, кто смог вознестись к вершинам власти с самых низов, тех кто помнил «голодное детство».

А источник для накопления шального богатства был – вахтовики Страны городов. Достаточно богатые даже для процветавших в то время Месопотамских государств-полисов, в условиях крайней оторванности от своих цивилизационных центров и неподходящего для выращивания привычных им культур климата, металлурги оказались в продовольственной зависимости от окрестных племен. Хотя, вне всякого сомнения, окрестные племена в обмен на высокотехнологичные изделия пришельцев снабжали их не только мясом. Керамика, скобяные изделия, дрова для печей, древесина для строительства, лошади для повозок... Но самое главное пришельцы нуждались в рабочих руках, благодаря чему окрестные племена, и без того знакомые с меднолитейным производством, переняв инновации довольно быстро шагнули в эпоху развитой бронзы. *«Историческая судьба населения, оставившего памятники синташтинского типа, по нашему мнению, связана не с трансформацией собственно его в обособленную культуру и не с массовым его исходом в западном направлении, а с энергичным формированием на основе синташтинских культурных стереотипов ранних (петровских) комплексов алакульских культур Южного Урала и Казахстана...»* [Виноградов Н. Б.].

Как всегда, в первую очередь новые технологии были использованы в военных целях. Бронзоволитейное производство было приспособлено для серийной отливки наконечников стрел и копий, а легкая одноосная арба эволюционировала в боевую колесницу. *«Конные двухколесные повозки (колесницы) впервые засвидетельствованы в Синташтинском могильнике в Южном Приуралье»* [Бессонова С. С.]. Такая колесница, в сочетании с мощным композитным луком степняков: *«на вооружении колесничих имелись сложносоставные рефлектирующие луки с круто загнутыми концами, выгнутыми плечами и вогнутой серединой»* [Худяков Ю. С.], имела феноменальное преимущество в скорости, маневренности и дальнобойности, по сравнению с существовавшими до этого воинскими подразделениями. Поскольку конницы тогда еще не было, то пешие войска оказывались полностью незащитны перед лучниками на колесницах, которые неожиданно налетев, с безопасного для них самих расстояния осыпали противника градом стрел (запасные колчаны легко помещались по бортам повозки), а потом так же стремительно исчезали до того как противник успевал подойти на расстояние ответного удара.

Благодаря привнесенному импульсу, окрестные племена быстро эволюционируют. Причем импульс этот практически одновременно распространяется в двух направлениях от южноуральского металлургического центра. Ведущие полуномадный образ жизни азиатские племена Афанасьевской и близкой к ней культур дали начало ряду близкородственных культур: Андроновской, Петровской, Алакульской, Тазабагьябской, Анау II, Бактрийско-Маргианскую, и ряду других. А животноводы-земледельцы Полтавкинской культуры положили начало культурам Срубной культурно-исторической общности [Кривцова-Гракова О. А.]. Причем волна социально-технических инноваций довольно быстро распространились среди остальных, достаточно отдаленных потомков древнеямников от Дуная до Амура. А на севере, среди неолитических охотников-рыболовов, и вовсе привела к революционным преобразованиям, получившим наименование «Сейминско-турбинский феномен». И везде, куда докатывалась эта волна инноваций, *«усиливается социальная дифференциация общества, появляются грандиозные курганы знати»* [Бураев А. И.], содержащие большое количество бронзового оружия, костяные пластинчатые доспехи, нефритовые украшения, останки жертвенных животных.

Можно представить себе этот кровавый процесс передела Степи, когда вчерашние чабаны были вынуждены братья за оружие, что бы отстоять свои пастбища от амбиций разбогатевшего соседа. Повсеместно складываются раннегосударственные образования типа вождеств, а поскольку в ностратических языках титул вождя звучит как «ḥaṣ» [Vomhard A.], то, я думаю, будет только справедливо так и именовать лидеров возникших племенных объединений, а возникшие под их властью протогосударственные образования называть ханствами. В Степи появляется каста профессиональных воинов, которые не только отражают агрессию

извне, но и обеспечивают внутренний порядок на территории ханства. Чтобы содержать хана и воинов, нужно обложить поборами мирное население, причем чем больше подданных, тем мощнее армия, а чем сильнее армия, тем больше возможностей к приращению территорий и подданных – замкнутый круг, ведущий к централизации власти. Обычный сценарий сложения всех древних государств хорошо изученный на примере Месопотамских полисов. Но здесь, в условиях аридного климата евразийских и особенно азиатских степей, с их дефицитом воды и корма, с разреженностью и мобильностью населения, объединенного общим происхождением и общими религиозными взглядами, дальнейшее развитие социума пошло по оригинальному сценарию. Ни каких городов не возникло, ибо для животноводов большое скопление народа в одном месте – непозволительная роскошь, как в отношении обеспечения кормов, так и отношении развития различных эпидемий и эпизоотий. Да и скот – главное богатство и основу благополучия животновода, ни как не спрячешь за городскими стенами. Напротив, многие племена окончательно переходят к кочевому животноводству. Не имея шансов противостоять агрессивным устремлениям хорошо вооруженной группы профессиональных воинов, они предпочитали уклоняться от встречи с агрессорами, откочевывая на новое место. Именно в это время у алакульцев появляется прототип юрты – оптимального жилища для степного номада. Да и бесконечное наращивание территории ханства, в условиях отсутствия налаженных систем коммуникации и внутренних иерархических структур, дело довольно абсурдное, так как чем больше ханство, тем слабее защищены его периферийные территории от набегов соседей. Кроме того, животноводы, в случае если их не устраивает данный хан и проводимая им политика, легко могут переселиться под защиту соседа в месте со своим стадом, и ханству себе на здоровье на пустой земле. Так что классических государств полисного типа в Степи не получилось.

Еще одним немаловажным фактором, сказавшимся на судьбе цивилизации, стало резкое увеличение аридности климата Евразии: *«благоприятные условия были резко нарушены засухой в период от 4170±100 до 3970±110 лет назад, когда лесостепные ландшафты сменились ландшафтами сухих степей и даже полупустынь»* [Косинцев П. А.]. На это время приходится *«сдвиг почвенно-географических подзон, в том числе и в южноуральских степях к северу»* [Демкин В. А., Рыськов Я. Г.]. *«На территории современных степей могли появиться полупустыни, а в зоне современных лесостепей – степи. Палеопочва Аркаима также характеризуется чертами большей климатической аридности и меньшей увлажненностью режимов, чем сейчас»* [Иванов И. В. и др.]. И если в конце III – начале II тысячелетия до нашей эры аридизация климата благоприятно сказалась на степных животноводах, то четвертый подэтап суббореала стал для них критическим. В поисках воды и пищи многие устремились в лесостепную и лесную зоны, породив тот самый Сейминско-турбинский феномен.

Шагнувшие «из грязи в князи» вчерашние чабаны, возглавившие ватаги профессиональных воинов, нуждались в новых завоеваниях. Первой их жертвой судя по всему стали вахтовые поселки металлургов: на смену разнородным поселениям синташтинцев приходят достаточно стандартизированные, хорошо укрепленные и базирующиеся на местном этническом субстрате поселения Петровской культуры [Зданович Г. Б.]. Видимо, рудники прибрали к рукам местные ханы и пришлым старателям места не стало. Но с их уходом возникла другая проблема. Очевидно, что, несмотря на огромный ареал, ни едва способные прокормиться в условиях продолжающейся засухи племена степных животноводов, ни, тем более, северные охотники-рыболовы, только-только шагнувшие в бронзовый век из неолита, не обеспечивали достаточного сбыта полученной бронзоволитейной продукции. Профессор Черных¹¹, описывая процесс распространения уральско-алтайской бронзы по территории Азии в первой поло-

¹¹ Евгений Николаевич Черных – советский и российский археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.

вине II тысячелетия до нашей эры отмечал: «Поразительно широк ареал распространения этих необычных древностей: от Западного и даже Центрального Китая вплоть до Восточной Балтики, т. е. более 6 тыс. км! Но на этой неохватной территории поражало также удивительно малое число самих металлических предметов: их не более шести сотен!» [Черных Е. Н.].

Подобные объемы потребления явно не могли удовлетворить амбиции новоявленных «металлургических магнатов». Потребители, способные купить бронзовые изделия, жили южнее, в районах, откуда на Урал приходили вахтовики-старатели. Так что первоначальный интерес к своим южным соседям-земледельцам у степных животноводов-бронзоволитейщиков был, скорее всего, коммерческим. Недаром захватившая Китайскую равнину династия Шан (Инь) – обозначалась иероглифом со значением «торговец». Но где раньше, где чуть позже северяне понимают насколько беззащитны перед их войсками армии повелителей крохотных и «неприлично богатых» южных городов-государств. Обилие лучшего для того времени бронзового оружия и огромные людские ресурсы, причем легких на подъем охотников, с детства привыкших обращаться с дальнобойным степным луком, уже делали любого хана грозным противником. А, если учесть, что ядро его армии составляли лучники на легких колесницах, то только крепкие стены городов и то лишь на время могли остановить их экспансию. Еще вчера такие недоступные из-за удаленности от поселений животноводов древнеямных культур, а так же из-за несопоставимо более мощного военного потенциала, земледельческие цивилизации субтропической Азии вдруг стали близкими и беззащитными перед мобильными колесницами степняков. Одна за другой они становились жертвами нашествия с севера. Часть из них была навсегда разрушена, а часть просто сменила правящую верхушку.

Интересно, что эта экспансия, скорее всего, не носила организованного характера, и за ней не стоял какой-нибудь предтеча Модэ¹² и Тэмуджина¹³. Более того, в состав захватчиков часто оказывались включены племена, весьма далекие от культур Древнеямной общности. Однако именно потомки древнеямников, выходцы из родственных животноводческих племен Андроновской и Срубной культурно-исторических общностей, владеющие передовыми военными технологиями своего времени, имеющие в тылу Уральские и Алтайские бронзоволитейные производства, стояли во главе устремившихся на юг лихих ватаг. В XVIII – XVI веках до нашей эры состоялось первое нашествие степных «варваров» на «форпосты Цивилизации». И хотя экспансия с севера носила во многом стихийный характер, но за неполных три столетия она охватила практически все древние цивилизационные центры от моря Средиземного до Желтого моря.

Уже в первой половине XVIII века до нашей эры некий Анитта¹⁴ из племени несли – европейских кочевников, вторгшихся в Переднюю Азию, основал обширную державу, названную позже Хеттским царством. Он объединил под своей властью кучу местных городов-государств: Пурусханда, Амкува, Куссар, Хатти, Каниш, Вахшущана, Ма’ма, Самуха и др. Сохранилось свидетельство и о численности войска Анитты: 40 колесниц и 1400 пехотинцев. Учитывая, что колесницы в это время только-только были изобретены в предгорьях Урала, можно не сомневаться в том, откуда пришли несли (от «не сели» – кочевники?) и родственные им лувийские племена. В это же время выходцам с Урала покорились города центрально-азиатской бактрийско-маргианской культуры.

Около 1795 года у границ Месопотамии происходит объединение касситов в племенной союз, скорее всего под влиянием культур Андроновского круга. По крайней мере дошед-

¹² Модэ или Маодунь – основатель империи Хуну и её правитель с 209 по 174 гг. до н. э.

¹³ собственное имя Чингис-хана – основателя и первого великого хана Монгольской империи.

¹⁴ царь хеттского города Куссара, а затем и других городов, основал обширную державу, названную позже Хеттским царством, правил приблизительно в 1790 – 1750 годах до н. э.

шие до нас немногочисленные слова касситского языка «относятся к особым семантическим полям: масти лошадей, детали колесниц, термины ирригации, названия растений и титулы» [БСЭ], однозначно указывают на их родство с коневодами – древнеямниками. Через полвека касситы на боевых колесницах предприняли первый поход против Вавилонского государства. В этот раз они покорили весь север страны, но сам Вавилон устоял.

Гораздо меньше повезло расположенному в долине Инда царству Мелухха. Просуществовавшая четыре столетия, процветающая цивилизация с населением, оцениваемым в пять миллионов человек, пала в конце XVIII столетия под натиском северных кочевников. Крупнейшие города: Хараппа, Лотхал, Мохенджо-Даро и еще более тысячи поселений были разрушены.

Примерно в это же время на Великую китайскую равнину происходит вторжение кочевых племен, вооруженных колесницами, владеющих развитой бронзоволитерной технологией, и хоронящие своих вождей в богатых курганных гробницах. Пришельцы основали государство Шан (Инь) – археологическая культура Эрлитоу, которая сменила луншаньские памятники эпохи Ся. Помимо сходства сценария и одновременности столь пространственно удаленных событий есть еще один очень интересный момент: многие исследователи отмечают несомненное сходство между дошедшими до нас знаками шанской и минойской письменности (рис. 6), при резком их отличии и от шумерской клинописи, и от египетских иероглифов. Возможно минойская письменность проникла в Степь еще в период расцвета Майкопской культуры, а возможно вместе с металлургами «Страны городов».

В середине XVII века кочевые племена, известные под именем гиксосов, так же при помощи колесниц завоевывают вначале Палестину и Северную Сирию, а затем и Египет, которым гиксосские цари правили более ста лет (XV династия). В это же время царство Митанни, где правила степная по происхождению хурритская династия, ядро войск которых также состояло из лучников на конных колесницах, довольно быстро объединила мелкие хурритские племенные группы Месопотамии и подчинила семитские (аморейско-аккадские) города-государства на всем пространстве между Загросскими и Аманосскими горными линиями, став серьезным соперником и Хеттскому царству и Египту.

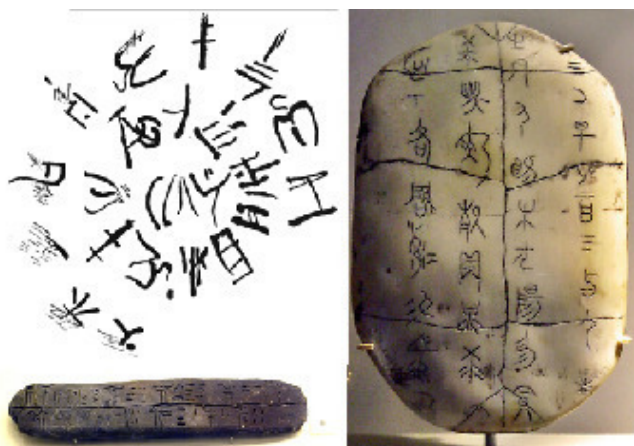

Рисунок 6. Надписи Минойским линейным письмом и панцирь черепахи с иньскими гадательными надписями.

В XVII – XVI веках до нашей эры волна завоеваний докатилась до Пелопоннеса. Ахейские колесницы достигли берегов Эгейского моря, где на месте поселений пеласгов возникли раннеэлладские полисы-государства: Кносс, Фест, Микены, Тиринф, Пилос, Афины. После дошла очередь и до островов Средиземного моря, одной из последних пала древняя Миной-

ская цивилизация, и на острове Крит так же воцарились ставленники ахейцев. И, наконец, около 1518 г. до Рождества касситам покорились Вавилон и Элам.

Все эти гиксосы, касситы, ахейцы, хетты и хурриты, ни что иное как, племенные объединения степных животноводов, перенявших технологии развитой бронзы. Ядро этих племен составляли андроновцы (алакульцы), да срубники, усиленные местными кочевыми племенами и армиями покоренных царств.

Таким образом, за три столетия степные лучники на конных колесницах покорили практически все государства Старого Света, сделав своих вождей родоначальниками новых династий. Но, хотя колесничие и стали новой аристократией в захваченных царствах, серьезного влияния на язык и культуру покоренных народов они оказать не могли. Пожалуй только в регионе Эгейского моря и на берегах Инда, ставших местами массового переселения северных «варваров», произошла явная смена культурной доминанты. В остальных регионах несколько сотен номадов, захвативших власть, рано или поздно полностью ассимилировались местным населением, а то и свергались, едва успев передать прогрессивные военные технологии покоренным народам.

Набеги степных номадов конечно продолжались и после 1500 года до нашей эры, но они уже не были столь успешны. Теперь лихие ватаги степных ханов встречало не менее хорошо вооруженное войско на таких же колесницах, да и луки у местных были не хуже. Так закончилась эпоха великих завоеваний и началась эпоха междоусобиц и передела власти. Здесь в атмосфере интриг и заговоров у местных было явное преимущество, и со временем большинство степных династий было свергнуто: 1532 году до нашей эры Египет освободился от власти гиксосов; около 1380 года Суппилулиума¹⁵ свергает царя хеттов и освобождает страну от иностранных захватчиков; примерно в то же время Шуттарна¹⁶ узурпирует трон Митанни...

В этот период в самой Степи и прилегающих районах складывается целый «букет» археологических культур развитого бронзового века: абашевская, алакульская, балановская, бережновско-маёвская, курганных погребений, окуневская, петровская, поздняяковская, сабашиновская, сейминско-турбинская, тазабагыбская, тшинецкая, унетицкая, фатьяновская, федоровская. Такое поразительное разнообразие в антропологическом плане, в материальной и духовной культуре, в способах хозяйственного устройства и погребальных обрядах, совершенно однозначно свидетельствует об отсутствии в этот период в Степи какого-либо единого государственного или протогосударственного образования.

Тем не менее все эти культуры имеют не мало общего и, с определенной натяжкой, могут быть объединены в две культурно-исторические общности: срубную (Европа) и андроновскую (Азию). И пусть такое деление достаточно условно и не совсем корректно, тем не менее оно позволяет нам четко разграничить две разные по генезису группы культур. Я уже упоминал о том что синташтинская культура, привнесшая технологии развитого бронзового века в евразийские степи, возникла на границе изначально родственных (древнеямных), но в течение нескольких столетий развивавшихся довольно изолированно друг от друга, культур степных скотоводов: полтавкинской и афанасьевской. Возникшая на основе пришлой синташтинской, местная петровская культура развитого бронзового века носила черты всех трех культур (синташтинской, полтавкинской и афанасьевской). Отсюда с Южного Урала новые технологии, в первую очередь бронзоволитейное производство, изготовление конных повозок и боевых колесниц с дальнобойными луками, стремительно распространилось как в западном так и в восточном направлении, охватив не только степных животноводов – потомков древнеямников, но и успевшие породниться с ними окрестные племена с присваивающим типом хозяйствования.

¹⁵ царь Хеттского царства, правил приблизительно в 1380 – 1334 годах до н. э.

¹⁶ царь Митанни, правил приблизительно в 1400 – 1375 годах до н. э.

Андроновцы и срубники имели много общего: курганные захоронения воинской знати, развитое бронзоволитейное производство, использование конных повозок, значительная доля животноводства (лошади, коровы, овцы, реже козы или свиньи). Но при этом, видимо в силу физико-климатических особенностей и под влиянием соседних этносов, срубники дополняли свой рацион преимущественно за счет земледелия, строя стационарные поселения. Тогда как у племен андроновской культурно-исторической общности земледелие чаще всего становится факультативным видом хозяйствования, при явном доминировании кочевого и отгонного животноводства, дополняемого охотой, собирательством и рыбной ловлей. Именно на основе восточной ветви наследников петровской культуры и сложился тип современного нам степного животновода – номада.

Доминирование животноводства над другими видами хозяйственной деятельности, на первый взгляд незначительное отличие, но оно приводит к серьезнейшей перестройке всего жизненного уклада, социальной организации и ментальности. Другое пища и одежда, мобильное жилище, при выборе хозяйственной утвари на первое место ставится удобство транспортировки. Кардинально иная шкала жизненных ценностей и приоритетов, другое осознание пространственно временных характеристик. Отличия затрагивают даже некоторые психофизиологические особенности личности. Номад живет и кочует небольшой родственной общиной с патриархальным устройством, основное имущество принадлежит общине. Кроме того, главное богатство кочевника – скот, а его мало получить по наследству, его нужно не потерять, например, в результате эпизоотии, нападения хищников или набега соседей. Удачливый бедняк завтра может оказаться богаче своего богатого, но неудачливого соседа. Родственные кочующие группы обычно сходятся вместе 1 – 2 раза в год для торговли, обмена невестами, племенными животными и новостями. Принудить их к более тесному сотрудничеству может только внешняя угроза. Во втором веке до нашей эры знаменитый ханьский историограф так характеризовал общественный уклад номадов: *«Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение...»* [Сыма Цянь].

Есть и еще одно отличие появившееся между степными животноводами срубной и андроновской общности. Если в европейской степи антропологический тип кочевников не менялся со времен среднестоговской культуры, то в Азии в кипение страстей, вольно или невольно, оказались вовлечены и соседние монголоидные племена тайги и лесостепи (например глазковцы), жившие преимущественно охотой и рыболовством. Они и раньше нередко роднились с соседями животноводами, а в этот период в азиатской степи и вовсе складываются как метисные (карасукская и плиточных могил), так и практически чисто монголоидные (окуневская) кочевые культуры. Похоже, окуневцы первыми из монголоидов не просто влились в многонациональную вольницу степи, но и сформировали свою специфичную номадную культуру. В итоге, примерно к середине второго тысячелетия до нашей эры складывается новый антропологический тип степняка-номада с выраженным градиентом увеличения монголоидности с запада на восток.

Андроновско-срубненский период окончился где-то к середине XIII века до нашей эры, сменившись эпохой, получившей в литературе наименование «катастрофа бронзового века», когда в течение нескольких столетий распадаются или видоизменяются археологические культуры практически на всём пространстве от Атлантического до Тихого океана. Но прежде чем перейти к описанию событий вызвавших эту катастрофу хочу обратить ваше внимание на одну приметную особенность культуры степных номадов того времени. В андроновский период мужчины и женщины носили косы, причем мужчины, как правило, оставляли косу на макушке, а остальные волосы на голове сбрасывали. Женщины укладывали косы на затылке

[Кызласов Л. Р.]. Эта традиция с небольшими вариациями будет характерным маркером собственно тюркских и родственных им воинов на протяжении без малого четырех тысячелетий вплоть до маньчжурских воинов и запорожских казаков.

Создание империи

Срубная и Андроновская культурно-исторические общности доминировали в Степи около шести веков. На начальном этапе среди погребальных курганов встречаются довольно богатые захоронения, включающие боевые колесницы, запряженные лошадьми, что указывает на социальное расслоение общества, выделение военной аристократии и формирование протогосударственных образований на уровне как минимум вожеств. Но довольно скоро им на смену приходят курганные захоронения алакульского периода, которые гораздо беднее и проще петровских и синташтинских. В могилах уже не встречается колесниц, да и кости лошадей – редкость. Очевидно породив волну завоевательных походов и выплеснув на южные царства избыток молодого, агрессивного населения степные животноводы вернулись к пасторальному образу жизни. Если и кипели в тот период в Степи какие-то войны, то они не оставили о себе никаких свидетельств.

Все меняется в XIII веке до нашей эры. В этот период, названный кризисом бронзового века, практически по всей Евразии происходит смена археологических культур, а в Степи формируется первая империя номадов. По крайней мере первая из тех чье существование подтверждено археологическими данными. Но обо всем по порядку.

Накануне

К концу II го тысячелетия в степях Евразии складывается букет животноводческих культур, демонстрирующих разную степень перехода к номадному образу жизни и родства с потомками древнеямной культуры. Не вдаваясь в подробности их классификации, бегло ознакомимся с раскладом сил (рис. 7).

Рисунок 7. Археологические культуры бронзового века.

На западе, в европейских степях по-прежнему доминируют культуры срубной культурно-исторической общности. Поселения срубников обычно располагались на невысоких берегах рек и ручьев, часто группами на небольшом расстоянии друг от друга. Поселок состоял из одного или нескольких жилищ, окруженных хозяйственными ямами, постройками, очагами и колодцами. Двускатные крыши жилищ опирались на 2 ряда столбов, идущих параллельно длинным стенам. Площадь такого жилища достигала 120—150 квадратных метров. Основу хозяйства срубников составляло скотоводство пастушеского типа. Разводили свиней, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, который летом пасли на заливных лугах, а зимой содержали в стойлах. Выращивали различные злаковые культуры. Урожай убирали серпами, для размола зерен использовали каменные зернотерки, ступы. Вспомогательное значение для хозяйства имели охота, рыболовство и собирательство.

Племена срубной культуры поддерживали тесные контакты со своими восточными соседями – племенами андроновского круга, владевшими медными и оловянными месторождени-

ями Южного Урала и Казахстана, от которых получали сырье и готовые бронзовые изделия. На срубных поселениях часто встречается керамика алакульских племен Южного Урала.

Алакульская (андроновская) культура к этому времени была распространена на просторах западноазиатских степей от Урала и Каспия до Саяно-Алтая и от Сырдарьи до таежных лесов Западной Сибири. Как и их западные соседи, свои небольшие поселки, из плотно расположенных друг к другу просторных жилищ полуземляночного типа, они строили вдоль реки, на каком-нибудь высоком мысу. В лесостепной зоне для сооружения жилищ использовалось дерево, в степной зоне – камень. Ведущую роль в их хозяйстве играло скотоводство: разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей; вспомогательную роль – мотыжное земледелие, охота на промысловых животных (лось, косуля, сайгаки и др.), рыболовство, собирательство.

Севернее, в Волго-Уральском регионе развивалась абашевская культура, имеющая тесные культурные и родственные связи с двумя предыдущими, в связи с чем ее часто рассматривают как локальный вариант срубной или андроновской культуры. Отличительной чертой абашевцев был несколько иной состав стада, своеобразная керамика и одна интересная для дальнейшего повествования деталь погребального обряда: их курганы окружались кольцом из выложенных камней. А так, в целом, все три культуры были довольно схожи. Разве, что *«имеющиеся данные по составу костных остатков... позволяют с большой долей уверенности говорить о кочевом типе животноводства у населения степной зоны и о придомном типе в составе комплексного хозяйства у отдельных групп населения лесостепной зоны»* [Косинцев П. А.].

На периферии этого культурного ядра сложились производные от них культуры, базирующиеся на автохтонном этническом субстрате.

На севере, в лесной зоне Восточной Европы сложилась сейминско-турбинская (протофино-угорская) культура, а на востоке, на основе «лесной» пахомовской культуры, ее азиатский аналог – сузугунская (протосамодийская или протокетская) культура. *«Специфика сузугунской культуры заключалась в оригинальном смешении традиционно „лесных“ черт с южными, восходящими к андроновским стереотипам»* [Полеводов А. В.].

На юге, в Средней Азии находят памятники характерные как для производных культур, имеющих древние местные корни, типа Тазабагыябской, так и памятники ничем не отличимые от срубных (Патма-Сай, Каралемата-Сай, Парау I и II) и андроновских (Дашти-Кози, Бурманчап, Кетмень-Тюбе).

На востоке, в Монгольских степях сложилась весьма своеобразная метисная Окуневская культура. *«В ранних окуневских памятниках встречаются отдельные европеоидные и монголоидные черепа, не несущие следов метисации. К позднему этапу существования культуры наблюдается определенная гомогенизация населения... Контакты местного населения с пришлыми европеоидными группами западного происхождения, собственно и приведшие, по всей видимости, к образованию окуневской культуры, сформировали антропологический облик окуневцев»* [Громов А. В.]. Как и их европеоидные предки окуневцы разводили овец, крупный рогатый скот, лошадей, но при этом сохраняли многие черты аборигенной глазковской культуры. По-прежнему значительное место в их хозяйстве занимала охота на диких животных и рыболовство. Довольно своеобразным был погребальный обряд окуневцев. Своих покойников они хоронили в каменных ящиках, покрытых сверху каменными плитами, вокруг которых устанавливалась каменная же ограда. Еще одной яркой отличительной особенностью племен данной культуры, было особое устройство детских колыбелей, что приводило к деформации черепа: *«Наиболее примечательной особенностью окуневских черепов является искусственная деформация. Она выражается в значительной скошенности и уплощенности затылочно-теменного отдела...»* [Громов А. В.].

Южнее окуневской культуры, в полупустынных районах, примыкающих к северным отрогам Тибета, от Турфанской впадины до Желтого моря, обитали животноводы, выделенные А. А. Ковалевым в самостоятельную культуру Чаодаогоу. Судя по всему ядром этой культуры были племена, обитавшие в районе плато Ордос. Характерной особенностью данной культуры было поразительное сходство производимых здесь бронзовых изделий, в частности «ордосских втульчатых топоров» с луристанскими бронзами, происходящими из Передней Азии, причем западноиранская металлургическая традиция имела явный приоритет по времени. Миграция носителей этой традиции из Загроса на далекие берега Хуанхэ *«произошла не позднее II тысячелетия до н.э.»* [Ковалев А. А.]. Датировка поселения Синтала, расположенного на северо-востоке Таримской котловины и имеющего явно выраженные центральноазиатские корни, позволяет уточнить время этого переселения: *«время обживания поселения Синтала относится к периоду около 1690—1425±150 гг. до н.э.»* [Сверчков Л.]. Другими словами перед нами типичные представители андроновско-срубной волны расселения, пик которого как раз и пришелся на XVIII – XVII века до нашей эры. В продвижении на восток их несколько опередили родственные им шанские племена, проникшие в междуречье Янцзы и Хуанхэ северным путем, что, кстати, наложило на шанскую культуру явный отпечаток сеймо-турбинского оружейного комплекса. Путь самих чаодаогоусцев на новую родину был более долгим и пролегал, через города Междуречья, Центральную Азию и пустыню Такла-Макан. Плодородные земли Великой китайской равнины оказались уже «заняты» шанскими племенами и новоприбывшие потомки андроновцев, на основе местных племен и во взаимодействии с империей Шан (Инь), сформировали ту самую Чаодаогоускую культуру. *«Чаодаогоу являлась «мощным центром металлообработки с устойчивыми традициями, производившим определенный набор предметов вооружения и украшений на протяжении нескольких веков»* [Ковалев А. А.].

Смена доминант

Ситуация остается довольно стабильной на протяжении нескольких столетий, пока климат вновь не меняется. *«В конце II тысячелетия до н. э. в степях Восточной Европы происходит резкая аридизация климата»*. Изменение было настолько существенным, что *«к рубежу II и I тысячелетий до н.э. фиксируется резкое понижение уровня Черного моря до отметки 13—15 м ниже современной»* [Потапов В. В.]. Очевидно, что за долгие годы благоденствия плотность населения в степной и лесостепной зоне существенно возросла: так только на территории современной Саратовской области: *«численность населения эпохи поздней бронзы... могла достигать 30000—200000 человек»* [Сергеева О. В.]. И теперь, в условиях сильного иссушения климата, степь была не способна прокормить всю эту массу народа. Она становится мало пригодной как для выращивания зерновых, так и для придомного животноводства, вынуждая людей сниматься с насиженных мест.

В этих условиях сообщество степных животноводов распадается в соответствии со своей ментальностью. Та часть племен, которая изначально ориентировалась в основном на земледельческую составляющую своего комплексного хозяйства, а это в первую очередь европейские культуры срубной культурно-исторической общности, массово устремляются на юг, в плодородные и по-прежнему изобилующие водой районы субтропического пояса. В результате такого исхода в XII – X веках до нашей эры количество поселений и погребений, по сравнению с предшествующим периодом, в степной зоне между Доном и Дунаем уменьшается в десять раз. Это далеко не мирное переселение, затронувшее все государства Передней Азии, вошло в летописи как «вторжение народов моря» и «нашествие дорийских племен».

Другая часть степных животноводов, преимущественно племена абашевской и алакульской культур, окончательно переходят к кочевому скотоводству. Аридизация климата *«стала толчком к переходу к кочевому (номадному) способу ведения скотоводства, подготовленного, помимо всего прочего, изменением хозяйства, выразившимся в трансформации видового состава стада в сторону увеличения его мобильности... Не вызывает сомнений, что такие трансформации, подстегиваемые нарастающей аридизацией, продолжались и активно нарастали на финальном этапе эпохи поздней бронзы. На его протяжении большая часть населения переходит уже к номадизму, к концу его практически исчезает оседлый быт»* [Потапов В. В.].

Переход от отгонного к кочевому скотоводству предусматривает не только существенное изменение хозяйственного уклада (мобильные жилища, легко переносимый скарб), но и серьезное увеличение территории используемой для выпаса скота каждой семейной группой. Такая близкородственная община совместно кочующая со своим скотом традиционно называется «кош» или «кочевье». Сложившаяся за столетия схема распределения пастбищ неизбежно разрушается, когда один кош в поисках корма для своего скота вынуждено вторгается во владения другого коша. По идее такие вторжения должны неизбежно привести к хаосу и всплеску кровопролитных сражений за ставший дефицитным кормовой ресурс. Но вот что удивительно: *«Обращает внимание тот факт, что отсутствуют подтверждения военизированного характера предскифской культуры – категории вооружения здесь присутствуют лишь в единичных случаях»* [Востриков С. С.]. Да и ожидаемых массовых переселений в зоне степей тоже не отмечается: *«серьезной смены населения в этот период не происходило. Все изменения были результатом либо культурных влияний, либо „инфильтрации незначительных групп населения“»* [Поляков А. В.].

Получается, что перераспределение пастбищных земель протекало достаточно организовано и без значительных миграций населения, что возможно только в одном случае – если процесс управлялся из какого-то центра. Другими словами в Степи должна была появиться

некая структура способная мирно перераспределить пастбища между кочевьями и принудить всех соблюдать свои решения – то есть единое государство. Именно единое, так как одновременное возникновение нескольких государственных образований наоборот бы способствовало эскалации вооружений и войнам за дефицитные ресурсы.

На первый взгляд кажется невероятным, что в те далекие времена, когда крупнейшие, технологически передовые царства ограничивались рамками приречной поймы какой-нибудь реки, могло возникнуть территориально столь обширное государственное образование. Тем более в условиях аридной степи, способной прокормить только 0,3 – 9,6 человек на квадратный километр, что в 20 – 100 раз меньше, чем в зоне развитого земледелия [Сергеева О. В.]. В этом случае, помимо мирного перераспределения ресурсов, должны были сохраниться и другие признаки наличия единого политического пространства, и в первую очередь следует ожидать некой стандартизации вооружений и культовых объектов.

И действительно, примерно в середине XIII века до нашей эры в азиатских степях, при сохранении местной специфики, широчайшее распространение получают три культурологических признака: херексуры, оленные камни и комплекс бронзового вооружения, четко привязываемые к карасукской археологической культуре. *«Инвентарь карасукской культуры невероятно обилён и ярок, и „типично карасукские“ изделия (элементы, черты) можно найти на территории практически всей Евразии от Ближнего Востока и Центральной Европы до Приамурья и Кореи в памятниках культур второй половины II – первой половины I тыс. до н.э.»* [Хаврин С. В.]. Особенно это характерно для изделий из бронзы: *«Сходные с карасукскими ножи, кинжалы, украшения встречаются от Поволжья до Аньяна»* [Грязнов М. П.].

Херексуры – погребальные сооружения, представляющие собой небольшие курганы высотой от одного до двух-трех метров, окруженные прямоугольной или квадратной каменной оградой из поставленных на ребро плит песчаника, в центральной части которой расположен могильный каменный ящик, перекрытый плитами. Они распространены от Алтая до Приамурья. Интересно, что продолжая древнюю традицию курганных захоронений воинской элиты, берущую начало в древнеямной культуре, строители херексуров часть погребальных элементов позаимствовали у носителей окуневской культуры, довольно сильно отстоящей от древнеямников в генетическом плане. При этом, если поздние окуневцы имеют преимущественно монголоидные черты, то похороненные в херексурах *«в антропологическом отношении были европеоидами»* [Цибиктаров А. Д.]. Причем в этом же регионе, а также дальше на восток степной зоны одновременно с херексурами продолжает существовать другой погребальный обряд, так же зародившийся в недрах окуневской культуры – так называемая культура плиточных могил. Да и сами херексуры, при сохранении общих дифференцирующих признаков, имеют выраженные локальные варианты, что позволило археологам сделать вывод о том, что *«понятие „культура херексуров“, вероятно, включает множество родственных культурных образований»* [Чугунов К. В.]. Другими словами, в этот период традиция захоронения в херексурах проникает в разные родственные культуры, не вытесняя, а только дополняя местные погребальные традиции.

Рисунок 8. Монголия. Оленные камни

С херексурами тесно связан еще один тип каменных сооружений – оленные камни (рис. 8). Эти мемориально-культурные сооружения, детально передающие характер вооружения и татуировки воинов карасукской эпохи [Худяков Ю. С.] имеют еще более обширный ареал. *«Оленные камни распространены достаточно широко. Кроме уже упомянутых территорий Алтая, Тывы, Забайкалья, Монголии, они встречаются также в Киргизии, Казахстане, Приуралье, на Северном Кавказе. Отдельные сведения позволяют судить о том, что они обнаружены на Балканах, в Иране и Центральной Европе»* [Соловьёв А. И.]. Найдены они и в Болгарии и Украине [Ковалев А. А.]. Так же как херексуры, оленные камни, при сохранении единых определяющих признаков, имеют региональные отличительные черты.

Все это легко объяснимо только при условии существования в этом ареале единого государственного образования, где один, или несколько близких родов сформировали правящую военную аристократию, разослав своих наместников во все уделы «империи». Тогда херексуры – это погребения этих аристократов, а оленные камни – культовые объекты с изображением героического предка, обычного объекта поклонения для большинства древних культур. В этом случае некоторые отличия в погребальном обряде, могут быть обусловлены либо адаптацией к местным традициям, либо родовой принадлежностью покойного. А еще более значимые различия в исполнении и орнаментации оленных камней, помимо перечисленных причин, могут быть вызваны вкусами и навыками скульпторов, которые явно подбирались из местных мастеров.

К аналогичным выводам нас приводит и анализ вооружения карасукского типа, получивший в этот период широчайшее распространение в азиатских степях. *«Археологическая культура (называемая пока культурой херексуров и оленных камней) сложилась где-то в районах Западной Монголии, а затем распространила свое влияние на территории Алтая, Тывы, Забайкалья, Восточного Туркестана, Восточной Монголии. Именно с её военной активностью связывается появление здесь сходных форм оружия, причём того самого оружия, что относится исследователями к карасукскому типу»* [Соловьёв А. И.].

Так кто они – первые правители номадов? Откуда пришли? Какое преимущество позволило им утвердить свою власть над Степью?

Давайте вначале поищем ответ на второй из поставленных вопросов. Так как события имели место в эпоху, когда письменность получила уже достаточно широкое распространение, и некоторые письменные памятники сохранили для нас имена древних народов, то установив регион происхождения этноса, мы имеем шанс найти и его наименование. А пока продолжим называть их карасукцами – не очень удачное название, данное данной культуре по раскопкам эталонных памятников на реке Карасук (Хакасия).

Происхождение карасукской культуры до сих пор вызывает горячие споры в среде археологов, которые находят в ней отдельные черты берущие свое начало в южно-уральских, центрально-азиатских, западносибирских и даже восточно-китайских культурах. Ковалев, на основе анализа всех известных на сегодняшний день оленных камней, делает вывод, что именно «*бассейн рек Цингильхэ и Булган гол [Монгольский Алтай] может считаться прародиной носителей традиции изготовления оленных камней западного региона*» [Ковалев А. А.]. Но анализ карасукских бронз отодвигает их прародину еще дальше на восток, в район распространения чаодаогоуского бронзоволитейного производства. Карасукские бронзы по сути правильнее было бы называть «чаодаогоускими», так как весь комплекс так называемого карасукского вооружения имеет более ранние аналоги в северокитайском регионе [Грязнов М. П.]. Изображенные на оленных камнях «*бронзовые втульчатые топоры – оружие характерное для памятников культуры Каюэ (Цяюэ), распространенной в северо-восточной части провинции Цинхай и датируемой позднеинским – раннечжоуским временем*» [Ковалев А. А.], а карасукские коленчатые ножи по форме удивительно похожи на монеты-ножи, имевшие хождение в Китае в эпоху Чжоу [Хаврин С. В.]. А если вспомнить, что именно через культуру чаодаогоу карасукцы могли получить черты, сближающие их с переднеазиатскими культурами: «*характерные для раннебронзового века скотоводов передней Азии орнаментальные мотивы... используются также и для украшения „чаодаогоуских“ бронз*» [Ковалев А. А.], то связь ранних карасукцев с бронзоволитейщиками Северо-восточного Китая становится очевидной. Так что я предлагаю согласиться с мнением Сергея Владимировича Киселева¹⁷, о том что «*карасукская культура сформировалась на основе местных афанасьевско-андороновских компонентов, со значительной инфильтрацией переселенцев из Китая*». С тем уточнением, что под «*переселенцами из Китая*» мы подразумеваем чаодаогоуские племена, пришедшие к отрогам Куньлуня за 400—500 лет до этого сложным маршрутом с Южного Урала, через Западный Иран и Среднюю Азию.

А теперь, определившись с прародиной карасукской аристократической прослойки, мы легко ответим на первый вопрос, так как в конце II тысячелетия до нашей эры на Северных границах Шанского царства обитал только один этнос, подходящий под наши условия – хуну китайских летописей. Надо сразу же оговориться, что данное прозвище, в переводе «бородатый раб», естественно, не было самоназванием кочевого этноса. Известный иранист В. Б. Хеннинг еще в 1948 году пришел к выводу, что в основе этого термина лежит некое тюркское слово «хун», означающее «степень родства» [Henning W. B.]. Но вероятнее всего это просто «человек, народ» – *kün* на пратюркском, *kjüne* – на древнеалтайском, *kupu* – в ностратическом языке [Алтайская этимология]. Так что наиболее корректным будет называть их «куны», понимая что это те самые хуну китайских древних летописей.

В унисон нашей гипотезе французский историк «*Дегинь, опираясь на Съма Цяня, считает, что „около 1200 г. до н.э. мы должны помещать создание хуннского царства“. В это время хунны населяли степи от Хэбэя до озера Баркуль [Восточная оконечность Тянь-Шаня] и уже делали набеги на Китай*» [Гумилев Л. Н.]. На самом деле, по данным современной

¹⁷ Сергей Владимирович Киселёв – советский историк и археолог, член-корреспондент Академии наук СССР.

археологии, куны-карасукцы продвинулись на запад почти до Арала (рис. 7), а с учетом ареала оленных камней, однозначно ассоциируемых с этой культурой, и значительно дальше. При этом центром карасукской культуры оставались отроги Алтая, где найдено более двух тысяч могильных памятников той эпохи (рис. 9). Видимо именно здесь располагался коренной юрт кунов, именно здесь хоронили павших героев. Отсюда в разные концы Степи отправлялись наместники верховного вождя, дабы навести порядок, а заодно установить памятник Великому Предку – воину-колесничему. Именно предку, так как вооружение, изображенное на оленных камнях имеет явные архаичные признаки и отличается от того которым были вооружены современники их установки. А вместе с наместниками следовала и небольшая дружина, разнося по степи вооружение карасукского типа.

Но вернемся к нашим вопросам. Осталось понять, что же такого нового, передового принесли в культуру номадов куны-карасукцы? Что позволило им стать доминантами степного мира?

Первое что приходит в голову – военная инновация. И действительно в этот период получает распространение новый вид войск – конный воин. *«Освоение верховой езды привело к радикальным переменам на полях сражений. Теперь здесь безраздельно господствовал конный стрелок, вооруженный луком и стрелами. Колесницы ушли в прошлое. Новое время рождало новых героев, образ всадника вскоре вытеснил из народной памяти нарядных возниц...»* [Соловьёв А. И.]. Хотя сама верховая езда, судя по находкам элементов узды, была известна минимум за 3 тысячи лет до описываемых событий, но для ведения войны лошади впервые стали использоваться андроновцами и то в качестве упряжных, а не верховых животных. Видимо разводимая древними животноводами лошадь была просто не способна нести воина в тяжелой бронзовой броне и с бронзовым оружием, а к карасукскому этапу уже удалось вывести породу лошадей, способную нести такого всадника. Но сам по себе факт появления вооруженного всадника явно не мог быть решающим, поскольку никаких крупных военных интервенций, где могла бы участвовать конница, в Степи в этот период не отмечено. Да и развитие конницы как самостоятельного воинского подразделения приходится на самую карасукскую эпоху, а не предваряет ее. Так что широкое распространение техники конного боя скорее следствие, а не причина образования единого государственного образования.

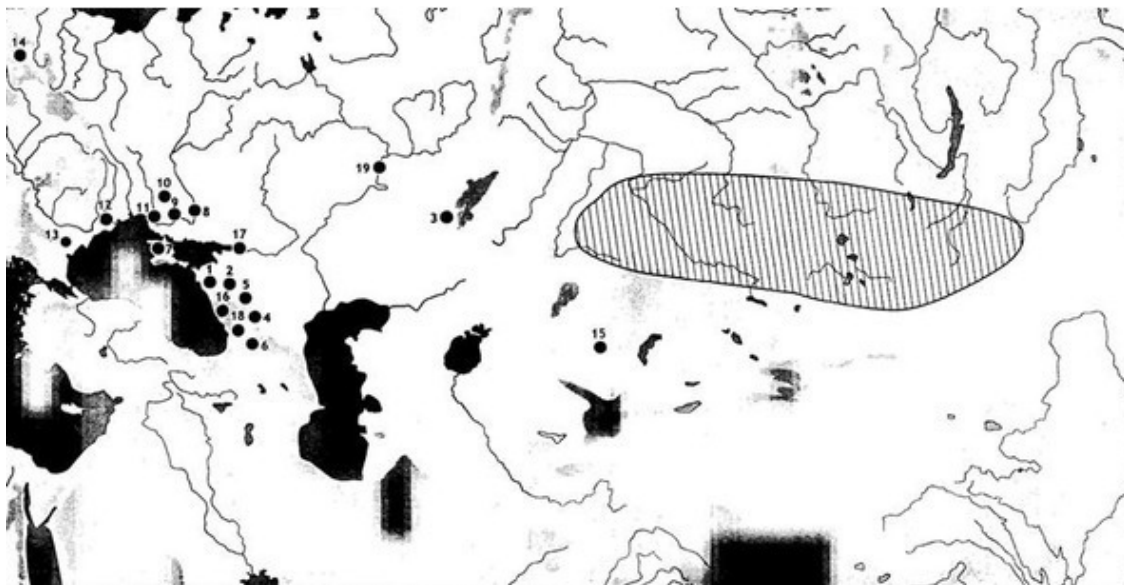

Рисунок 9. Основной ареал оленных камней (по Э. А. Новгородовой) и их отдельные находки.

Никаких других значимых военных инноваций в тот период не зафиксировано. Да и в бытовом плане карасукцы мало отличались от предшествовавших культур. А это значит, что причину возвышения кунов следует искать в социальной и религиозной сфере. Здесь, к сожалению, нет достаточных материальных свидетельств, так что нам неизбежно придется от фактов перейти к предположениям, основанным на косвенных данных.

На мой взгляд наиболее вероятным мог быть следующий сценарий. Ранние карасукцы – европеоиды с небольшой монголоидной примесью, причем эта монголоидная кровь попала к ним не от окуневских племен: *«По данным краниометрии и одонтологии карасукцы имеют монголоидную примесь... окуневская примесь в населении карасукской культуры, если и существовала, то не оставила существенного следа в генофонде карасукцев»* [Громов А. В.]. Учитывая диспозицию этносов того времени, такую примесь они могли получить только в результате контактов с южными протокитайскими племенами, находящимися под властью родственной карасукцам Шанской династии. Шанские правители, в отличие от многополярной цивилизации Передней Азии, были единоличными владыками восточного цивилизационного центра. Не имея достойных соперников они подчинили своей власти все окрестные племена, создав по сути первую в истории первую империю. Причем, судя по грандиозным захоронениям правителей, сопровождаемым огромным количеством человеческих жертв, власть Шанского вана была безгранична, а он сам обожествлялся.

От шанцев идея единовластия, вместе с товарообменом и экзотическими наложницами: *«можно предполагать сильное влияние в процессе взаимной ассимиляции экзогамных браков»* [Поляков А. В.], могла проникнуть в контактную среду родственных им племен чаодаогоуской культуры. Что, в свою очередь, привело к созданию мощного межплеменного союза кунов. Не имея возможности оспорить власть шанских ванов, кунские племена подчинили своей власти, соседствующие с ними с севера племена окуневской культуры, причем подчинение могло идти и без явного применения военной силы.

Добровольному подчинению окуневцев могло способствовать четыре важных обстоятельства. Во-первых, техническое и военное превосходство южан, базирующиеся, с одной стороны, на накопленном в ходе скитаний и взаимообмена с шанской цивилизацией опыте, а с другой стороны на ресурсах чаодаогоуского металлургического центра. Во-вторых, несомненным преимуществом было единство кунов, которому окуневские вождества не могли ничего противопоставить. Возможно третьим фактором стало само происхождение окуневцев, чья культура развилась из небольшого европеоидного ядра животноводов андроновского круга, которое провело культурную ассимиляцию местных монголоидных прото-тунгусских племен, живших до этого в условиях неолитического присваивающего хозяйства. Обычно в таких случаях метисные потомки очень дорожат своей «европеоидностью», доказывающей их родство с «первопредками». О том что окуневцы не были исключением из этого правила свидетельствует в частности их обряд деформации детских черепов, для придания им более вытянутой – «европеоидной» формы. В этой связи претензии на власть со стороны «чистых» европеоидов, родственных «первопредкам», должны были выглядеть вполне обосновано. И, наконец, четвертая причина кроется в родовом тотеме правящего кунского рода – летящем олене. Дело в том, что по древним верованиям палеоазиатских племен олень (лось) являл собой и олицетворение вселенной, и образ солнца, занимая одну из самых верхних ступеней анималистической божественной иерархии: *«По этнографическим данным в верованиях многих сибирских народов образ лося олицетворял собой вселенную... в эпоху ранней бронзы... образ „космического“ лося в петроглифах занимает символическое обозначение Солнца»* [Заика А. Л., Журавков С. П.]. А кто будет противиться воли сынов верховного бога, тем более если за ними техническое и военное превосходство?

Вслед за окуневцами куны прибрали к рукам и Алтай, который даже в самые засушливые годы изобильно поил влагой Иртыш, Катунь, Енисей и Селенгу. Но помимо сочных

пастбищ, горы Алтая изобиловали золотом, серебром, медью и оловом – товар который пользовался неизменным спросом на всех рынках, который с большой выгодой можно было обменять на дефицитное для условий сухой степи зерно. В этой связи совсем не удивительно, что «*в период поздней бронзы фиксируются находки андроновских (или андронидных) вещей и керамики на территории Северного Китая*» [Чугунов К. В.]. А опираясь на ресурсы всей восточноазиатской степи куны могли легко навязать свое господство и алакульцам, которые в тот период переживали далеко не лучшие свои годы.

Судя по всему успеху кунов способствовал и тот факт, что за пределами коренного юрта они не пытались прибрать к рукам чужие пастбища, да и на власть племенных вождей – беков, не слишком покушались. По крайней мере, корни той своеобразной «степной демократии», хорошо известной по более поздним номадным империям, явно заложены не позже, чем в карасукский период.

Карасукцы не вытеснили и не уничтожили предшествовавшие им культуры азиатских животноводов. Они просто объединили и возглавили эти племена, привнеся в их пасторальный быт элементы государственности. Под их влиянием происходит ускоренная эволюция местных культур. На Алтае, в Западной Сибири и Казахстанской степи на базе алакульской и других европеоидных культур андроновского круга, формируется собственно карасукская культура. Восточнее окуневская культура, сформировавшаяся на основе прото-тунгусских племен, эволюционирует в прото-маньчжурскую культуру плиточных могил.

Периферийные культуры андроновского круга, хотя несомненно испытывают определенное влияние со стороны кунов, но не попадают под прямую зависимость и эволюционируют в самостоятельные культуры, со своим уникальным набором характеристик. А в европейских степях, которые на первом этапе карасукского периода не вошли в сферу интересов новоявленных владык Степи, на базе срубной культурно-исторической общности, из тех племен, которые не участвовали в «нашествии народов моря», а предпочли остаться выживать в иссыхающей степи, складывается ряд локальных археологических культур. «*Большая вариабельность погребального обряда среди постсрубных памятников Поволжья объясняется, по всей видимости, особым географическим положением региона, „пропускавшим“ через себя и частично аккумулировавшим различные культурные традиции*» [Вальчак С. Б.]. Оставившие эти погребения племена, благодаря дошедшим до нас свидетельствам древнегреческих авторов, известны под именем киммерийцев. Эти же авторы свидетельствуют о том, что киммерийцы представляли собой отдельные рода и племена, чей социальный уклад оставался на уровне вождеств.

Пройдет двести – триста лет и киммерийцы тоже будут интегрированы в состав степной империи. Но прежде давайте разберемся с самими кунами и построенной ими государственной структурой.

Кочевая империя кунов

До нас не дошло никаких документальных свидетельств о культуре, обычаях хозяйственном укладе и вооружении кунов позднего бронзового века. Тем не менее, современная археология позволяет восстановить многие черты их бытия, а благодаря реконструкции выполненной А. И. Соловьёвым даже увидеть кунского воина карасукской эпохи (рис. 10).

Рисунок 10. Кунские воины карасукской эпохи. Реконструкция выполнена по археологическим и этнографическим материалам карасукских памятников Минусинской котловины [Соловьёв А. И.].

Экономика племен под властью кунской аристократии практически не изменилась. Сами куны занимались главным образом яйлажным скотоводством и примитивным земледелием. Основу стада составлял крупнорогатый скот, овцы и лошади. Каждой весной, засеяв поля, они переезжали на летние пастбища, а осенью возвращались обратно для сбора урожая и на зимовку. Летом основная часть населения кочевала, живя в юртах, известных в этих краях с середины второго тысячелетия до нашей эры. Зимовали в больших домах полуземляночного типа, площадью 150—160 квадратных метров. Отапливались они цепочкой очагов, в которые для большей теплоемкости помещали крупные камни. Вдоль стен располагались нары. От четырех до восьми таких домов, часто соединенных друг с другом переходами, образовывали поселок. *«Обитатели землянок занимались изготовлением орудий, литых из бронзы и костяных, обработкой шерсти и растительного волокна, пряжей и ткачеством, на что указывают находки обломков литейных форм, костяных трепал, пряслиц, ткацких гребней и т. д. Зимой в землянках, видимо, содержали и скот»* [Карасукская культура]. Они были умельцами, ремесленниками, металлургами и художниками. Изготавливали оригинальную керамику, украшения, оружие и латы. Карасукские кузнецы знали такие методы металлообработки, как литье,ковка и пайка. А Алтайские художники, скульпторы и ювелиры заложили основы знаменитого «звериного стиля». Одежду шили из хорошо выделанной кожи, шерстяной или сотканной из растительных волокон ткани. Они сильно усовершенствовали верховую езду, сделав ее повседневным атрибутом жизни и начали разрабатывать технику конного боя.

По своим верованиям куны были анималистами. Особо почиталось животное – тотем рода. Оно традиционно изображалось на одежде, оружии и даже на теле в виде татуировок. Правящий род, согласно ранним китайским текстам, имел тотемом оленя и записывался либо иероглифом со значением «скрюченный, судорога», либо иероглифом со значением «мыльное дерево». Читаются эти иероглифы как «лань» или «луань». Судя по наличию двух, столь

отличных и по смыслу и по написанию иероглифов, китайцы лишь воспроизвели звучание этнонима. А наличие в тюркских языках слов «кулан» – дикий осел, «бұлан» – лось и русского (в котором немало древних тюркских заимствований) «лань», говорит о том, что перед нами древнее сакрализованное название оленя, ближе всех которому именно русское название самки оленя. Свой тотем «дети Лани» изображали на пряжках ремней, на одежде, на своей коже, и конечно же на культовых стелах – оленных камнях, изображающих татуированного и вооруженного, но безликого предка-колесничего. Недаром ираноязычные народы Притяньшанья, которые и сами имели генетическую и лингвистическую связь с андроновцами и срубниками, прозвали северных кочевников «саками» – оленями [Абаев В. И.]. Возможно именно отсюда в индоевропейских языках появился корень «sak» – сакральный (рус.), sacred (англ.), sākre (тохар.), sacer (латин.), saxti-z (прото-герман.) в значении «священный», и иногда в значении «удача на охоте» [Алтайская этимология].

Из рода Лани состояла правящая элита кунов, но помимо них были и другие рода допущенные к управлению Степью. На это указывают оленные камни на которых наряду с оленями или даже вместо них встречаются изображения других животных-тотемов: «кабанов, лошадей, козлов, верблюдов, собак, куланов и птиц» [Савинов Д. Г.], Худяков добавляет к этому перечню еще и «пантер» [Худяков Ю. С.], хотя, судя по узору на теле, корректней было бы именовать их барсами. Однако верховный вождь мог принадлежать только к роду Лани. История не сохранила как куны величали своего вождя, поэтому я предпочту использовать один из наиболее древних титулов степных владык – «хакан». Уходящий корнями в эпоху ностратического праязыка титул «ḥak'ḥaṇ» можно перевести как «стоящий над командующими» [Bomhard A.]. На его древность указывает и тот факт, что он имеет свой вариант в норманнских языках: «гааконг» – великий государь.

Методом исторической экстраполяции, основанной на анализе поздних кочевых империй, мы можем достаточно уверенно воссоздать государственное устройство во владениях кунов. Оно довольно существенно отличалось от такового классических государств Средиземноморья. Наиболее подходящим термином для определения этого государственного образования будет «кочевая империя» или «имперская конфедерация номадов» [Барфилд Т.; Крадин Н. Н.].

Титул хакана был выборным. Выбирали его на курултае из числа старших мужчин рода Лани, считавшегося сакральным, старейшины всех включенных в империю племен. Титул был пожизненным, новые выборы могли быть проведены только после смерти действующего хакана, поэтому мало кто из них доживал до глубокой старости. Власть верховного вождя была сильно ограничена, по сравнению с классическими владыками земледельческих государств, и сводилась к трем основным функциям. Во-первых, он являлся верховным жрецом – посредником в отношениях между божествами и людьми, лично осуществляющим все важнейшие ритуалы и обряды. От его удачливости и благочестия зависели расположение или гнев богов. Поэтому пока «подданные» благоденствовали, хакана обожествляли, но стоило наступить тяжелым временам, как несколько лет бескормицы и массового падежа скота могли стоить «прогневавшему богов» жизни. Во-вторых, как это и следует из этимологии слова, хакан был верховным главнокомандующим, решающим вопросы мира и войны. По его призыву племенные вожди были обязаны незамедлительно выставить свое ополчение, а непокорные рисковали стать следующим объектом для нападения. И опять же удачливость и полководческий талант хакана существенно влияли на продолжительность его жизни, ибо любая неудача рассматривалась как немилость богов. В-третьих, хакан выполнял функции верховного судьи, уполномоченного решать все межплеменные споры, включая установление и изменение границ кочевий.

Для реализации этих функций существовал институт наместников, которые отслеживали неукоснительное соблюдение хаканской воли и, по-видимому, осуществляли его функции на местном уровне. Такие наместники назначались лично хаканом из числа его ближайших

родственников, реже из особо отличившихся представителей других кунских родов. Наместника сопровождала его семья и небольшой отряд хорошо вооруженных воинов, что способствовало широчайшему распространению оружия карасукского типа. В местах расположения наместничества для отправления культовых обрядов устанавливался оленный камень – обезличенный образ предка-покровителя рода, через которого и осуществлялась связь с потусторонним миром.

Во внутренние дела подчиненных племен ни хакан, ни его наместники не вмешивались, действуя по принципу, позже принятому на вооружение в средневековой Европе: *«вассал моего вассала – не мой вассал»*. Налогами и поборами подданных не облагали за исключением жертвенных животных и других обязательных подношений богам, которые большей частью шли на прокорм хаканского «двора». В остальном же и хакану, и наместникам, и племенным вождям приходилось за свой счет содержать и вооружать свои дружины и неизбежных прихлебателей. Поэтому в такой империи *«от старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение...»* [Сыма Цянь]. Дополнительный доход они могли получать только за счет удачных военных походов, что во все времена добавляло агрессивности кочевым империям.

Замечательное по своей образности описание процессов становления государственности номадов дал Роман Храпачевский¹⁸: *«Мир евразийских степей был устроен так, что в кочевой империи, объединявшей большое число различных этнических единиц, постоянно происходили как процессы ассимиляции в состав господствующего этноса, так и обратные процессы. Разнообразные по своему этническому, языковому и культурному происхождению рода и племена были чем-то вроде кирпичиков, из которых строились кочевые империи народами, занимавшими в них господствующее положение. Крайняя подвижность этих „кирпичиков“, из которых складывались имперские конфедерации, приводили к регулярным перестановкам в раскладе сил, а значит и в определении текущего гегемона в евразийских степях»* [Храпачевский Р. П.].

Кочевая империя – по сути конфедерация номадных и полуномадных племен, максимально мягкая форма объединения разнородных и разнокультурных этносов Степи, не препятствующая сохранению их самобытных черт, но, в то же время обеспечивающая политическое и экономическое единство народов на поистине огромных пространствах. В таких условиях любая техническая инновация или просто удачная художественная находка мастера довольно быстро распространяется по всей империи: *«Так, например, в Дындыбае (Центральный Казахстан) и в Тагискене (Приаралье) некоторые сосуды невозможно отличить от карасукских на Енисее»* [Толстов С. П.; Чугунов К. В.], а серия бронзовых шлемов «кубанского типа», датированных XII – X веками до нашей эры, обнаружена в Северном Китае, Маньчжурии и Монголии [Варенов А. В.]. От такого товарооборота выигрывали все, даже явно не входившие в состав империи северные палеоазиатские племена охотников-рыболовов: *«Отдельные вещи карасукских форм (мечи и кельты) проникают на север вплоть до Якутска»* [Карасукская культура], да и у племен Янковской культуры, населявших юг российского Приморья в начале первого тысячелетия до нашей эры, находят бронзовые предметы, изготовленные в Забайкалье и Средней Азии.

Естественно, что товарооборот шел в обоих направлениях и лучшие товары оседали в руках хакана и его наместников: *«В могильнике Камышенка [Западный Алтай] встречен целый ряд импортных вещей: нож и сосуд карасукской культуры Минусинской котловины, подвеска из нефрита, происходящая, видимо, из Забайкалья, серьги с горнобадахшанским лазуритом из Передней Азии (Афганистан), бронзовое зеркало из Средней Азии... сосуд корчажкинской культуры»* [Цивцина О. А.].

¹⁸ Храпачевский Роман Петрович – директор Центра по изучению военной и общей истории.

Но не торговля с окрестными племенами способствовала расширению ареала находок доспехов и оружия карасукского типа. Я уже упоминал, что в силу своей организации кочевая империя обречена вести агрессивную внешнюю политику. Ибо успешный военный поход – это и укрепление авторитета хакана; и демонстрация благоволения к нему богов; и возможность ослабить социальную напряженность, позволяющий наиболее энергичной молодежи «спустить пар»; и, что особенно актуально именно для кочевой империи, способ добыть средства для содержания личной дружины.

Довольно продолжительное время в сферу захватнических интересов кунских хаканов не попадали европейские степные животноводы. Но в IX веке до нашей эры очередь дошла и до киммерийских племен: *«появление традиции изготовления оленных камней на западе континента необходимо... соотносить с памятниками черногоровской группы и датировать 2-й пол. IX – VIII до н.э.»* [Ковалев А. А.]. Одновременно с появлением в европейских степях культуры оленных камней происходит *«смена... разрозненных культурных образований единой черногоровской культурой»* [Потапов В. В.]. Очевидно киммерийские племена, а черногоровскую культуру прочно ассоциируют именно с ними, были объединены под властью кунских нойонов.

Однако в этот раз банальное расширение границ кочевой империи оказалось фатальным для власти старших кунских родов. В Степи формируется новая, скифская элита.

Скифский период

Собственно скифский этап в истории Степи датируется VIII – III веками до нашей эры. Наиболее заметной его чертой является постепенный переход номадов из Бронзового в Железный век. Но начнем по порядку.

Итак, судя по современным археологическим данным, в IX веке до нашей эры из центральных районов кунской «империи», в Европейские степи – район обитания киммерийцев (земледельческо-животноводческая кобяковская культура) вторглись племена, основную ударную силу которых составляли всадники в чешуйчатых латах, вооруженные бронзовым оружием (преимущественно мечами и копьями) карасукского типа, с появлением которых в Европу проникает традиция установки оленных камней.

Собственно само вторжение не было победоносным маршем кунской орды от Тувы до Босфора. Просто, процесс постепенной культурно-политической интеграции кочевых племен в «имперскую конфедерацию» достиг на западе берегов Волги. За Волгой были такие же степи, а обитавшие там киммерийские племена, по сути – те же номады [Ильинская В. А.], дальние родственники, пусть и говорящие на несколько отличном диалекте. По хозяйственному укладу киммерийцы начала I тысячелетия до нашей эры практически не отличались от своих азиатских соседей. Разве что бронзу они сами не добывали, ограничиваясь переплавкой для собственных нужд бронзового и медного лома, имеющего уральское или причерноморское происхождение, в связи с чем найдено значительное число киммерийских кладов, из предназначенного для переплавки лома и оригинальных литейных форм.

Киммерийцы имели определенные хозяйственные и политические связи с оседлыми государствами Причерноморья, что существенно сказалось на их социальном устройстве. Правящая элита, как это обычно и бывает, попала под «тлетворное» влияние богатых южан, в первую очередь эллинов. По сведениям Геродота, к приходу кунов в киммерийском обществе уже назрел конфликт между эллинизированной аристократией и консервативным большинством. Так что «вторжение» не было слишком кровавым и не сопровождалось массовым переселением народов. Несколько захваченных и уничтоженных поселений и киммерийцы признали власть «империи».

В соответствии с «имперскими» традициями, для отправления общеимперских культов и присмотра за местными вождями, были присланы назначенные хаканом наместники, каждый со своей с небольшой дружиной. Опять же по традиции наместники принадлежали к одному из правящих в «империи» родов [Мартынов А. И.; Пиотровский Б. Б.].

С точки зрения и археологии и, очевидно приближенных хакана, кочующего в самом центре Хартленда, киммерийские степи были бедным захолустьем. *«Погребения эпохи поздней бронзы и предскифского периода крайне небогаты (за редкими исключениями позднейшего этапа предскифского периода) сопровождающим инвентарём»* [Вальчак С. Б.]. Так что назначение наместником в «такую глушь» должно было восприниматься как почетная ссылка – очень удобный способ убрать подальше неудобного, но излишне влиятельного племенного вождя. Поскольку у самих киммерийцев анималистический культ не был развит, их «тамгой» был вписанный в круг ромб с вогнутыми сторонами, в центре которого изображался еще один маленький кружок, то есть основания предполагать, что честь представлять интересы империи на столь дальних рубежах выпала представителям родов Барса («пантеры» либо мифического «хэланьшаньского зверя» [Ковалев А. А.]) и Беркута. Анализ происхождения европейских оленных камней, проведенный Алексеем Анатольевичем Ковалевым¹⁹ в своем диссертацион-

¹⁹ российский археолог, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия.

ном исследовании, позволил даже локализовать прародину азиатских пришельцев – Южный Алтай, а именно долину реки Булган-гол (кит. Улунгхэ). На юге Алтая и в Джунгарской впадине традиция арнаментирования оленных камней существенно отличалась от принятой в коренном юрте кунов. Так на них практически нет зооморфных изображений выполненных в характерном кунском – «аржано-майэмирском» стиле [Ковалев А. А.]. Это и не удивительно, если учесть в этом районе кочевали потомки другой ветви древнеямников – тохары (самоназвание *sgwied-di*), сохранившие многие элементы «доандрононовской» афанасьевской культуры. Они много раньше киммерийцев вошли в состав кочевой империи кунов, но, как видим, сохранили свою самобытность. Судя по всему говорили они на прото-тохарском диалекте, имевшем многие архаичные черты и, в силу этого, занимавшего промежуточное положение между пратюркским языком кунов и киммерийским вариантом индоевропейского праязыка. Это могло послужить дополнительным доводом в пользу назначения хаканского наместника в Причерноморскую «Тмутаракань» именно из их среды.

Тем не менее, прибывшие в Европу наместники честно исполняли свой вассальный долг. Благодаря привнесенным инновациям на местном этническом субстрате быстро сформировалась уже упоминавшаяся черногородовская культура, несущая как типично киммерийские, так и смешанные куно-тохарские черты. Характерной чертой этой культуры является стремительное расширение своего ареала за счет присоединения к империи соседних племен. *«Распространение черногородовской культуры шло из Доно-предкавказского региона... Распространение основных черт черногородовской культуры в западном и северном направлениях, очевидно, было связано с военной активностью предчерногородовских племен Подонья – Предкавказья в самом конце финальной бронзы»* [Потапов В. В.].

Распространение влияния «империи» на еще одну группу номадов, обитающих на периферии Степи – событие по сути рядовое, имело, однако, далеко идущие последствия. Дело в том, что в VIII веке до нашей эры расширяющиеся круги имперского влияния достигли северных предгорий Кавказа – исходной точки, давшей в свое время эволюционный толчок всем культурам древнеямного круга. Цикл замкнулся: потомки древнеямников, одними из первых отправившиеся покорять Ойкумену, после примерно двух тысячелетий азиатских скитаний победителями вернулись к далеким наследникам Майкопской культуры. И в этот раз северокавказские металлурги не обманули ожиданий, запустив новый цикл в развитии Степи: *«Уже в это время началось распространение черногородовской культуры (населения Степи Северного Причерноморья) на юг (северокавказские памятники), на запад (бляшки лесостепных поселений и центрально-европейские находки) ... На Северном Кавказе эти влияния наложились на местные традиции и базы бронзолитейного производства. Результатом явился феномен бурного развития воинско-всаднического археологического комплекса на Кавказе и его обратного доминирующего влияния на культуру населения расположенных севернее территорий. Вполне вероятно, что катализатором процесса формирования сословия воинов-всадников явились представители степного населения Северного Причерноморья. Своего апогея это влияние достигло к концу VIII – началу VII в. до н. э. По всей вероятности, в результате переселения части северокавказских этносов в Степь и Лесостепь»* [Вальчак С. Б.].

Рассвет

Так сложилось, что, не задолго до вторжения кунов, в Предкавказье проникла технология обуглероживания и закаливания железа (т. е. получение стали). Само железо было известно человечеству довольно давно, его фрагменты найдены на памятниках Сирии и Ирака, датированных не позже 2700 до нашей эры. Железо несравненно более распространено в природе, чем медь и олово. Мелкие месторождения железной руды имеются почти повсюду и гораздо более доступны с точки зрения технологии добычи, но сыродутное железо значительно уступает бронзе в твердости и антикоррозийных качествах. Все изменилось когда примерно в XI веке до нашей эры, вероятно в регионе Восточной Анатолии, кузнецы освоили изготовление стали. Стальное оружие существенно прочней, легче и дешевле бронзового.

Хаканский наместник с сотоварищами, оттесненные более счастливыми собратьями от центральной ставки и от привычных центров меновой торговли – источников поступления товаров земледельческого мира, бронзовых доспехов, оружия и украшений, в одночасье оказались счастливыми обладателями целого ряда новых, революционных технологий, делавших их практически независимыми от Алтайского центра: *«Появляется целый ряд новаций: изготовление и употребление металлических деталей тягловой упряжи и деталей конского доспеха, заимствование деталей защитного вооружения воина (чешуйчатых панцирей и кованых бронзовых шлемов), находящих близкие прототипы в упряжи и вооружении воинов в государствах Закавказья и Передней Азии) ... появляются уздечные комплекты, наконечники стрел и мечи, украшения в зверином стиле»* [Вальчак С. Б.]. Новое, гораздо более качественное оружие, сырье, для изготовления которого, практически лежит под ногами – это ли не дар богов! Не удивительно, что скифы обожествляли свой железный меч-акинак.

Докатившись до Кавказа черногоровская культура ускоренными темпами эволюционирует в новочеркасскую, по сути раннескифскую культуру. *«В жизни предскифских обществ, по всей видимости, в конце этого [VIII] столетия, произошли существенные и достаточно стремительные изменения, которые вызвали появление унифицированного конского снаряжения классического новочеркасского типа, соответствующих форм мечей, кинжалов и наконечников стрел. В это же время наблюдается заметное увеличение использования железа для изготовления оружия и деталей конского снаряжения. Этот материальный комплекс стал доминирующим на всей территории Восточной Европы и практически полностью вытеснил из употребления старые формы конского снаряжения и вооружения. Количественно предметы классических новочеркасских форм значительно превышают предыдущие, что позволяет предполагать увеличение воинско-всаднического сословия на этом этапе»* [Вальчак С. Б.].

Важно отметить, что сами северокавказские металлурги, сидящие на богатейших месторождениях меди, железо использовали мало и неохотно, и меньше всего в военных целях. А с конным воином и вовсе познакомились только с приходом черногоровских племен. Так что большинство новаций являются не заимствованиями, а собственными разработками новочеркасской культуры. И наверно самым значимым новшеством, рожденным в условиях становления скифской культуры стало появление конного лучника. Всадники карасукской эпохи были вооружены бронзовыми мечами и копьями, реже – молотами и булавами, что хотя и давало определенные преимущества в бою, но не слишком значительные. Зато конный лучник был практически неуязвим: легко избегая рукопашного боя, сам он с высоты конского крупа осыпал противников стрелами, опять же используя усовершенствованный вариант степного дальнобойного лука.

С таким потенциальным военным преимуществом можно было коренным образом поменять расклад сил в Степи, превратившись из наместника захолустной провинции в нового

лидера номадов. Но оружие, пусть и самое прогрессивное – еще не все. Нужны воины, которые возьмут его в руки, а воинов надо одеть, вооружить и потом еще содержать... В общем нужны успешные грабительские походы, желательны в богатые края. В данном случае в Закавказье, туда, где нашли лучшую долю родственные киммерийцам «народы моря».

В 714 году до нашей эры племена новочеркасской культуры вторгаются на территорию царства Урарту и наносят крупное поражение войскам Русы I. В это же время номады напали на соседнюю с Манной область Уаси, в районе озера Урмия. Характерная особенность: *«войско, состоявшее сплошь из конницы, обладавшее большой подвижностью, владело незнакомой дотоле народам древнего Востока массовой коннострелковой тактикой»* [Киммерийцы и скифы], однозначно свидетельствует, что в Закавказье пришли не *«киммерийцы, теснимые скифами»*, а именно племена новочеркасской культуры, развившейся на основе черноморской. Это именно хаканский наместник привел своих «нукеров» в набег для пополнения своей казны. А это был именно набег. Пограбив все что можно и захватив, очевидно ради выкупа, *«множество знатных лиц»*, номады ушли назад в свои степи. И *«после этих событий киммерийцы не упоминаются в ассирийских текстах в течение 35 лет»*.

Все это время Своим тотемом претендент на «престол» выбрал грифона – мифическую помесь орла и хищника семейства кошачьих, что, судя по всему, олицетворяло собой нерушимый союз родов Барса и Беркута.

История не сохранила сведений насколько мирно проходила борьба за власть над Степью, но определенные сдвиги в правящей элите явно произошли. Ярчайшей иллюстрацией тому служит навершие головного убора алтайского вождя, изображающий голову грифона, держащего в клюве голову оленя (рис. 11). Напомню, что прежде лидирующий род в «империи» – род Лани. Археологи говорят, что уже в эпоху раннего железа Оленные камни – мемориально-культурные объекты карасукской эпохи, использовали в качестве простого строительного материала! Очевидно, что власть кунов была свергнута. Грифон принес в степь железный век и перехватил бразды правления кочевой «империей». Это была не просто замена одной династийной линии другой. Произошла смена эпох: *«эпоха поздней бронзы и сменившая ее эпоха железа кардинально отличаются друг от друга. Археологические материалы демонстрируют не только отличия в погребальном обряде, типах вещей, но и заметное изменение набора артефактов. Меняются и условия жизни, быт, хозяйство населения степи»* [Потапов В. В.].

Рисунок 11. Навершие головного убора пазырыкского вождя. V – IV вв. до н. э. Урочище Пазырык, Горный Алтай. Раскопки С. И. Руденко.

Новые хозяева степи известны нам под прозвищем скифов. Сейчас уже не возможно установить было ли это их греческое прозвание, вошедшее затем в южнославянские языки для обозначения беженца – «скитальца», а так же удаленного, тайного убежища – «скита», или же корень «скит» имеет более древнее происхождение, и, будучи ранее широко распространенным, в наше время волей случая сохранился только в славянских языках. Соответственно их элита, а именно представители старших тохарских родов, и в первую очередь объединенного рода Грифона, вошли в историю под именем царских скифов.

Важно понимать, что, несмотря на смещение баланса сил, центром степного мира, пусть и сильно ослабленным, по-прежнему оставался Алтай, а имперская конфедерация номадов сохраняла, как минимум формальное единство. Вот что писал римский современник поздних скифов: *«Племя скифов, находясь недалеко от Фракии [Балканы], распространяется на восток и север, но не граничит с сарматами, как некоторые полагали, а составляет их часть. Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром [Дунаем], и в то же время граничат с Бактрией [Центральная Азия], с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере; далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края; те же, что располагаются вдоль Танаиса [Дон] и Бактра, носят на себе следы одинаковой культуры»* [Квинт Курций Руф]. Следы одинаковой культуры продолжают и дальше на восток *«включая степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, Синьцзянь»* [Мартынов А. И.], просто для эллинов того времени Бактрия была *«крайним пределом Азии»*. Археологические раскопки последних лет прямо подтверждают сохранение культурного, экономического и, отчасти, политического единства «империи».

Да и бронзовые изделия европейские номады продолжали получать из традиционных степных центров металлообработки Урала и Алтая: *«анализ металла из краснознаменских курганов (Северный Кавказ) середины – конца VII в. до н. э. показал, что, во-первых, он происходит, вероятнее всего, из рудных месторождений на севере Мугоджар (еленовско-уикаттинская группа, металл которой, напомним, трудно отличим от металла группы зауральской*

меди) и неясного источника, расположенного к востоку от Урала (группа ВУ); во-вторых, он близок металлу синхронных памятников Северного Кавказа и Украины (хутор Алексеевский, Келермес, Нартан, Жаботин, Емчиха, Медвина). Отметим, что в инвентаре краснознаменских курганов имеются каменный жертвенник, стремевидные удила, предметы с солярным знаком близкие южно-уральским» [Таиров А. Д.]. Что лишний раз подтверждает, что с переходом власти от рода Лани к роду Грифона кочевая империя не распалась, сохраняя не только политическое но и экономическое единство.

Аримаспы и грифоны

Новые хозяева Степи – царские скифы, они же тохары, они же юэчжи, вошли в археологические справочники под именем Пазырыкской культуры. *«Пазырыкцы – смешанное кочевое население, в их внешнем европеоидном облике порой проступали черты монголоидной расы. Со своими многочисленными стадами пазырыкцы кочевали... Знали они и земледелие. Перемалывали зерно на тяжелых каменных жерновах, хранили его зимой в глубоких, выстланных берестой, ямах и пекли из него пресные лепешки. Жили в домах, срубленных из массивных листовидных бревен. Из таких же бревен устраивали подкурганые склепы для своих умерших. Непременными атрибутами их жизни были конь, оружие и вера в помощь предков и небесных покровителей»* [Соловьёв А. И.].

Ареал распространения пазырыкских царских курганов довольно точно накладывается на ареал происхождения своеобразных оленных камней, ставших прототипами для оленных камней черноголовской культуры. Но если в отношении антропологического единства населения Южного Алтая в карасукский и в скифский период сомнений не возникает, то в отношении культуры и богатства захоронений между ними лежит огромная пропасть. В Европу уходили бедные животноводы бронзового века, а вернулись – «олигархи» степного мира принесшие в Азию технологии железного века. В пазырыкских курганах найдены остатки сокровищ, доставленные из далеких стран (иранские ткани ахеменидского времени с изображением жриц в высоких тиарах; изделия из шкуры леопарда, семена восточно-средиземноморского кориандра и раковины каури, привезенные с берегов Индийского океана; крытая парадная повозка, сделанная чжоускими мастерами с берегов Хуанхэ) [Руденко С. И.]. *«Сложение скифо-сибирского мира было связано с ускоренными процессами дифференциации внутри общества»* [Мартынов А. И.], и «царские скифы» в урочищах Горного Алтая – своим родовым гнездом, могли позволить себе все самое лучшее и экзотическое, а после смерти хозяева эти сокровища сопровождали его в «иной мир».

Захоронения прежних хозяев степи не были столь богатыми. Несмотря на обширнейшую территорию, входившую в сферу влияния племен, устанавливавших оленные камни, своих покойников они не «баловали». «В дорогу» покойнику клали все «необходимое»: наконечники стрел, ножи, топоры-кельты, предметы конской сбруи, украшения, но без излишеств. Да и где их было взять? Подданные – преимущественно номадное население, не приучены к обременительной при перекочевках роскоши. Да и «подданными» их можно назвать лишь с большой натяжкой, ибо *«от старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение...»* [Сыма Цянь].

Скифы же не только стали совершать регулярные набеги на оседлых соседей, они освоили еще одну «технологию», обеспечивающую им постоянный приток материальных ценностей – «рэкет». В эпоху владычества кунов резкоаридный климат превратил южные степи в бесплодные пустыни, которые вместе с горными массивами Куньлуня, Тянь-Шаня и Гиндукуша по сути отрезали азиатских животноводов от богатейших цивилизаций субтропиков. Определенные связи конечно сохранялись, но в основном посредством торговых караванов. Другое дело, когда перейдя Кавказ скифы оказались в густонаселенных районах передней Азии. Не имея шансов выстоять против скифских конных лучников усиленных мидийской и ассирийской пехотой, местные царьки сами предлагали «откуп за ненападение». Позже и эллинские колонии в Причерноморье, которые строились на скифских землях: Тира, Оливия, Херсонес, Пантикапей, Фанагория, Танаис и прочие городки и торговые форпосты эллинов, предпочитали откупаться от скифов и сарматов богатыми дарами. И эта новая для степняков форма взаимодействия с земледельческими государствами, а до этого они либо становились их царями,

либо просто грабили, оказалась крайне привлекательной и была принята на вооружение всеми последующими кочевыми империями.

С Приходом к власти «грифонов», прежний старший род, не был истреблен. По-прежнему обитая на родовых землях, он просто отошел на второй план. Более консервативная часть степной «империи» того времени, хорошо известна археологам под именем тагарской культуры. «*Тагарцы расселялись на степной и лесостепной территории на юге современного Красноярского края – в Минусинской котловине – и в северо-восточной части нынешней Кемеровской области. Здесь они занимались пастушеским скотоводством и земледелием: разводили коров, породистых верховых коней, а также низкорослых лошадок, наподобие современных „монголок“, рыли каналы для орошения полей. Среди важнейших занятий было и горное дело. В добыче и обработке цветных металлов тагарцы достигли такого совершенства, что продолжали делать оружие из бронзы даже тогда, когда соседи стали переходить на более распространенное и доступное железо*» [Соловьёв А. И.]. Их приверженность старым традициям подтверждает и хранящаяся в Эрмитаже бронзовая бляшка, изображающая свергнутого тотема (рис. 12).

Рисунок 12. Бронзовая бляшка. V—IV вв. до н. э. Минусинская котловина.

Мирфатых Закиев²⁰ в поисках корней Татарского народа, похоже, подошел вплотную к разгадке «одноглазых людей» Геродота²¹. Напомню, согласно «отцу истории», Аримаспы (Αρμασπες) – легендарные одноглазые люди, скифский народ, живший в постоянной войне с оберегающими золото в Рифейских горах грифами (грифонами). Так вот, Закиев переводит с тюркского название загадочного народа как «*полуслепой, полукрытый, полузрячий*» [Закиев М.]. При всей тщательно сберегаемой европеоидности старших родов, окружающее их население, как кочевое, так и таежное, живущее присваивающим хозяйством, имело ту или иную долю монголоидной крови. О том, что их сосуществование не всегда было мирным, свидетельствует, например, хранящаяся в Эрмитаже узда боевого коня из оледенелой гробницы пазырыкского вождя. Она украшена деревянными подвесками в виде уплощенных «моделей» отрубленных человеческих голов. Причем, «*подвески из Пазырыка мастерски изображают лица людей с ярко выраженными монголоидными чертами*», в то время как сам захороненный вождь явный европеоид [Гуннская держава на востоке]. Для полноты картины уточним, что «*в эту именно эпоху золото с Алтая шло непрерывным потоком на запад*

²⁰ Мирфатых Закиевич Закиев – действительный член Академии наук Республики Татарстан, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом лексикологии и диалектологии ИЯЛИ.

²¹ Геродот Галикарнасский – древнегреческий историк, автор первого полномасштабного исторического трактата – «Истории», прозванный Цицероном «отцом истории».

и на юг» [Руденко С. И.]. Похоже, Аристей из Проконнеса²², в своей не дошедшей до нас поэме «Аримаспея», описывал вполне реальные события: Пазырыкские племена, чьим тотемом был грифон, действительно охраняли «царские» рудники и захоронения от окрестных монголоидных племен. Обидное прозвище «узкоглазых», в то не политкорректное время, вполне естественно для разбойников, а тем более грабителей родовых могил. А таковые были: «...*грабители II Пазырыкского кургана отрубили им головы, чтобы снять гривны... голени женского тела были отрублены, чтобы снять браслеты...*» [Руденко С. И.]. Очевидно, что грабители проникли в курган еще при жизни потомков покойника, задолго до того, как произошла скелетизация трупов, иначе им не пришлось бы отрубать части тела, чтобы снять золотые украшения. Вот так неточность перевода и свойственная поэтам иносказательность превратили банальных «узкоглазых гробокопателей» в циклопов воюющих с грифами за золото.

Кто же были эти Аримаспы – гробокопатели? Шайки разбойников или одинокие авантюристы, готовые рискнуть головой, ради несметных сокровищ?

Обратимся к археологам. «*В целой серии случаев удалось установить, что нарушение древних погребений скифского времени было совершено вскоре после их сооружения, а мотивы проникновения в усыпальницы не были связаны только с поисками бронзовых, золотых и других ценностей. Так, некоторые курганы скифского времени в Центральной Туве (могильники Куйлуг-Хем I, Улуг-Оймак I, II) были нарушены явно не с целью простого грабежа, а по несколько иным мотивам; костяки погребённых были порублены и затем вновь завалены камнями, из погребений исчезли боевые кинжалы и многие другие предметы вооружения, но там были оставлены ценные золотые и бронзовые предметы... Проникновение в камеры Пазырыкских, Башадарских, Туэктинских курганов Алтая и курганов скифского времени Тувы велось большими коллективами людей, причём совершенно открыто»* [Грач А. Д.]. Значит, не столько грабители, сколько мстители. Похоже, не все племена смирились с насильственной сменой правящего клана. Может быть, это куны-тагарцы послужили прообразом для «циклопов»? У археологов пока нет точного ответа.

²² древнегреческий поэт, путешественник и «чудотворец», автор «Арисмапических стихов», легших в основу геродотовской истории об аримаспах.

В зените славы

Археологических культур скифского круга известно довольно много. На пространстве от Карпат до Ордоса, а возможно и до Сихотэ-Алиня, скифы вовлекли в сферу влияния и без того полиэтнической «империи» немало изначально не номадных племен, живших на окраинах степей (рис. 13). Отличаясь в деталях, «культуры скифского круга» имеют и много общего – это предметы вооружения, конская упряжь и, наконец, «звериный стиль» в искусстве, что свидетельствует об «общности этих культур, основанной на близости хозяйственного уклада и родстве идеологий» [Соловьёв А. И.].

Огромная, «от моря до моря» полиэтническая империя номадов, просуществовавшая пять столетий. В период своего расцвета скифы, по словам Геродота, «все опустошали своим буйством и излишествами. Они взымали с каждого народа наложенную ими дань, но кроме дани совершали набеги и грабили, что было у каждого народа». Да, бесспорно, внешняя экспансия – необходимое условие устойчивого существования кочевой империи. В мирное время власть хакана – верховного жреца и главнокомандующего, неизбежно падает, и империя быстро распадается на отдельные улусы, более монолитные в этническом плане.

Рисунок 13. Вооружение азиатских «скифов» [реконструкция Соловьёва А.И.]: а - воин лесостепного Приобья, б - саргатский «катафрактарий», в - тагарский лыжник.

Но только лишь буйствами и грабежом мирных соседей занимались номады скифского времени? Давайте попробуем хотя бы в общих чертах восстановить ход истории и роль в ней скифской империи. К сожалению, опираться придется на свидетельства «пострадавшей стороны», следовательно особой объективности ждать не приходится, так что подойдем к древним свидетельствам критически и заранее смиримся с тем, что местами нам придется подключать логику и додумывать недосказанные моменты. А начнем мы с Востока, где скифский период выражен не менее четко чем в Европе и довольно точно совпадает по времени.

Алтайские скифы вошли в китайские летописи под именем «Лунная династия» – юэчжи, они описываются как – «белые люди с длинными волосами». Первое упоминание об этом народе датируется 645 годом до нашей эры. Гуань Чжун²³ в трактате Гуаньцзы размещает их на северо-западе, добавляя, что они поставляют Китаю нефрит из ближайших гор Юэчжи в Ганьсу (немного юго-восточнее Алтая). Его сведения подтверждается и данными археологии. «Первоначально это была страна Сэ (или Сай). Большие юэчжи на западе разбили и прогнали царя сэ, царь сэ на юге перешел Висячий переход – перевал. Большие юэчжи поселились на его землях» [Кюннер И.]. Европейцам они больше известны под их тибетским прозвищем

²³ или Гуань Иу (##) – выдающийся китайский мыслитель и политик VIII – VII веков до н.э.

«тохары» (tha-gar – белая голова). Хотя археологические данные свидетельствуют о том что тохары появились в этом регионе гораздо раньше скифской эпохи, никак не позже второго тысячелетия до нашей эры [Ковалев А. А.], но только к этому времени они стали самостоятельной силой и вступили во взаимодействие с Чжоуской цивилизацией. Как мы с вами уже установили тохары идентичны царским скифам, так что я буду употреблять как равнозначные все три их прозвища: юэчжи, царские скифы и тохары.

Позволю себе небольшое отступление. Интересно, что по китайским сведениям, позже, уже во II веке до нашей эры, часть этого народа под именем больших юэчжей переселилась на запад, за Тянь-Шань, где они создали Кушанскую империю. Так вот, китайцы не делают различия между этими переселенцами и современными таджиками, народом говорящим на языке западно-иранской подгруппы, что отличает их от соседей: узбеков, киргизов и уйгуров, говорящих на различных тюркских языках. Интересно также, что таджикский язык отличается и от языков большинства соседних ираноязычных племен. Он относится к юго-западной группе, в то время как большинство соседей говорят на языках юго-восточной группы, то есть, переносясь ко времени распада протоиранского языка (VIII – VII век до нашей эры), он ближе к языку Мидии, а не Бактрии. Мы еще вернемся к этому моменту когда будем знакомиться с событиями, происходившими в западной части скифского мира.

Восток

Период, когда на Алтае и в Таримской котловине господствовали юэчжи, вошел в историю Китая как период «Весны и Осени» (Чунь-цю). На территории среднего и нижнего течения Хуанхэ и на Великой Китайской равнине в то время существовало около 200 удельных княжеств. Формально лидерство на севере принадлежало царству Восточное Чжоу. На северо-западе «цивилизованного» мира обитали племена жунов – своего рода «азиатские киммерийцы». Жуны, так же как их европейские «коллеги» по своему хозяйственному укладу занимали промежуточное положение между степными номадами и пойменными земледельцами юга. Часть жунских племен еще со времен полубогородной эпохи Ся²⁴ породнилась с местными земледельцами и к тому времени уже имели свои удельные княжества, входившие в сферу влияния «царства» Чжоу. К середине VII века до нашей эры князь одного из «цивилизованных» жунских княжеств смогли объединить вокруг себя довольно большие земли, заслужив признание в качестве «первого среди равных» чжоуских удельных князей. В Китайских летописях они известны как династия Цинь. Именно они, скорее всего через соседние жунские племена, вступили в контакт с новыми властителями кочевого мира. К счастью, до нас дошло изображение этого контакта (рис. 14). Благодаря найденному в пазырыкском кургане №5 войлочному ковру, мы можем рассмотреть все детали одежды как царского скифа, так и циньского князя, своеобразный головной убор которого, с прямоугольной задней частью, можно увидеть и на некоторых терракотовых воинах из гробницы Цинь Шихуана²⁵. Если предположить, что перед нами не рядовое событие, а именно первый контакт между правителями двух держав, о чем говорит и сам многократно повторенный узор и место находки ковра, то вполне вероятно, что в этом кургане похоронен скифский хакан Мадий²⁶ (Мадай), при котором, согласно Геродоту, «в течение двадцати восьми лет, скифы властвовали над Азией, и за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили». Тогда сидящий на троне сановник –

²⁴ легендарная династия, правившая в древнем Китае, в период с 2070 год до н. э. по 1765 год до н. э., отождествляется с археологической культурой Эрлитоу.

²⁵ первый император династии Цинь, настоящее имя Ин Чжэн, положивший конец многовековой эпохе Воюющих Царств. К 221 г. до н. э. он установил единоличное господство на всей территории Внутреннего Китая и вошел в историю как правитель первого централизованного китайского государства.

²⁶ царь скифов, правивший около 654 – 625 гг. до н.э.

прямой предок Цинь Шихуанди, Циньский князь Жэнь-хао²⁷, вошедший в летописи под прозвищем Мугун (Величественный князь), который в середине VII века до нашей эры расширил свои владения далеко на запад.

Китайцы, всегда с презрением относились к «варварам», а варварами они считают всех, кто не живет по законам Поднебесной империи. Согласиться, что северные варвары имели более высокий уровень культуры – оскорбить память предков. Поэтому, признавая, что юэчжи поставляли в Китай нефрит, они нечего не говорят ни о железе, ни о военной технике. А ведь Китай того времени продолжал жить в бронзовом веке. Новое, необычно прочное оружие скифов не могло не заинтересовать перманентно воюющих Циньцев. А уж технику боя с использованием конных лучников циньцы, из которых «чжоусцы набирали конюших, колесничих и дрессировщиков» [Кюнер И.], могли получить только от скифов. Лев Николаевич Гумилев, упоминая об их торговых и культурных взаимодействиях, писал: «От циньских князей юэчжи получали великолепные ткани и зеркала, сохранившиеся до нашего времени в горноалтайских курганах, а циньцы заимствовали у юэчжей конный строй, упразднив громоздкие неповоротливые колесницы». Известно, что в Китае железо получило распространение только в V веке до нашей эры. Думается, и тут ни как не обошлось без тохар. Об этом же косвенно свидетельствует «тохарское происхождение... ряда древнекитайских слов, относящихся к домостроению, колесничьему делу, хозяйству» [Ковалев А. А.].

Возможно, именно союз с пазырыкскими племенами, полученные от них навыки конно-лучного боя и железное оружие позволили Циньцам усмирить окрестных кочевников и сосредоточиться на внутренних чжоуских войнах. В 623 году Жэнь-хао на 37 году своего правления «присоединил к себе двенадцать царств, устроил земли на расстоянии в тысячу ли и стал главенствовать над западными жунами». То есть дошел до Ордоса, а западнее, согласно археологическим данным, лежали земли племени «лоуфань», подчиненных юэчжам. Интересно, что, несмотря на всю свою мощь, циньцы, даже во времена наивысшего расцвета при императоре Шихуане, не пытались вторгаться на земли западнее Ордоса, то есть свято блюли границы Скифии.

Рисунок 14. Фрагмент войлочного ковра из кургана 5, Пазырык, Восточный Алтай.

Совсем иные отношения у Циньского княжества сложились с их древними соседями – «оленным народом» или кунами. К этому времени куны, судя по останкам найденным в «плиточных» могилах, имели преимущественно монголоидный (палеосибирской) облик. При этом они явно не были дружны с племенами юэчжей. Сыма Цянь²⁸ пишет: «В прежние времена (то есть ранее II века до н. э.) юэчжи были могущественны и с презрением относились к сюнну».

²⁷ правил княжеством Цинь тридцать девять лет с 659 по 621 гг. до н.э.

²⁸ историограф династии Хань, писатель, астроном, умер около 86 г. до н. э.

Постепенно кунские рода усилились за счет палеосибирских монголоидных народов и вновь включились в борьбу за «трон» степной империи, не брезгуя при этом разграблением курганов царских скифов. Союзниками скифов в борьбе с «аримаспами» стало княжество Цинь, которое объединяло горных животноводов – жунов. В дальнейшем судьбы союзников и их врагов куннов оказались тесно взаимосвязанными.

Но это уже другая история – история заката скифского владычества и возрождения кунской империи. И прежде чем переходить к ней перенесемся на запад в Европу и Переднюю Азию, где разворачивались основные события скифской истории.

Передняя Азия

Рассматривая историю причерноморских скифов, и особенно их «царей» всегда сталкиваешься с сомнением: о ком говорят хронисты? О самом хакане, или о его наместнике? Напомним, что для средневековых русских хронистов вторжение татаро-монгольских войск было «*батыевым нашествием*». Ни о каком Чингисхане, а тем более Угэдэе на Руси слухом не слыживали. Правда в случае со скифами, сообщения эллинских авторов зачастую перекликаются с записями их Переднеазиатских соседей. Кроме того, хронисты часто указывают на сыновью преемственность скифского престола, что не слишком вероятно в случае, если они имели дело с наместником. Так что, скорей всего, мы имеем имена реальных правителей Степи, а точнее их искаженные кальки. Тогда как киммерийские вожди, так же иногда упоминаемые в ассирийских текстах, скорей всего лишь наместники хакана. И пусть вас не удивляет, что в этих текстах киммерийцы и скифы порой поддерживают разные воюющие стороны, а то и вовсе вступают в военный конфликт между собой. Факты сепаратизма наместников очень хорошо известны и в более поздних кочевых империях, когда титулы предводителей воюющих сторон никаких сомнений не вызывают.

Имя первого исторического предводителя скифов, известного по ассирийским клинописным текстам, посвященным событиям 679—673 годов до нашей эры, Ишпакай. Под его предводительством скифы вторглись в центральную часть Малой Азии. Наиболее тяжело пострадала от их действий Фригия. Нападали они и на греческие города побережья Эгейского моря, и на город Сарды – столицу Лидии. Только после того, как в войну вмешалась Ассирия, и в одном из сражений Ишпакай погиб, скифы на время отступили.

Новым скифским царем стал Партатуа (греч. Прототий) сын Ишпакай. Он поддержал восстание мидян под предводительством Каштарити²⁹ против ассирийской власти (671—669 годы), в результате которого Мидийское царство откололось от Ассирии. После чего потребовал у Асархаддона³⁰, царя Ассирии, его дочь себе в жены в обмен на мирный договор. Судя по тому, что после этого скифская интервенция приостановилась, брак состоялся. Многие воины Партатуа осели в северо-восточной части Малой Азии, где постепенно слились с местным населением. Интересно, что и по ныне в этих районах значительную долю составляет население говорящее на языках, образующих вместе с таджикским подгруппу персо-таджикских диалектов. Напомню, что именно таджиков китайцы считают потомками «больших юэчжи».

В 654 году до нашей эры, новым скифским владыкой стал Мадий сын Протия. Он покорил мидян, ввязавшихся в войну с Ассирией. В 641 году Тугдамме – скифский наместник в Анатолии, часто именуемый царем киммерийцев, видимо возгордившись от собственных побед в войне с Лидийским царством, дважды выступал против Ассирии, нарушая клятвенные договоры. Начавшуюся было войну остановила гибель киммерийского царя, которую все

²⁹ наместник ассирийской пров. Бит-Кари, поднявший около 672 до н. э. восстание против Ассирии, приведшие к созданию самостоятельного мидийского царства.

³⁰ царь Ассирии в 680 – 669 до нашей эры.

соседи приписывали божественному гневу. Но сын и наследник Тугдамме, Сандакшатру, вновь стал совершать набеги на ассирийские границы. Ашшурбанапал³¹ обратился за помощью к своему племяннику. Не совсем понятно применял ли Мадий военную силу, или просто сместил зарвавшегося наместника, но больше никаких сведений о «киммерийских царях» в истории нет.

Скифы Мадия в союзе с ассирийцами, царем которых в то время был брат его матери Ашшурбанапал, хозяйничали в Передней Азии на протяжении 28 лет. Они совершили поход в Восточное Средиземноморье, Сирию, Палестину и Египет. Иерусалим и Египет чтобы предотвратить разграбление страны, откупились от союзников богатыми дарами. Те же, кто оказывал сопротивление, сталкивались с «*опустошающим буйством*» скифских воинов.

В 612 году до нашей эры скифы вновь вмешиваются в междоусобные войны переднеазиатских владык. Вавилоняне и мидийцы, привлёкшие к походу также аравийских кочевников, осадили ассирийский город Ниневии, где в тот момент находился царь Синшарришкун³². На сей раз скифы, имя предводителя которых не сохранилось, приняли сторону осаждавших. Ниневия была взята. Синшарришкун сжёг себя в собственном дворце. Город отдали на поток и разграбление, после чего разрушили. Такой резкий переход скифов на сторону противников Ассирии, возможно связан с переходом власти к боковой ветви рода Грифона. Новым хаканом скифов стал упоминаемый Геродотом Спаргапиф³³ – первый из известных эллинам скифских царей.

В 609—607 годах вавилоняне и мидийцы при поддержке скифов обрушились на Урарту, царь которого был верным вассалом Ассирии. Страна была опустошена и признала зависимость то от скифов. Большинство крепостей, служивших оплотами для остатков былой урартрийской мощи, погибло. Столица царства была перенесена из древней Тушпы у озера Ван на северную окраину, в мощную крепость Тейшебаини близ современного Еревана. В 605 году до нашей эры трон Вавилона унаследовал Навуходоносор³⁴, который опираясь на поддержку скифов начал свои завоевательные походы. В 604 году царь Иудеи Иоаким³⁵, принес ему вассальную присягу, а еще через три года союзники предприняли не слишком удачный поход на Египет.

В 90-х годах VI века до нашей эры мидийский царь Киаксар³⁶, решил избавиться от скифской опеки. Согласно эллинским источникам он пригласил однажды множество скифов в гости, напоил их допьяна, а потом велел перебить. По всей видимости во время резни погибла вся скифская элита закавказских наместничеств. После этого Киаксар совершил поход на запад, выдавливая из Передней Азии оставшиеся без руководства отряды скифов. В этом походе мидийский царь окончательно уничтожил скифских данников – царства Урарту и Манна, а также присвоил разорённые земли Ассирии.

На этом заканчивается эпоха скифского господства в Передней Азии. Потеряв все свои плацдармы в этом регионе, вытесненные за труднопроходимые Кавказские горы, скифы нашли для себя новый регион применения сил. Ушли конечно не все. Какая-то часть кочевников осела среди местного населения, их потомки на протяжении нескольких последующих столетий упоминаются под именами скифинов и сакашенов. Но если скифы и оставили мысли о покорении Ближнего Востока, то сами ближневосточные монархи не собирались забывать о скифах.

³¹ сын Асархаддона, царь Ассирии в 669 – 627 годах до н. э.

³² сын Ашшурбанапала, царь Ассирии в 633 – 612 годах до н. э..

³³ именно с него Геродот начинает династию царей Великой Скифии.

³⁴ Навуходоносор II – царь Нововавилонского царства, правил в 605 – 562 годах до н. э.

³⁵ или Элиаким – царь Иудеи, ставленник египетского фараона Нехо, правил в 608 – 598 гг. до н. э.

³⁶ он же Увахшатра – царь Мидии в 625 – 585 гг. до н. э.

После изгнания скифов из Закавказья борьба за гегемонию в регионе продолжалась не менее ожесточенно. Победу в этой войне одержали персы – полукочевые племена иранского нагорья, которые судя по языку и хозяйственному укладу были родственны киммерийцам, и возможно именно в их состав и влились киммерийские и скифские рода, осевшие в Мидии после ее освобождения от власти Ассирии. В 559 году до нашей эры персов, которые в то время находились под властью Мидии, возглавил Куруш³⁷ (Кир II). Объединив вокруг себя окрестные племена он сверг царя Мидии Астиага (сына изгнавшего скифов Киаксара) и основал свою династию Ахеменидов. Названа она была в честь далекого предка Куруша Хахаманиша, жившего еще во времена скифского хакана Ишпака³⁸. В течение последующих двух десятилетий своего правления Куруш завоевал большинство государств и народов Передней Азии и Ближнего Востока, созданная им империя простиралась от Малой Азии на западе до Средней Азии на востоке и от Финикии на юге до Кавказа на севере.

Первые столкновения между персами и скифами начались еще в 530 году до нашей эры, когда границы быстро растущей державы Куруша вплотную подошли к центрально-азиатским кочевьям Скифии. Пытаясь расширить границы своей империи за пределы Амударьи персы воспользовались смертью здешнего скифского наместника (имя не сохранилось), происходящего из племени массагетов. В то время, видимо в силу малолетства его сына Спаргаписа, здешними скифами-саками временно правила вдова Томирис³⁹. По легенде Курушу удалось обманом захватить в плен Спаргаписа, который, боясь позора, покончил с собой. Получив весть о гибели сына, Томирис с большим войском двинулась навстречу персам. В 529 году до нашей эры на Сырдарье разыгралась кровопролитная битва, в которой персы потерпели страшное поражение. По легенде, Томирис приказала наполнить кровью кожаный мешок и опустить в него голову Куруша, сказав при этом «Ты жаждал крови, пей же ее!».

В 522 году до нашей эры персидским царем стал Дарий (Дараявауш), который продолжил политику тестя в отношении скифов. В 519 году до нашей эры ему удалось нанести поражение скифам в Центральной Азии и подчинить себе земли некоторых массагетских племен. Позже покорившиеся массагеты участвовали в составе его армий в греко-персидских войнах. Согласно Помпею Трогу⁴⁰, Дарий, очевидно считая себя победителем, потребовал от «царя» скифов Иданфирса⁴¹ дочь себе в жены. Получив отказ в оскорбительной форме Дарий начал собирать войско, готовясь к вторжению в Европейские владения Скифии. Весной 512 года до нашей эры огромная персидская армия сосредоточилась в Сузах, одной из столиц Персидского государства. Дарий не решился штурмовать Кавказские перевалы, где наверняка хватало скифских застав, да и горские племена могли сильно проредить его армию, еще до столкновения с номадами. Вместо этого он двинулся к малоазийскому побережью. Здесь бывшие в персидском флоте греческие инженеры под руководством Мандрокла приступили к наведению плавучего моста в самом узком месте пролива Босфор. Он состоял из плотно подогнанных друг к другу кораблей, которые для прочности скреплялись толстыми канатами.

Перейдя по наведенному мосту персидская армия во главе с Дарием двинулась вдоль фракийского побережья на север, одновременно флоту было приказано перейти из пролива в Черное море и плыть на север к устью Дуная для строительства там нового моста. Преодолев тем же способом Дунай, персы вторглись в собственные скифские владения на наименее защищенном участке. Был незамедлительно созван малый курултай из близлежащих скифских провинций, но большинство наместников оказались выставлять свои войска против персов.

³⁷ он же Кир II Великий – персидский царь, основатель династии Ахеменидов, правил в 559 – 530 годах до н. э.

³⁸ предводитель скифов в войне против Ассирии, погиб в 674 г. до н. э.

³⁹ правительница массагетов приблизительно в 570—520 гг. до н.э.

⁴⁰ римский историк I в. до н. э.– I в. н. э., написал всемирную историю в 44 книгах.

⁴¹ Верховный правитель скифов в конце VI века до н. э., сын Савлия, внук Гнура.

И тогда Иданфирс, бывший в то время хаканом скифов, разделил свои войска на два отряда. Первый, под командованием Скопасиса⁴² должен был засыпать колодцы и уничтожать фураж на пути следования персидских войск, а второй, ведомый Таксакисом⁴³, должен был, отступая и находясь на расстоянии дневного перехода от персов, попытаться заманить их в земли тех племен, которые на курултае отказались выделять войска.

Партизанская война быстро истощила силы персидской армии. Не имея достаточных запасов продовольствия и возможности вступить в открытый бой со скифами, Дарий вынужден был отступить. Утомлённое и значительно поредевшее персидское войско благополучно переправились через Дунай во Фракию. Причем, тех сил, что остались после бесславного похода на скифов вполне хватило для присоединения к державе Ахеменидов части Фракийских владений (рис. 15).

Рисунок 15. Держава Ахеменидов при Дарии.

Причем судя по всему, до этого похода Фракийские земли входили в состав скифской империи, так как новая персидская сатрапия получила название Скудра (то есть «Скифская»), а в сохранившихся персидских надписях Дарий претенциозно отчитывался «о покорении заморских саков».

Но надолго закрепиться в Европе персам не удалось. В 496 году до нашей эры скифы вторглись в их «Скифскую» сатрапию и уничтожили 80-тысячную персидскую армию, вернув фракийские племена под свою власть. Интересно, что, отбросив персов за Босфор, дальше скифы не пошли. В V веке до нашей эры главный вектор скифской активности окончательно смещается в Европейские степи.

Европейские степи

За те без малого сто лет, когда лучшие воины Степи, ведомые самим хаканом, гибли в Передней Азии, защищая интересы то Ассирии, то Вавилона, в самой империи крепки сепаратистские настроения. Особенно недовольство скифской политикой крепло в бывших киммерийских владениях. Они были относительно недавно включены в состав империи, и именно на них легло основное бремя подпитывать закавказские войны людскими ресурсами. В начале

⁴² хан скифского племени савроматов в конце VI века до н. э.

⁴³ командующий одним из скифских отрядов в войне с Дарием, вероятно хан будинов и гелонов.

VI века до нашей эры в бассейне Днепра строятся многочисленные укрепления. В данном контексте не суть важно против кого это строительство было направлено: против скифского господства или просто против не в меру агрессивного соседа, в любом случае это говорит о слабости центральной власти.

Именно на устранение этой проблемы и были переориентированы основные усилия царских скифов после поражения в Закавказье. Судя по тому, что уже к середине VI века до нашей эры в Приднепровье исчезают укрепленные городки и появляются захоронения явно скифской знати, усиление хаканской власти прошло успешно. Интересно, что в регионе в этот период нет следов значительных разрушений, видимо наведение порядка проходило достаточно мирным путем.

О государственном устройстве Скифии того времени подробно рассказывает Геродот. Он правда пытается втиснуть эти сведения в рамки известной ему карты мира, что не очень-то и получается. Но если отбросить европоцентризм «отца истории», то вырисовывается хорошо известная в последующих кочевых империях схема: центральный улус, управляемый лично хаканом, и два крыла: толос и тардуш, которыми управляют его ближайшие родичи – они же первые претенденты на хаканский престол после смерти правителя. А вокруг собственно скифского ядра располагаются вассальные племена, управляемые собственными царьками, для пригляда за которыми могут назначаться хаканские наместники. Все важные вопросы, и в первую очередь вопросы войны и мира, решаются на курултае с привлечением не только триумвирата скифских «царей», но и племенных вождей – беков, наместников и даже вассальных царей. Последние, правда, как правило, права голоса на курултае не имели.

Причем похоже, что титул властителя западного крыла и, соответственно «правой руки» хакана, звучащий на языке межнационального общения народов Степи, как «йабгу» или «джабгу» искажился до «георгои», соответственно породив легенду о скифах-пахарях (греч. Σκύθες γεωργοί). По крайней мере, на «отведенной» им Геродотом территории, в приднепровской степи нет и следа земледельческой культуры того времени. Скифия действительно являлась крупнейшим поставщиком хлеба в эллинские колонии, но выращивали зерно гораздо северней или западней, где жили вассальные земледельческие племена лесной полосы.

Из сопоставления дошедших до нас датировок следует, что властителем Степи во второй четверти VI века до нашей эры был Савлий⁴⁴, правнук Спаргапифа. Хотя сам процесс восстановления единства кочевой империи мог быть начат его отцом Гнуром. Савлий прославился тем, что лично убил родного брата Анахарсиса, застав его за оргией в честь греческой богини Кибелы. Очевидно именно консерватизм в вопросах религии и степных традиций помог ему укрепить свои позиции среди народов Степи.

Как показывает описание похода Дария в скифские земли, во времена правления Иданфирса, сына Савлия скифы вновь утратили свое единство. Похоже Иданфирс, названный Геродотом «мудрым старцем», обеспечив своим подданным несколько десятилетий мирной жизни, сам подточил авторитет хаканской власти. Иначе трудно объяснить отказ большинства племен выделять войска для защиты хаканских кочевий от персов.

Но неудача на курултае не помешала хакану дать отпор захватчику. Не имея сил противостоять персидской армии в прямом столкновении, он, используя свое главное преимущество – мобильность, истощил силы персов политикой выжженной земли и неожиданными вылазками. А заодно, благодаря грамотному маневрированию, разорил кочевья своих политических противников: меланхленов (черноплащников), андрофагов (людоедов) и невров (оборотней). Разоренные племена бежали в леса на север и северо-запад. Туда же направил свой удар и Индарфис (или его приемник), как только персы были изгнаны со скифских земель.

⁴⁴ хакан скифов в VI веке до н.э., сын Гнура, отец Иданфирса.

Главной целью скифских вторжений на рубеже VI – V веков до нашей эры становятся лесные и лесостепные племена лужицкой культуры. *«Лужицкая культура была, очевидно, разнотническим комплексом, охватившим половину праславян, часть прагерманцев и какую-то часть итало-иллирийских племен на юге... лужицкое единство ученые нередко называют венетским (венедским), по имени древней группы племен, некогда широко расселившихся по Центральной Европе»* [Рыбаков Б. А.]. Скифы брали штурмом и сжигали сопротивлявшиеся им лужицкие грады, истребляли венетов подчас без разбора пола и возраста. Волны нашествия достигли на севере среднего течения Вислы, а на западе – Одры. Лужицкой культуре был нанесён удар, от которого она так и не сумела оправиться. Начался закат венетской эпохи в Центральной Европе. В результате этого похода скифское войско существенно обогатилось за счёт военной добычи и дани, а власть хакана вновь стала незыблемой.

Помимо расправы над непокорными подданными и давшими им приют венетами, была у этого похода и еще одна цель – экономическая. На юго-западе Скифских земель строились многочисленные эллинские полисы и торговые фактории, которые были готовы щедро платить за зерно, меха, мед и прочие товары лесной и лесостепной зоны. То есть за то, что в избытке производили венеды. Покорив лужицкие племена, скифы превратились в основного поставщика хлеба в греческие колонии, а за одно, подавляя всяческое сопротивление своему господству, обеспечивали «живым товаром» рабовладельческие рынки эллинских городов. Интересно что при этом, судя по всему, сами скифы рабский труд практически не использовали, если не считать человеческих жертвоприношений при похоронах царских скифов. Еще одной статьей скифского экспорта были бронза, серебро и золото, добываемые в горах Урала и Алтая: *«Известно, что в эту именно эпоху золото с Алтая шло непрерывным потоком на запад и на юг»* [Руденко С. И.].

Изначально связь скифов с Элладой была продиктована, видимо политическими соображениями – их объединил общий враг – Ахеменидская Персия. Во время скифо-персидского конфликта послы Иданфирса искали поддержку у Спарты, правда не особо удачно. Зато когда угроза персидского вторжения нависла над Пелопоннесом, скифы приняли участие в битвах на стороне эллинов. Так что военное, а затем торговое и культурное сотрудничество было продолжено. В частности эллины получили возможность строить свои колонии и торговые фактории в причерноморских скифских владениях.

Примерно во второй четверти V века до нашей эры хаканом скифов становится Ариапиф⁴⁵ – внук Иданфирса. Его правление было временем расширения связей скифов с Элладой. Заинтересованный в торговле с эллинами, Ариапиф установил тесные связи не только с Пелопоннесом, но и с греками Добруджи (Балканы). Он даже женился на гречанке из Истрии – крупной эллинской колонии в Добрудже. А заодно он породнился и с фракийцами, взяв в жены дочь Тереса – вождя фракийского племени одрисов. В свою очередь Афиняне, занявшие в Элладе лидирующие позиции после победы в 479—478 годах до нашей эры над персидским войском Ксеркса⁴⁶, стали нанимать для постоянной службы в городскую стражу скифских стрелков.

Политика активного сотрудничества с Элладой и Фракией вела к обогащению скифской аристократии и в первую очередь самих царских скифов. Однако, далеко не всем такая политика была по нраву. Согласно Геродоту Ариапиф был предательски убит царем агафирсов Спаргапифом. Но, какие бы цели не преследовал Спаргапиф, он их явно не достиг. Новым хаканом скифов стал старший из сыновей Ариапифа Скил – сын гречанки, обученный матерью греческому языку и грамоте, который правил примерно в 465—447 годах до нашей эры. Он был еще большим эллинофилом, чем его отец. И хотя в отношении Степи он проводил достаточно жесткую позицию централизации власти, подчинив своей воле все непокорные племена нома-

⁴⁵ правил скифами примерно в 480 – 460 гг. до н.э.

⁴⁶ он же Хшяяршан, царь Персии из династии Ахеменидов в 486 – 465 годах до н. э.

дов, включая погубивших его предшественника агафирсов, но сам он больше тяготел к народу своей матери. Он создал в Скифии условия наибольшего благоприятствования для эллинских купцов, зачастую, в ущерб скифским интересам, принимал сторону эллинов в межнациональных спорах. Всякий раз возвращаясь из походов Скил спешил в Оливию или Борисфен, где одевался, питался и жил по обычаям эллинов. Он даже начал чеканку собственной монеты эллинского образца с надписью на древнегреческом и изображением совы – символа Афины (рис. 16). Интересно, что археологами судя по всему найден даже сам дворец Скила в Оливии, а Б. В. Фармаковским в Ольвии был найден грифон из белого мрамора, который ныне хранится в Одесском археологическом музее НАН Украины.

Рисунок 16. Монета Скила с надписями на древнегреческом, на реверсе – изображение совы – символа Афины.

В конце концов, проэллинская политика Скила привела к перевороту. Последней каплей, согласно Геродоту, стало участие Скила в вакханалиях, чему стали свидетелями его воины. Мятеж возглавил сводный брат Скила, сын Ариапифа от фракийки, Октамасад. Скил попытался найти убежище у одрисов, но Ситалк⁴⁷, приходящийся Октамасаду родным дядей, выдал беглеца на расправу племяннику. После чего на десятилетия скифы исчезают из эллинских хроник. Видимо новый хакан решил ограничить контакты с «развращающим» эллинским миром. В этот период скифская активность в Европе переносится на Боспорское царство, где с их помощью к власти, на смену эллинской династии Археанактидов, приходит Спарток⁴⁸ – фракийский родственник скифского хакана.

Вновь на страницы эллинских хроник скифы возвращаются только в начале IV века до нашей эры, когда хаканом становится Атей⁴⁹, вероятно внук Ариапифа. С его именем связаны глубокие преобразования в скифском обществе, которое новый хакан взялся перестраивать, заимствуя прогрессивные элементы эллинского государства. В степи появляются скифские города, устроенные по образцу греческих колоний – центры ремесел и торговли. Не факт, что в городах жили сами скифы, скорей в них селили мастеровых из вассальных владений, так как сам Атей всячески демонстрировал свою приверженность кочевым традициям. Боспорское царство и греческие колонии в скифских землях были для него в первую очередь источником дохода. В середине IV века до нашей эры греческие полисы западного Причерноморья, один за другим признают власть Атея (например в 358 году – Истрия, в 343 году – Каллатис), и даже начинают чеканку монет с его именем (рис 17). Видимо именно для увеличения доходов и строились в глубине степи собственно скифские городища.

⁴⁷ царь Одрисского государства во Фракии. Правил в 431 – 424 годах до н. э.

⁴⁸ правитель Боспорского царства в 438 – 432 гг. до н. э.

⁴⁹ хакан скифов, погиб в 339 году в возрасте 90 лет.

Рисунок 17. Монета Атея, выпущенная одним из северопричерноморских эллинистических полисов. На аверсе голова Геракла – легендарного прауродителя скифов, на реверсе – скифский лучник.

При Атее значительно укрепилась власть царского рода и существенно выросло богатство скифской аристократии, о чем наглядно свидетельствуют многочисленные курганы скифской знати того периода, сосредоточенные вблизи выросших в степи укрепленных городков. В этот период скифы претендуют на контроль торговых путей во всем Причерноморье. Известно, что городу Византию, препятствовавшему скифской торговле, Атей отправил угрожающее письмо: «Не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды».

Дальнейшему росту скифского влияния на Причерноморские племена и царства стал активно мешать македонский царь Филипп⁵⁰, который подчинил своей власти не только Балканы, но и Пелопоннес. В 342 году до нашей эры македонцы вторглись во Фракию, фракийский царь Керсobleпт⁵¹, скифский вассал, низвергнут и фракийцы вынуждены платить дань Филиппу. В ответ Атей собирает войска и ведет их на юг, против вероломного соседа. Битва состоялась в 339 году до нашей эры у берегов Дуная. Несмотря на численное превосходство скифы были побеждены хитростью Филиппа. Атей, которому было тогда 90 лет, пал в этой битве. Победителю достался весь обоз скифского войска включая женщин и детей, но на обратном пути македонское войско попало в засаду, устроенную фракийцами-трибаллами и пленники обрели свободу. Кто наследовал Атею – источники не сообщают.

Конечно, со смертью Атея скифский мир не погиб. Более того, в 331 году до нашей эры в скифских степях бесславно канула в Лету тридцатитысячная македонская армия под предводительством фракиского наместника Зопириона. Дальнейшее противостояние скифов и Александра III⁵², ставшего македонским царем после смерти Филиппа, было продолжено в среднеазиатских степях, где непобедимый полководец потратил три года (с 331 по 327 год до нашей эры) для покорения тех сако-масагетских племен, которые в VI веке до нашей эры вошли в состав державы Ахеменидов. Известно имя вождя саков – Спитамена, который три года вел партизанскую войну с македонянами. С большим трудом, во многом благодаря крайней жестокости которую македонцы проявили при занятии сырдарьинских городов «*всех мужчин перебили, женщин, детей и прочую добычу забрали*» [Арриан Флавий], им удалось дойти до границы Скифии, проходившей по Сырдарье. Но попытка вторжения в казахстанские степи чуть не стоила Александру жизни. Скифы применили опробованную еще на Дарии тактику выжженной земли и партизанских вылазок, в итоге македонцы вынуждены были вернуться под защиту своих крепостей, а сам Александр в этом походе был то ли ранен, то ли подхватил какую-то инфекцию.

⁵⁰ Филипп II – македонский царь, правивший 359 – 336 годах до н. э., отец Александра Македонского.

⁵¹ правил Фракией в 358 – 342 годах до н.э.

⁵² он же Александр III Великий Македонский, правил в 336 – 323 годах до н. э.

Рисунок 18. Изделия скифских (вверху) и греческих (внизу) мастеров VIII—VI вв. до н. э..

И хотя в скифо-македонском противостоянии победитель так и не определился, но македоняне остановили скифскую экспансию на запад, и с момента гибели Атея в битве на Дунае принято отсчитывать начало конца скифской империи.

Заканчивая главу о расцвете скифского владычества в Степи, хочется заметить, что культура и искусство номадов скифской эпохи вобрав в себя элементы эллинской, персидской и чжоуской культурных традиций, сохранили свою самобытность, а по изяществу оружия и ювелирных украшений порой превосходили земледельческие цивилизации того времени (рис. 18). В скифском инвентаре нет почти ни одного предмета, независимо от его утилитарного назначения, чтобы он не был в той или иной мере украшен. Знакомы они были и с музыкой. *«При раскопках II Пазырыкского кургана найдены музыкальные инструменты двух типов – ударный и струнный. Первый из них односторонний барабан небольших размеров, бокаловидной формы, удобной для держания в руке. Резонансный корпус струнного инструмента выдолблен из цельного куска дерева с мембраной-декой, выделанной из тонкой кожи. Его многострунность, равно как тщательность и изящество в отделке, указывает на высокую степень музыкальной культуры создавшего его народа»* [Руденко С. И.].

Закат

«Вплоть до III в. до н.э. скифский мир простирался от Дуная до Китая, на западе которого существовала мощная держава Атея, на востоке юэчжи господствовали над хуннами» [Скрипкин А. С.]. Для их оседлых соседей это была эпоха, метко и образно названная китайскими историографами периодом «Борющихся царств» (Чжань-гуо). На Великой китайской равнине между удельными князьями с переменным успехом шла борьба за наследие Чжоуской империи. От двухсот государственных образований осталось менее тридцати, среди которых выделяются семь сильнейших – Цинь, Янь, Чу, Вэй, Чжао, Хань и Ци. На Ближнем Востоке и в Центральной Азии аналогичная борьба развернулась за достояние Персидской империи, основанной Ахеменидом Курушем (558—530 гг. до н.э.) и распавшейся из-за междоусобиц наследников Александра III Македонского. В Европе, на Балканах и Апеннингах, тоже шла война за гегемонию среди местных племен, с той лишь разницей, что вместо наследных царей и князей, здесь часто выступали избранные архонты и консулы. Во многих европейских и ближневосточных междоусобицах скифы принимали деятельное участие. Но что интересно, при этом границы Степной империи на протяжении всего этого периода оставались практически неизменными. Даже неоправданно воспетому эллинами «покорителю ойкумены» Александру Великому, не удалось расширить на север границы земледельческой цивилизации.

Хоть и принято считать, что закат Скифского царства начался после «ряда сокрушительных поражений от фракийцев и галатов» IV веке до Рождества, но археологические данные и дошедшие до нас документальные свидетельства говорят о том, что и через сто лет после гибели Атея многие причерноморские города оставались данниками скифов. Так что, не внешние враги положили конец скифскому владычеству. Предел власти Грифона положили такие же номады, сохранившие верность древним кочевым обычаям.

В начале 8 века до нашей эры скифы пришли в киммерийские земли как ревнители обычаев кочевых предков, но скоро и сами впали в «грех эллинизма», превратив имперскую конфедерацию кочевников в классическую наследственную монархию с правящей аристократией, с центрами городского типа. Да и сама скифская аристократия попала под «растлевающее» влияние эллинской культуры. Вспомнить хотя бы о Анахарсисе или о Скиле, которые «не только придерживались эллинских обычаев, но даже совершали жертвоприношения по обрядам эллинов». И хотя Скилу его любовь к Вакху стоила не только трона, но и головы, у него сыскалось множество последователей. В последующем «случаи измены представителей скифской элиты своему народу становились все более частыми...», «Загнивать – то приятно!» [Васильева Н. И.].

Вызывающая роскошь царских родов на фоне полунисценского существования остальных номадов, естественно порождала оппозицию. На востоке во главе оппозиционных племен стояли аримаспы – куны – наследники карасукской культуры. На западе в качестве лидеров оппозиции постепенно выделились близкородственные скифам племена, обитавшие на Кубани и в Поволжье. Эти кочевники вошли в европейские исторические хроники под именем савроматов – сарматов. По-тюркски «сарма» – вьючный мешок из телячьей шкуры, «-т» – аффикс обладания [Закиев М.]. Очевидно, что свое прозвище «мешочники» они получили от эллинизированных соседей за своеобразный способ перевозки домашнего скарба, явно не подразумевающий больших богатств.

Что касается более раннего их прозвания – «савроматы» (оставленного Закиевым без перевода), то, как и в случае со скифами, есть смысл поискать в современном русском языке, который вобрал в себя немало тюркизмов и, похоже, сохранил некоторые отголоски той эпохи. Согласно словарю Даля «Савры м. мн. сиб. тебеньки седельные, кожаные подколенники у седла» – похоже отголосок «сармы», только скифы переименовали название народа, а славяне – приседельных мешков. А «саврасый», согласно Ушакову, значит «светлогнедой с желтизной,

*с черными гривой и хвостом (о масти лошадей)». Слово явно заимствованное, очень уж приметной окраски были савроматские лошади. Похоже, первоначальное прозвание «савромат» означало «владелец саврасых лошадей». Об этом же говорят нам и китайские хроники. Вплоть до времен Танской династии (VI век) в Поднебесной знали о живущем далеко на северо-западе племени конезаводчиков, разводивших пегих – саврасых лошадей. В «Описание мира годов правления Тайпин» (Тайпинхуаньюйцзи) говорится: «*Бома (пестрая лошадь) находятся на север от цзйегу (хягасов). Их страна близка к Северному морю, отстоит от [китайской столицы] Чанъань на 14 000 ли (7 000 км) ...Отборного войска 30 000 человек, лошадей 300 000 голов... Лошади масти одинаковой – пестрые (И. Б.: – саврасые). Поэтому так и называют [этот народ]*» [Кюнер И. В.]»*

Там же находим и описание быта савроматов. «*Страна обычно жестоко холодная, каждую зиму скопляется снег... С помощью лошадей и людей пахут плугом, сеют пять хлебов, любят ловить рыбу и охотиться, ловят рыбу, оленей, выдр, соболей и пр. Мясо употребляют в пищу, из шкур делают одежду... Кочуют. Чтобы сделать дом, связывают деревья, делают колодезный сруб, кроют берестой. Земляные кровати, травяные тюфяки, [к этому] добавляют войлок и так спят. Когда трава кончается, то передвигаются, не имея определенного места*» [Кюнер И. В.]. Это описание отстоит на добрую тысячу лет от эпохи, когда в эллинских хрониках, с легкой руки «развращенной» скифской элиты, видимо по созвучию, самоназвание верного традициям предков народа «савро-ма-т» превратилось в презрительную кличку «сарма-т».

Не относящийся к делу, но не безынтересный факт: Кюнер упоминает еще одно название этих племен – «*Э-ло-чжи*». Мне, к сожалению, не удалось найти иероглифическое написание этого слова, поэтому не могу уверенно утверждать о синонимичности наименований, но факт остается фактом – слово «Россия» на хань (государственный язык КНР) звучит как «*Э-ло-сы*», смысловому переводу данный набор иероглифов не поддается.

Но оставим пока лингвистические изыскания и вернемся к истории.

В археологии сарматы известны под именем Прохоровской культуры. Исследования показывают, что «*материальная культура сарматских племен имела довольно низкий уровень своего развития. По сравнению со скифскими племенами, кочевники-сарматы на основной территории своего распространения (в частности, в Поволжье) имели культуру, которую можно охарактеризовать как достаточно близкую: невыразительна ее керамика, сделанная от руки и довольно однообразная по форме, сравнительно беден и весь другой инвентарь*» [Абрамова М. П.]»

Вплоть до IV века до нашей эры савроматы были мирными подданными царских скифов, савроматские отряды часто состояли на службе в войске и при дворе скифского царя. Но к концу III века до Рождества многовековая дружба родственных народов сменилась открытой враждой. Другими словами оппозиция «вышла из тени» и бросила вызов безраздельному владычеству царских скифов в европейских степях (в те времена границей между Европой и Азией считался Танаис-Дон). Но мы знаем, что причерноморская Скифия лишь часть империи, центр которой по-прежнему лежит в Алтайских горах. Так, что усиление влияния савроматов – прямое свидетельство ослабления центральной власти.

Обратим свои взоры на восток и попробуем разобраться, что же привело к ослаблению, а затем и падению скифского владычества в Степи.

Я уже упоминал, о том, что совместными усилиями скифов-юэчжей и циньцев племена кунов, сохранившее верность дому Лань и обычаям предков, были изгнаны с плато Ордос. Это пустынное плато было для них коренным юртом – сакральным местом, отсюда их предки столетия назад предприняли успешный поход на Алтай. Это сильно озлобило «потомков Оленя». Наблюдательные китайцы, очевидно не без сарказма, отметили данный факт, изменив их

наименование на «Злой невольник» (сюн-ну). Напомню, что раньше они их именовали просто бородатыми невольниками (ху-ну), что синонимично понятию «варвар».

Долгие годы куны (пока продолжу называть их прежним термином, чтобы не вносить путаницы), могли вымещать свою ненависть только разоряя скифские курганы. Плохо организованные и слабо вооруженные они не могли тягаться с военной мощью соседних империй. Более того, их притесняли даже их бывшие подданные, известные по китайским летописям как восточные варвары (дун-ху) – протоманьчжурские племена. Примерный расклад сил в Азии четвертого века до христианской эры отражено на карте (рис. 19).

Рисунок 19. Евразия в IV веке до н. э.

Зная непримиримую вражду кунов с княжеством Цинь, и опасаясь все возрастающего влияния «циньского варвара», чжаоские княжества привлекли их на свою сторону. «На седьмом году (318 г до н.э.) войска княжеств Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, ведя за собой отряды сюнну, совместно напали на Цинь» [Сыма Цянь]. Поход был крайне неудачным для коалиции, «Цинь выслало против них военачальника – шучжана Цзи, который дал бой у Сюоя. [Цзи] взял в плен военачальника Шэнь Чая, нанес Поражение чжаоскому князю Кэ и ханьскому наследнику Хуаню и убил восемьдесят две тысячи человек» [там же]. Скупые строки летописи свидетельствуют, как минимум о двух, значимых для нашего исследования событиях. Во-первых, кунские племена в тот период были достаточно серьезным «игроком» на политической карте, чтобы быть упомянуты в качестве союзников чжоуских княжеств, причем замечу, это хорошо организованные союзники, образующие самостоятельные воинские подразделения. Во-вторых, учитывая добрососедские отношения между царскими скифами – юэцжами и княжеством Цинь, выступление кунов на стороне их противников – практически равно объявлению своей независимости от скифской империи. И здесь оппозиция перешла в фазу вооруженного противостояния.

Возможно, не отвернись удача от полководца Шэнь Чая и история скифского владычества была бы на сотню с лишним лет короче. Но случилось то, что случилось. На 111 лет на востоке Евразии установилась власть дружественных царским скифам циньских князей, а обманутые в своих ожиданиях куны стали тревожить границы как Циньского княжества, так и своих вчерашних союзников, вынудив их к строительству мощных оборонительных сооружений – прообраза Великой китайской стены. Борьба видимо шла с переменным успехом вплоть

до 214 года, когда войска Ин Чжэна⁵³ – первого реально правившего императора Поднебесной, достойного потомка жунских варваров, вошедшего в историю как «Основатель династии Цинь» (Цинь Шихуан), нанесли кунам сокрушительное поражение и прогнали их еще дальше на север в монгольские степи.

Интересный факт. Прейдя к власти Ин Чжэн унифицировал письменность, систему мер, административное устройство Срединного царства..., а заодно «изменил наименование простого народа, назвав его *цяньшиоу* – „черноголовые“» [Кюнер И. В.]. До этого в княжестве Цинь граждан именовали «бай³ син», что принято переводить как «сто семей». В начале правления династии Сун был записан рифмованный список китайских фамилий «Байцзясин» (Фамилии ста семей), который служил учебным текстом для заучивания иероглифов наизусть. Но вот что интересно – вначале список состоял из 411 фамилий, затем был дополнен до 504, среди них состоящих из одного иероглифа (традиционных) – 444, из двух, что характерно для «варварских» фамилий – 60. Странно, не так ли? Но эту странность легко объяснить, если в первом иероглифе убрать одну «лишнюю» черту, видимо добавленную поздними переписчиками, записав его как «белый, чистый, безупречный», произношение при этом, практически не меняется – «бай² син», зато меняется смысл: «благородные фамилии». Учитывая, что Чжоусцы, в подавляющем большинстве, мало отличались от современных нам жителей поднебесной, а горные животноводы жуны, создавшие Циньское княжество, изначально были светловолосыми европеоидами, изменение названия простого народа на «черноголовые» было символическим свидетельством признания гражданских прав чжоуских народов, вошедших в состав империи Цинь.

Но вернемся к противостоянию между циньцами и кунами. Ситуация резко изменилась в 210 году в связи со смертью Ин Чжэна. Его терракотовая армия пережила тысячелетия, а вот созданная им империя не продержалась и трех лет. Но куны не стали ждать и этого времени. В год смерти императора, они не встретив сопротивления возвращают себе горы Иньшань и начинают объединение под своей властью восточного крыла древней кочевой «империи». В 205 году куны вступают в ожесточенную войну со скифами за господство над Восточным крылом «империи». А к 177 году им удается вернуть себе Ордос и окончательно изгнать с Алтая династию Грифона.

Похоже, что воспользовавшись ослаблением центральной власти сарматы устроили переворот, так как по эллинским хроникам «сарматский царь Гатал⁵⁴ завоевал Скифию». Причем произошло это ранее 179 года до нашей эры. Так как, согласно «Истории» Полибия, сарматский царь Гатал упомянут в числе европейских правителей, участвовавших в заключении мирного договора 179 года до нашей эры понтийского царя Фарнака I с рядом азиатских и европейских государств и автономных общин. Но уже через два года после этого Гатал был свергнут, сарматы покорились хунам. Вся власть вновь оказалась в руках рода Лань и их ближайших сподвижников.

Согласно ханьским хроникам, свергнутый род Грифона большей частью покорился победителям, лишь 150 семей бежали через Тибет в Бактрию и Парфию (Дася и Аньси ханьских летописей). Последние два царства были основаны «осевшими на землю» сако-массагетскими племенами, то есть по сути дела скифами. Другая часть скифов (точнее, скифской военно-политической элиты), была вытеснена сарматами на территорию южного Крыма и северного Придунавья, где сохраняла свою самостоятельность до 3 века христианской эры. При этом тер-

⁵³ правитель царства Цинь 246 – 210 годах до н. э., вошёл в историю как правитель первого централизованного китайского государства, но наибольшую известность ему принесла терракотовая армия из более чем 8 тысяч воинов, захороненная вместе с ним в погребальном кургане.

⁵⁴ правитель сарматов в первой половине II века до н. э.

ритории оставшиеся под контролем скифов не были самостоятельными, а входили в общеномадную политическую систему. [Колтухов С. Г.].

С момента своего прихода к власти царские скифы все больше и больше переносили «центр тяжести» кочевой империи на запад, куда их манило богатство ближневосточных, персидских и эллинских владений. При этом они уделяли все меньше и меньше внимания кочевым этносам и особенно своему восточному крылу – толосу, за что в конечном итоге и поплатились. На смену скифской (тохарской, юэчжийской) вновь пришла прототюркская династия Лань.

Хуннский период Необходимые уточнения

Прежде всего, надо разобраться с терминологией, которая, из-за того, что дошла до нас преимущественно в искаженной китайской иероглифической форме, а затем была не всегда корректно переложена на русский язык, нуждается как минимум в уточнении.

Начнем с того, что куны Карасукского периода и сюнну китайских летописей ханьского времени, несмотря на генетическое родство – это все-таки два разных народа, между которыми лежит, как минимум, пять столетий. В течение этого времени свергнутые властители первой кочевой империи эволюционировали в окружении прототунгусо-маньчжурских племен при значительном влиянии чжоуской цивилизации. В этих условиях неизбежно происходила их массовая метисация – превращение европеоидов кунов с незначительной примесью монголоидных генов в «полуглазых» аримаспов. Подавляющее большинство погребенных в плиточных могилах, принадлежащих потомкам кунов – монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы. И только три старших рода, благодаря жесткой регламентации в выборе брачных партнеров, более или менее сохранили исходные европеоидные черты. И пусть Вас не смущает кажущееся противоречие в том, что, пришли эти «европейцы» с района Ордоса. Это в наше время европеоиды в тех краях большая редкость. Древнекитайский историк Сыма Цянь так описывает основателя династии Хань (202 год до н. э.): *«Гао-цзу был человеком с большим носом и драконообразным лицом, с длинными усами и бородой»*, то есть типичный европеоид.

Я, вовсе не считаю европейскую расу лучше или просвещенней других, просто в истории Степи с древнейших времен, вплоть до недавнего времени правили отдаленные потомки этих белых (красных) родов. Чингисхан – скорее монголоид, чем европеоид, очень гордился рыжим цветом волос и голубыми глазами, так как это свидетельствовало о его «благородном происхождении». В тюркских языках (а у меня нет ни малейших сомнений, что именно древнетюркский был языком межнационального общения в степной империи): *ак* – белый, благородный, богатый; *аксой* (*актай*) – благородный, святой род, родоначальник [Закиев М.]. Под различными именами: белых киданий, белых татар, белых и красных ди, встречаются они в китайских хрониках, а в монгольских улусах и сегодня можно услышать легенды о высоких белокурых предках. Может быть, поэтому у корейцев и японцев, говорящих на языках Алтайской группы и имеющим признаки древней метисации, женщины и по сей день стремятся отбелить лицо. Кстати, зонт был изобретен по той же причине – ханьские модницы использовали его для защиты лица от солнечных лучей. Это уже потом, многие столетия спустя, практичные европейцы «переизобрели» его для защиты от дождя.

Но вернемся к терминологии. Учитывая вышеизложенное, не совсем корректным было бы продолжать использовать древний этноним «куны» по отношению к сложившемуся за годы изгнания этносу. Правда наименование старшего рода «Лань» осталось прежним, но смена китайскими хронистами наименования северных кочевых соседей с «хуну» на «сюнну», скорей всего, напрямую связано с произошедшими изменениями в самоидентификации этого этноса. Также не верно было бы использовать и наименование «сюнну», так как данные иероглифы только после синхайской революции 1911 года приобрели данное звучание, а до этого правильным считалось чтение «хюн-ну» или «хун-ну». Видимо именно от последнего варианта чтения и происходит термин «хунны», закрепившийся в литературе за потомками кунов-карасукцев. А так как я не в восторге от его значения в китайском языке (злой, буйный невольник) то предпочту использовать нейтральный русифицированный вариант «хунны».

Как уже было сказано, роль племенной аристократии, тщательно следящей за чистотой крови выполняли три древних рода: «*Хуянь, Лань и впоследствии Сюйбу суть три знаменитые Дома*» [Бичурин Н. Я.]. С родом Лани, правившим еще во времена господства кунов, мы уже разбирались, бывшие их места кочевков и поныне зовутся Ланьчжоу (округ племени Лань). А вот их «брачные партнеры» впервые попали в поле нашего зрения. Попробуем разобраться с их происхождением. Для начала замечу, что нет сомнений, что как и главенствующий род, они имели прототюркское происхождение, восходящее как минимум к Карасукской эпохе, а возможно и к гораздо более древним временам.

Кочевье рода Хуянь располагались километрах в шестистах к северо-востоку от кочевий Лани, в Черных горах (Ша-ху-шань – горы убитых хунну). «*Другое их название – Долина Хуянь*» [Зуев Ю. А.]. Лев Николаевич Гумилев считал, что «*Хуянь – тюркское слово, означает „заяц“ (қоян – заяц, косой)*». Некоторые тюркологи идут дальше, выводят отсюда широко распространенный (от Монголии до Крыма) род Кият. В древнем эпосе «Огуз – Наме» название рода Кият трактуется как «стреляющий наискось», то есть «косой». Возможно, они и правы, но позволю себе все же усомниться в существовании у хуннов элитного рода, имеющего тотемом зайца, да и цепочка «хуянь – қоян – кият», выглядит несколько надуманной. Китайский вариант осмысленного перевода не имеет, поэтому я предлагаю заглянуть чуть дальше вглубь веков и вспомнить прото-алтайский корень «*kíja*» – гусь, лебедь. По мне так это куда как более подходящий тотем для рода императрицы, так как только из этого рода правящий род Лань мог брать законных жен для своих претендентов на престол. Так что самоназвание рода, скорей всего было, «куян» – «лебедь». Так это или нет, но я предпочту использовать именно этот термин взамен неблагозвучного китайского.

Что до рода Сюйбу или Сёбук – вариант чтения данных иероглифов в танскую эпоху, то об их кочевьях ничего не известно. Китайские летописи дают повод предполагать, что они вообще могли выполнять роль, аналогичную роду Коэнов среди колен израилевых, ибо «*Сюйбу занимал должность государственного судьи*» [Бичурин Н. Я.]. Более того, у этих иероглифов есть вполне осмысленный перевод – «бородатый предсказатель». Учитывая положение рода в хуннской иерархии, мы, возможно, имеем дело не со звукоподражательной транскрипцией, а с прямым переводом некоего прото-тюркского термина. Возможно в основе его лежит прото-алтайский корень «*sám [u]*», от которого берет слово «шаман», возможно не менее древний корень «*sjōje*» – «считать», а может быть и вовсе «*sjubu*» – «вода», например как указание на первоначальное место жительства? Не знаю, и поскольку сегодня установить истинное звучание этого термина не представляется возможным, а китайский вариант не несет оскорбительного смысла, я буду пользоваться китайским вариантом.

И последний термин – «шаньюй». Именно под этим титулом в русскоязычной литературе известны правители Хуннской империи. Странное слово, не имеющее созвучного аналога ни в одном из ностратических языков. Для начала давайте разберемся с точностью транскрипции. «Шаньюй» пишется двумя иероглифами, звучащими в современном прочтении на китайском – «чань-юй», но первый иероглиф может так же читаться как «дань» или «шань», а второй – как «сюй». Во времена правления маньчжуров, правила чтения иероглифов в китайском были немного другие (тогда господствовал южный диалект) и считалось верным произношение «дзе-ну». Варианты чтения в эпоху династии Тан: «чжиень-хё» или «дань-хё». Как и в случае с родом Сюйбу используемые иероглифы имеют вполне осмысленный перевод «Единственно-великий». Так, что я предлагаю не гадать какой из вариантов транскрипции ближе всего к оригиналу, а просто воспользоваться вместо этого тюркским термином, наиболее близким по смыслу – «хакан».

Борьба за власть

С 209 года до нашей эры начинается новый этап в истории степной империи – этап, задокументированный в хрониках соседних оседлых народов или в записях самих номадов, высеченных в камне. С этого времени наш исторический экскурс будет гораздо более наполнен конкретными датами и именами. Конечно, далеко не все события происходившие в Степи нашли отклик в хрониках соседей, да и те, которые попали в летописи, нужно «делить на шесть». Для летописцев Степь была закрытым и враждебным миром, а имена хаканов непонятными и трудно произносимыми. Те из нас, кто успел пожить при Советской власти, помнят с каким недоумением и возмущением смотрели мы американские фильмы, снятые в период «Холодной войны», где русские Иваны да Борисы больше всего походили на лубочных партизан Дениса Давыдова – этакие злобные, грязные, сиволапые мужики в косоворотках и медвежьих малахях. Очевидно это был их ассиметричный ответ на нашего «Мистера Твистера». Так же и большинство исторических хроник писались, а затем еще и корректировались при переписывании под конкретный политический заказ. Кроме того, сами сведения к составителям хроник зачастую попадали через третьи руки, успев по дороге обрасти байками и небылицами. Меньше всего при этом страдали факты, даты и имена участников событий: кто с кем сразился, кто кого взял в жены или родил. А больше всего субъективизма в оценках причинно-следственных связей и количестве войск противника, которых не зависимо от исхода сражения всегда почему-то «тьма тьмушная». Так что я постараюсь сосредоточиться именно на фактах, датах и именах, опустив увлекательные рассказы про то, как аморальное поведение очередного властителя прогневало богов и привело к гибели его царства. Желаящим более полно познакомиться с этим периодом я рекомендую замечательную как в познавательном, так и в художественном плане книгу Льва Николаевича Гумилева «История народа Хунну». А если вас не устраивает адаптированный вариант, можете почитать переводы китайских хроник в «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Бичурина Н. Я.⁵⁵, а также дополняющий и уточняющий его труд Николая Васильевича Кюнера⁵⁶ «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока». Мы же с Вами совершим только беглый экскурс по довольно богатой на войны и перевороты истории Степи периода повторного возвышения Оленьего народа (рис. 20).

⁵⁵ Иакинф, в миру Никита Яковлевич Бичурин, архимандрит Православной российской церкви, первый русский китаевед, в 1808 – 1821 годах, возглавляя духовную миссию в Пекине.

⁵⁶ советский востоковед, историк и этнограф, доктор исторических наук.

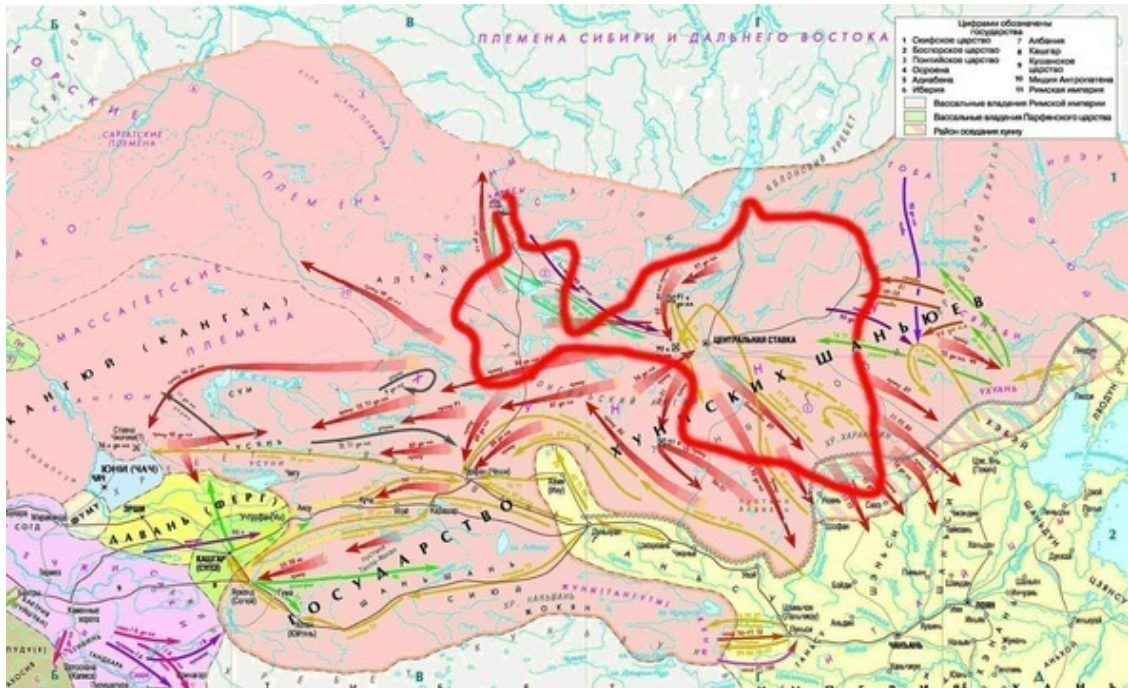

Рисунок 20. Военная активность хуннов в I веке до н.э. – I веке христианской эры. Красным выделен хуннский коренной юрт.

Согласно китайской традиции, основателем второй хуннской династии считается Модэ (Модо, Маодунь) из рода Луаньди. Видный ханьский историк Бань Гу⁵⁷ в своей «Истории Ранней Династии Хань» так рассказывает легенду о «вступлении на престол» Модэ: «У хуннов Шаньюю назывался Тумань. Тумань не мог устоять против Дома Цинь и переселился на север... [когда] удельные князья восстали против Дома Цинь... хунны почувствовали льготу; мало по малу опять перешли на южную сторону Желтой реки, и вступили в прежние межи со Средним царством. Шаньюю имел наследника, по имени Модэ; после от любимой Яньчжы родился ему меньшей сын; Шаньюю хотел устранить старшего, а на престол возвести младшего: почему отправил Модэ в Юечжы заложником. Как скоро Модэ прибыл в Юечжы, Тумань тотчас произвел нападение на Юечжы. Юечжы хотел убить Модэ, но Модэ украл аргамака у него, и ускакал домой. Тумань счел его удалцом, и отделил ему в управление 10.000 конницы... Модэ сделал [стрелу-] свистунку и начал упражнять своих людей в конном стрельбизии из лука с таким приказом: всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубят голову... Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюя Туманя. Таким образом Модэ, убив Туманя, предал смерти мачеху с младшим братом и старейших, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя Шаньюем» [Бичурин Н. Я.].

Захватив в 209 году до нашей эры власть в коренном юрте Модэ умело использует ослабление, а затем и падение жунского (династия Цинь) владычества в Китае. Пока главный внешний враг хуннов – Среднее царство переживает гражданскую войну за наследие Ин Чжэна, хакан Модэ стремительно объединяет вокруг себя соседние кочевые племена. К 205 году он покорил «восточных варваров», доведя численность своих войск до 30 тумэнов. С этими войсками он легко вернул себе сакральные для рода земли на севере плата Ордос. Немногие не покорившиеся племена нашли убежище в горах Сяньби и Ухуань на юге хребта Большой Хинган, у северо-восточных границ Среднего царства.

⁵⁷ китайский историограф и поэт, создатель жанра «династических историй», жил в 32 – 92 гг.

К тому моменту, когда в Поднебесной наконец установилась власть императора⁵⁸ (202 год до нашей эры), хакан Модэ сумел объединить практически все восточное крыло древней кочевой империи. Он покорил земли от Енисея на севере, где обитало племя Белого Беркута – телеуты (динлины, хагасы, кыргызы), до Тибета на Юге – коренного юрта племени Ворона (У-сунь); и от Хинганских гор на востоке, где нашли убежище непокоренные восточные варвары – предки маньчжуров, до Саян и Алтая на западе – владений Грифона. *«Дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге он сделался равным Срединному Двору»* [Бичурин Н. Я.]. Усилился настолько, что смог разбить войска ново провозглашенного Ханьского императора Лю Бана, а его самого захватить в плен. После чего Модэ обложил данью Срединное государство и женился на ханьской «царевне».

Несмотря на то, что западное крыло и большая часть Алтая были по прежнему верны скифской династии, в 201 году до нашей эры Модэ возродил административную систему, существовавшую до воцарения Грифона. Из трех правящих родов Куян, Лань и Суйбу были назначены по 5 высших чиновников в Восточное и Западное крыло, плюс 24 темника. Ставка самого хакана располагалась в предгорьях Монгольского Алтая. Темников хакан назначал сам. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа приравнивалось к измене и каралось смертью старейшин. В пределах своих владений темник, подобно хакану, назначал тысячников, сотников и десятников, наделял их землей с кочующим населением. Каждый взрослый муж считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника. Трижды в год все начальники съезжались в ставку: весной и летом для жертвоприношений и обсуждения государственных дел и осенью *«как лошади разжиреют, ... производят проверку людей и скота»*. Хунны не платили налоги. Зато хакан собирал дань с покорённых народов: дунху платили лошадьми и шкурами, центрально-азиатские оазисы – продуктами земледелия, тангуты – железом, северные племена – мехами, ханыцы – шёлком и предметами роскоши.

Модэ, как и все его последователи видел свою цель в господстве над *«всеми народами, натягивающими лук»*, а для этого ему необходимо было покорить скифов—юэчжэй. Борьба длилась четверть века, и только в 177 году до нашей эры его наследнику Цзичжу⁵⁹ удалось сломить их сопротивление. Скифский император Кидолу (возможно, он же сарматский Гатал эллинских хроник) пал в бою, и Гиюй сделал из его черепа чашу для питья. Покорившиеся юэчжи были выселены на юг в Таримский бассейн, а не пожелавшие признать власть хакана нашли убежище у родственных центрально-азиатских Царских Домов.

Нам ничего не известно о покорении хуннами кочевников, обитавших западнее Алтая, где политическая доминанта перешла к савроматской группе племен. Однако, ряд археологических находок и зафиксированные в летописях совместные действия в Центральной Азии хуннских и савроматских войск, дают основания полагать, что объединение империи в прежних границах под властью хакана все-таки состоялось. По крайней мере, *«сходство погребальных памятников сарматов и кочевников Средней Азии, судя по всему, объясняется проникновением части последних [во II в. до н.э.] в восточноевропейские степи, где на них, по свойственному античной историографии консерватизму, переносится этноним «сарматы»»* [Мордвинцева В. И.]. Кроме того, *«со II – I вв. до н.э. и по I – III вв. н.э. в памятниках саргатской культуры увеличивается доля восточного импорта. Появляются такие предметы, как «монета ушу; китайские зеркала; встреченные во всех районах культуры ложечковидные застёжки...»*

⁵⁸ Лю Бана, основателя династии Хань, правившего в 202 – 195 годах до н.э. под титулом Гао-цзу.

⁵⁹ он же Лаошан или Гиюй, был хаканом хуннов в 174 – 161 годах до н. э.

характерные для культуры хунну периода II – I вв. до н.э...; бронзовые котлы и другие предметы, восточное происхождение которых, помимо морфологии, доказывается химическим составом бронз, аналогичным бронзам Забайкалья» [Матвеева Н. П.; Кардаева В. Б.; Берлизов Н. Е.; Скрипкин А. С.]. «В «сарматских» могилах присутствуют бесспорные центрально-азиатские реликвии: бирюзово-золотая пластина со сценой борьбы дракона с двумя кошачьими; «ордосская» поясная пластина; наконечники стрел хуннских типов и китайских арбалетов и др.» [Яценко С. А.].

Синхронно меняется и вооружение: на смену короткому скифскому акинаку приходят длиннорезвийные обоюдоострые мечи с прямым перекрестьем (рис. 21). «Время господства такого оружия начинается со II века, когда оно распространяется на огромной территории от степей Поволжья и Приуралья до районов Кореи и Китая. Рукояти клинков... нередко украшались с особой роскошью» [Соловьёв А. И.]. Находили их и значительно западнее Поволжья: «Фигурки человечков, вооруженных такими мечами, и оленей с подогнутыми ногами изображены на кубке из Хеминглоу в Дании» [Щукин М. Б.].

Рисунок 21. Знатные хуннские воины (реконструкция Соловьёва А. И.)

Еще одним фактором экономического объединения кочевников под властью хуннов, как ни странно это звучит, стало широкое распространение в степи стационарных укрепленных поселений: «одним из основных археологическим маркером этой и последующей эпох становится появление стационарных поселений и укрепленных городищ, ранее не наблюдавшихся на территории центральноазиатских степей» [Бураев А. И.]. И именно в сарматский период Северное Причерноморье и Приазовье покрылось сетью городов и крепостей.

Хунны, отрезанные скифами от продукции оседлых земледельческих цивилизаций, действительно широко практиковали постройку «земледельческих анклавов» на своих землях. В настоящее время только *«на территории Монголии зарегистрировано девять городищ хуннского времени»* [Кляшторный С. Г.]. В таких городках *находились жилые и хозяйственные постройки, мастерские, административные здания»* [Худяков Ю. С.]. Основу населения городков составляли захваченные в плен или беглые мастеровые и землепашцы. *«В хуннских степях жило немало китайцев либо уведенных во время набегов, либо бежавших из Китая в поисках легкой и свободной жизни... таких эмигрантов в хуннских кочевьях жило много, но они не смешивались с хуннами. Чтобы стать хунном, надо было быть членом рода, т.е. родиться от хуннских родителей»* [Руденко С. И., Гумилев Л. Н.]. Такое разделение на «патрициев» и «плебеев», точнее на «строевых» и «приписных», нашло подтверждение и в археологии. Помимо укрепленных городков, у хуннов широко известны и деревянные крепости-убежища. *«Отсутствие жилых построек и культурного слоя позволило предполагать их назначение в качестве военных лагерей и ставок военачальников»* [Пэрлээ Х.]. Нередко оба типа городков располагались в непосредственной близости друг от друга, ибо верные заветам предков номады, не пренебрегая защитой крепостных стен, жить предпочитали в войлочных юртах.

Ну и наконец, *«сармато-аланы оказались в культурном отношении ориентированы не на античный мир и даже не на иранские государства – Парфию, Хорезм, Согд, Хотан, – а на однотипные кочевнические государственные образования Средней и Центральной Азии (юэджийские княжества Бактрии, Усунь, Канзюй, держава хунну)»* [Яценко С. А.]

Династия Луань

За тридцать пять лет своего правления *«Модэ покорил восточных монголов; после сего подчинил себе Китай и Тангут, и потом покорил весь Тюркистан от Хами до Каспийского моря»* [Бичурин Н. Я.]. Захватив власть над степью, он стал основателем собственной династии. В новой империи темники, наделенные правом избрания нового хакана, вынуждены были выбирать только из числа прямых наследников прежнего. Восточный великий князь как правило – наследник престола. Благо после смерти Модэ (в 174 году до н. э.) выбор был не сложен, его сын Цзичжу – победитель скифского царя, был явным фаворитом. Он и взошел на отцовский «трон», попав в китайские хроники под титулом «Лаошан», что по смыслу переводится как «наимудрейший» или «почтеннейший».

Вступив на престол, Лаошан по договору мира и родства получил в жёны ханьскую принцессу, а заодно и мудрого советника в лице сопровождавшего ее евнуха Юэ, который помог упорядочить делопроизводство и налогообложение в империи номадов по ханьскому образцу. Правление Лаошаня, согласно ханьских хроник, было довольно мирным, если он и вел войны, то где-то на западе. Только в 166 – 162 годах, по не совсем понятной причине, которую император Поднебесной Лю Хэн⁶⁰ по прозвищу Культурный (Вэнь-ди) охарактеризовал как *«мелочные дела и ошибки в соображениях министров»*, Цзичжу предпринял несколько грабительских набегов на бывшие циньские владения, уклоняясь при этом от прямого столкновения с войсками Хань. Однако в 162 году, когда и Степь, и Поднебесная пострадали от засухи и саранчи, мелкие обиды были забыты и восстановлен договор мира и родства.

В 161 году Цзичжу умер и хаканом был избран его сын⁶¹, получивший у китайцев прозвище «Воевода» (Цзюньчень). При нем империя хуннов достигла своего наивысшего влияния. В первую очередь он стал добиваться от Ханьского Дома отмены императорской монополии на внешнюю торговлю и открытия приграничных рынков. В 154 году он даже поддержал «Мятеж семи ванов» во главе с Лю Пи⁶². Мятеж был подавлен с великим трудом и Почтенно-благостный император Поднебесной⁶³ (Сяоцин-ди) вынуждено пошел на уступки. В 152 году Цзюньчень получил в жены ханьскую «царевну» и право вести приграничную торговлю.

Здесь уместно сделать одно отступление и поведать о племени Ворона (У-сунь), которое сыграло значительную роль в дальнейшей истории Степи, и которое Хэ Цютао⁶⁴ считал предками русского народа [Кюнер И. В.]. Пока оставим в стороне гипотезу китайского ученого и вернемся к событиям второго века до нашей эры.

Во времена Скифского владычества Вороны жили в предгорьях Наньшаня у границ царства Цинь и служили торговыми посредниками между Средним государством и Западным краем. В начале второго века до нашей эры они были покорены хуннами, а их вождь Нандуми⁶⁵, носивший согласно ханьским летописям титул хуньми или куньмо – очевидно калька с тюркского «кульбек» – великий правитель, был убит. Наследник хуньми был тогда совсем младенцем, и Модэ взял его на воспитание. Он вырос вместе с Цзичжу и вместе с ним участвовал в воинских походах, где не раз отличился и приобрел прозвище Гордый охотник (Лецзяоми). В 177 году Модэ вопреки традиции *«возвратил ему владения отца его и препоручил надзор за караулами при Западной стене»* [Бичурин Н. Я.]. Во время правления Цзичжу

⁶⁰ сын Лю Бана, правил в 180 – 157 годах до н. э. под храмовым именем Тайцзун.

⁶¹ личное имя не сохранилось, правил хуннами в 161 – 126 годах до н. э.

⁶² племянник покойного императора Лю Бана и кузен правившего императора Лю Хэна, управляющий богатейшим районом в устье Янцзы (ныне провинции Цзянсу и Чжэцзян).

⁶³ личное имя Лю Ци – шестой император династии Хань, правил в 156 – 141 годах до н. э.

⁶⁴ китайский чиновник и ученый, занимал пост главы «Академии Лotosового пруда», жил в 1824—1862 гг.

⁶⁵ первый известный кульбек усуней, правил до 177 г до. н. э.

и его сына именно племя Воронов составляло основу хуннского войска нападавшего на северо-западные рубежи империи Хань. Гордый охотник⁶⁶ оказался не только храбрым и умелым воином, но и мудрым правителем и *«приложил попечение о поправлении состояния своего народа, и подчинил себе окрестные небольшие города. Он имел несколько десятков тысяч войска, опытного в сражениях»* [там же]. В итоге, он усилился на столько, что в 157 году добился от хакана, который по сути приходился ему сводным племянником, прав автономии. Вероятно, это его золотое головное украшение хранится в коллекции Эрмитажа (рис. 22).

Рисунок 22. Золотая диадема. Южные соседи хуннов.

Мощное, ведущее самостоятельную политику племенное объединение в ключевом для империй месте не могло не беспокоить и хакана хуннов, и императора Поднебесной. Примерно в 150 году до нашей эры, пользуясь древним правом, Цзюньчень переместил кочевья Ворона в бассейн реки Или в предгорьях Тянь-Шаня, на земли где кочевали саки и царские скифы – юэчжи. Этим он «убил сразу трех зайцев»: удалил подальше от ставки хакана слишком влиятельного «дядюшку», нанес удар по начавшим вновь усиливаться Грифонам, а заодно продемонстрировал ханьцам, с которыми возобновил Договор мира и родства, свои мирные наме-

⁶⁶ личное имя не сохранилось, считался правителем усуней с 177 по 104 год до н.э.

ренья. Сразу скажу, что это гениальное в тактическом плане решение, позже обернулось для хуннов большими проблемами. Гордый охотник, правивший Воронами вплоть до 104 года до нашей эры, смог повернуть ситуацию в свою пользу, подчинив большую часть обитавших там сакских и скифских родов, а по некоторым данным Бактрию. Ханьский посол позже напишет, что *«между усуньцами находятся отрасли племен сэского и юечжыского... Населения в нем 120 000 [дворов]. Жителей 630 000 [едоков], строевого войска 188 800 человек»* [Кюнер И. В.]. В сороковых – двадцатых годах II века до нашей эры он совместно с юэчжами и сарматами вел успешную борьбу по освобождению Центральной Азии от эллинского владычества [Заднепровский Ю. А.; Горбунова Н. Г.; Берлизов Н. Е.].

Отселение на запад Воронов не принесло спокойствия Поднебесной, теперь уже другие подданные хакана грабили приграничные селения, но в отличие от усуней они не поставляли в Хань товаров западного края и в первую очередь, разводимых в Приаралье крайне дорогих аргамаков. Хуннские низкорослые, неприхотливые лошадки не подходили для императорских конюшен. Более того, раньше через Воронов осуществлялись поставки на запад ханьских товаров, теперь же Великий шелковый путь оказался закрыт. Так что, когда в 140 году к власти в Хань пришел Лю Чэ⁶⁷, вошедший историю как император-воин (У-ди), он, формально подтвердив Договор мира и родства, начал искать способы ослабить власть хакана и восстановить торговые связи с Западным краем. В поисках союзников У-ди в 128 году отправил в Западный край посольство во главе с Чжан Цянем⁶⁸, которое посетило Фергану (Давань), Хорезм (Кангюй) и Дася (Бактрию). Чжан Цянь собрал обширнейшую разведывательную информацию о пройденных им землях и народах, но главной его задачей было склонить хуньи Воронов к союзу с Поднебесной и возвращению их на прежние земли. В своем докладе императору он писал *«Хотя ныне народ усунь силен и велик, возможно щедрой наградой призвать [его] и приказать ему жить на старых землях, женить [усуньского государя] на царевне, сделаться братьями, чтобы обуздать Сюнну»* [Кюнер И. В.].

В 126 году Цзюньчэнь умер, и власть захватил его младший брат Ичжисе⁶⁹. Его племянник Юйби⁷⁰, так же претендовавший на отцовский престол, вынужден был искать убежища в Поднебесной, вместе с ним на службу императору Хань перешли и верные Юйби хунны. Это стало поводом для полновесных военных действий, в движение пришли многотысячные армии. Война шла с переменным успехом, пока в 119 году на границе пустыни Гоби имперские войска не нанесли кочевникам сокрушительное поражение, от которого Ичжисе так и не смог оправиться. Еще одним последствием этого поражения стало окончательное отделение усуней от хуннов в 117 году до нашей эры – единство «народов натягивающих лук» было нарушено.

Ханьский император У-ди не только вернул Поднебесную в границы 210 года до нашей эры, но и, пытаясь восстановить торговый путь в Западный край, захватил древние родовые земли племени Воронов. На новых землях была проведена мелиорация, переселено 700 тысяч человек с южных районов Поднебесной [Ковалев А. А.]. Откочевавшие севернее Гоби хунны на какое-то время перестали быть угрозой, но это не решало проблемы торговых связей с западом. В 122 году У-ди снарядил экспедицию по поиску южных путей в Западный край, но она не увенчалась успехом. Поэтому, хотя речь о переселении уже не шла, переговоры о Договоре мира и родства с Гордым охотником были продолжены. Умело лавируя между хуннами и ханьцами, усуньский кульбек добился того, что примерно в 107 году он получил в жены сразу двух «принцесс», от императора и от хакана, что было равносильно признанию его равноправным правителем. Это была последняя великая победа старого хуньи.

⁶⁷ седьмой император династии Хань, правил с 141 до 87 года до н. э., храмовое имя Шицзун.

⁶⁸ путешественник и дипломат живший в 200—114 гг. до н.э.

⁶⁹ второй сын Лаошаня, брат Цзюньчэня, пришёл к власти в результате переворота, правил хуннами в 126—114 гг. до н.э.

⁷⁰ сын Цзюньчэня, после поражения от Ичжисе бежал в Китай, где и умер.

На рубеже I —II веков до н. э. номады переживали не лучшие времена. Наследники узурпатора Ичжисе не долго засиживались на хаканском престоле. В 101 году до нашей эры, после череды бесславных правлений и скоропостижных смертей хаканов, потомки Моде окончательно утратили власть. Хаканом был избран Цзюйди-князь⁷¹, который принадлежал к боковой ветви «царского» рода Лань. В 104 году умер Гордый охотник, кульбеком Воронов стал его внук по прозвищу Бородатый воин⁷² (Цзюньсюйми), но власть внука была скорей номинальной, на деле государство распалось на три удела.

Ослаблением власти в степных государствах поспешил воспользоваться У-ди, но не очень удачно. Он стал подстрекать против молодого хакана его темников, но все заговоры были своевременно раскрыты, а посланные для поддержки заговорщиков имперские войска уничтожены. Как уничтожены были и все возведенные северней Китайской стены крепости. Тем не менее, У-ди *«постепенно поедал, как шелковиный червь, земли, приближаясь к северу [страны] сюнну»* [Кюнер И. В.] (рис. 23).

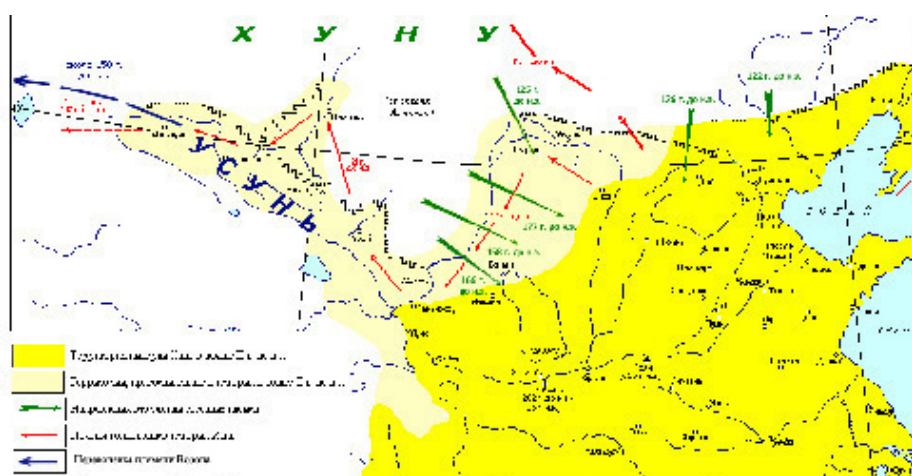

Рисунок 23. Противостояние между Хань и хуннами во II веке до н.э.

Гораздо более успешной была ханьская военная экспедиция под предводительством Ли Гуанли⁷³ в Западный край. Со второй попытки он не только добыл для императора несколько десятков армакаков, но и, осадив Коканд, добился установления дипломатических отношений и заключения торгового договора с властителем Ферганской долины. Надо пояснить, что с точки зрения эгоцентричных жителей Поднебесной любой договор, кроме Договора мира и родства, приравнивался к признанию вассальной зависимости заключившего этот договор от императора Срединной империи. Поэтому бесполезно искать в европейских или центрально азиатских хрониках сведения об этом походе, в лучшем случае мы обнаружим запись о возобновлении торговли по Шелковому пути. Что, однако, не помешало современнику событий Сыма Цяню записать: *«ханьский Двор покорил Давань [Фергану... слава его оружия потрясла иностранные государства]»* [Сыма Цянь].

Цзюйди-князь принял титул хакана в тяжёлое время, кочевое государство, созданное Модэ разваливалась на части, а империя Хань была на пике своей мощи. Что бы оттянуть неизбежное столкновение с южным соседом хакан приказал отпустить на родину всех ранее задержанных китайских послов. У-ди оценил жест доброй воли и даже отправил хакану богатые дары, но уже через два года вслед за дарами в Степь отправился «покоритель Ферганы» Ли Гуанли с 30 000 конницы. Назад вернулось не более трети войска. Во время этого похода особо

⁷¹ хакан хуннов в 101 – 96 годах до н.э., основатель новой прямиющей династии.

⁷² кульбек усуней на рубеже II – I веков до н.э.

⁷³ ханьский генерал, брат наложницы императора, умер в 88 г. до н.э.

отличился командовавший пехотным корпусом имперцев Ли Лин⁷⁴, от 5 тысяч у него осталось только 400 воинов, но он продолжал сковывать огромные силы хуннов, и сдался только когда закончились и стрелы и провиант. У-ди считал его предателем, а Цзюйди по достоинству оценил его подвиг, женил на собственной дочери и сделал темником телеутов, «где потомки его царствовали почти до времен Чингис-Хана... Люди все высокие, красноволосые, у них понятливые лица, зеленые глаза. Черные волосы считают несчастливymi, а имеющих черные глаза называют потомками [Ли] Лина» [Бичурин Н. Я.], а в языке енисейских остяков – кетов и до сего дня сохранились следы ханьского влияния. Этот благородный поступок хакана имел далеко идущие последствия. Через два года Ли Гуанли вновь возглавил поход на хуннов имея под своим командованием до 80 тысяч конницы и 130 тысяч пехоты. Несмотря на двукратный перевес над хуннами, он, после десяти дней боев на берегах Селенги, вместе с армией сдался на милость хакана. В Поднебесную «возвратились один или два человека из тысячи». Среди возвратившихся на родину был и «герой Ферганы».

В 96 году до нашей эры Цзюйди-князь умер. Хаканом стал его старший сын Хулугу⁷⁵. На шесть лет установилось спокойствие, соседи приходили в себя после Селенгинской битвы. Первыми оправились хунны. Они попытались перекрыть Шелковый путь, пограбили и увели в плен китайских поселенцев, осваивавших бывшие усуньские земли. И вновь на усмирение кочевников направлен Ли Гуанли с 140-тысячным корпусом. Цель была вполне конкретной – обезопасить Шелковый путь, поэтому в гиблые для ханьцев степи никто особо не углублялся, а основной удар пришелся на Турфанский оазис (Чеши), одно из уйгурских княжеств – вассалов хакана. На обратном пути ханьское войско угодило в засаду и Ли Гуанли сдался на милость победителя. «Герой Ферганы» получил в жены дочь хакана и место при дворе, а после смерти храм в свою честь. На юго-восточных границах Хуннской империи на время установился мир. Ханьцам нужно было время для подготовки нового войска, тем более, что в 87 году до нашей эры умер Император-воин (У-ди). А Степь, хоть и вышла победителем из последней схватки, понесла серьезные потери, которые усугубила крайне многоснежная зима, вызвавшая падеж скота и сильный голод.

В 85 году до нашей эры со смертью Хулугу, благодаря заговору его приближенных, прервалась династийная линия рода Оленя. Хаканом стал храбрый, но безвольный темник из рода Куян.

⁷⁴ ханьский полководец, внук генерала Ли Гуанли.

⁷⁵ правил хуннами в 96 – 85 годах до н.э.

Династия Куян

Новый хахан не удостоился у ханьских историков собственного прозвища и вошел в летописи просто под родовым именем Хуяньди⁷⁶, где «ди» – фамильное окончание аналогичное русским «-ов», «-ин» или «-ич». Оно и понятно. Во-первых, он не «царского» рода, это с потомками Модэ ханьские императоры заключали Договор мира и родства, а не с каким-то Куянским князьком. Во-вторых, он не имел реальной власти, за него правили вдова Хулугу и ханьский перебежчик Вэй Люй⁷⁷. Естественно, что далеко не все темники хуннов признали нового хахана. *«Каждый остался жить в своем владении, и более не являлся в Лун-чен для жертвоприношения»* [Бичурин Н. Я.]. Хуяньди попытался завоевать популярность у номадов доступным ему способом – стал грабить приграничные ханьские городки, одновременно направляя ханьскому Чжао-ди⁷⁸ предложения о заключении Договора мира и родства. Но если Модэ и его потомки вели за собой сотни тысяч закаленных в боях воинов, вынуждая считаться с собой, то новый хахан с трудом набирал двадцать тысяч, которые терпели поражение за поражением от ханьских пограничных гарнизонов.

В 77 году до нашей эры престиж власти хахана упал на столько, что потомкам Аримаспов воздалось их же оружием – наследники Восточных варваров (Дунху) Ухуани разграбили могилы прежних хаханов. Пытаясь хоть как-то поддержать свой авторитет Хуяньди попытался забрать у усуней ханьскую принцессу – жену кульбека Воронов по прозвищу Старец⁷⁹. Кульбек, обладавший почти двухсоттысячным войском, был занят решением каких-то насущных проблем в среднеазиатском регионе. Для обуздания зарвавшегося Хуяньди он направил всего 50 тысяч отборных конников *«с половины своего государства»*. Зато новый ханьский император Сюань-ди⁸⁰ выделил ему в помощь более 160 тысяч легких всадников, от которых, впрочем, было мало проку. На следующий (71 г. до н.э.) год к Воронам, совершившим успешный рейд в исконные земли хуннов, присоединились и другие данники хахана – телеуты с севера и ухуани с востока. Проблем хуннам добавили небывалые морозы и голод. К 68 году – году смерти Хуяньди, хунны от войн и голода потеряли до двух третей населения.

После смерти Хуяньди хаханом стал его младший брат, прозванный образно мыслящими ханьцами *«Оросительный канал от сухого колодца»*⁸¹ (Сюйлюй-Цюаньцуй). *«В сем году в земле хуннов был голод, в продолжение которого погибло до 6/10 и народа и скота»*. На следующий год хахан потерял последнего своего союзника на Великом шелковом пути. Турфанский оазис вначале был разграблен Ферганцами, возмущенными бесчинством местного уйгурского князька, а потом и вовсе заселен ханьскими крестьянами. Попытки отбить его у ханьцев не принесли результата. Центральная ставка хуннов оказалась полностью отрезанной от поставок продукции оседлых народов. К этому добавилось похолодание климата, подорвавшее собственное и без того не богатое земледелие. Хахан *«отправил восточного и западного Великих предводителей, каждого с 10.000 конницы, для заведения земледелия в Западной стороне»* [Бичурин Н. Я.]. История умалчивает, как далеко на запад от Алтайских гор ушли переселенцы, и насколько удачным было их предприятие, но по пути на запад они, очевидно, прошли по землям енисейских телеутов – племени Белого беркута, и, видимо сильно «насолили» бывшим данникам. Как бы то ни было, но на следующий год после этого похода теле-

⁷⁶ правил хуннами в 85 – 68 годах до н.э.

⁷⁷ китайский перебежчик, фаворит при дворе Цзюйди-князя и Хулугу.

⁷⁸ собственное имя Лю Фулин, младший сын императора У-ди, правил империей Хань в 94 – 74 годах до н.э.

⁷⁹ он же Вэньгуйми, правил усунями в 93 – 60 годах до н.э.

⁸⁰ личное имя Лю Бинъи, десятый император династии Хань, правил с 74 до 49 гг. до н.э..

⁸¹ хахан хуннов в 68 – 60 годах до н.э.

уты (тележники или динлины в ханьских летописях) стали ожесточенно нападать на владения хакана и успокоились только после его смерти в 60 году до нашей эры.

Аристократия хуннов попыталась переломить ситуацию, возведя на хаканский престол прямого потомка Модэ, правнука Ушилу⁸², но вскоре они пожалели об этом. Туцитан⁸³ оказался жестким политиком и в первую очередь казнил всех родственников и приближенных своего предшественника. Потом пришла очередь и других родов, выбившихся в элиту в период ослабления клана Лань. В конце концов, темники и старейшины восстали. В 58 году до Рождества Туцитан, брошенный всеми, покончил с собой.

После его смерти сразу пять князей объявляют себя хаканами. В Лучене – столице империи хуннов, хаканом провозглашен Хухунь⁸⁴ – сын Сюйлюй-Цюаньцюя. В западном крыле хаканом объявлен Туци младший брат Туцитана. От него отложились князья Хуцзе и Чели. Телеуты объявили хаканом Уцзы. В степи начинается гражданская война, новоявленные хаконы то объединяются, то разделяются, на смену убитым становятся их родственники. . . . В конечном итоге остатки некогда великой империи оказались поделенными между двумя братьями рода Куян. Старший брат Хутуус⁸⁵ под именем Чжичжи Гуду-князь правил западным крылом, а младший брат Хухунь остатками восточного крыла.

В довершение бед, свалившихся на номадов, в землях Воронов в шестидесятом году к власти пришел прокитайски настроенный кульбек, получивший даже у своих союзников ханьцев кличку Слизняк⁸⁶ (Ними) или царь-сумасброд (Куан-ван), бездарно правивший до 53 года. После его смерти и усуньское княжество было разделено надвое. Большим и малым кульбеками Воронов стали сыновья Вэньгуйми. Юаньгуй остался в Чигу на реке Или, а Уцзюту ушел на запад на реку Талас. Юаньгуй – китаец по матери, удерживается у власти только благодаря поддержке императора Хань – в Чигу был размещен китайский гарнизон. Уцзюту какое-то время еще лавировал между хуннами и хань, оставаясь формально суверенным кульбеком Воронов, но, после его смерти (в 33 г до н.э.), суверенитет усуней постепенно сошел на нет – не пожелавшие подчиниться империи Хань ушли к массагетам.

В эти годы (57 – 54 г. до н.э.) ханьский император меняет девиз правления на «Пять радостей» (у-фэн), образно демонстрируя реализацию принципа «Инь-ян»: горе одних – радость для других. Раздробленные и ослабленные междоусобицами номады уже не представляли угрозы для Срединного государства. Мелкие князьки, хоть и продолжали именоваться гордыми титулами, равными в свое время титулу китайского императора, наперебой заискивали перед могучим соседом, а Хухунь и Юаньгуй и вовсе признали свой вассалитет.

Исключением стал правитель западных хуннов Чжичжи Гуду-князь, который в короткий срок покорил все степи западнее Алтая, включая таласских усуней, массагетов и телеутов. Свою ставку он перенес далеко на запад «от Шаньюевой орды на запад... на 7.000 ли [3 500 км], от Чешы на север 5.000 ли [2 500 км]» [Кюнер И. В.]. Оттуда с Южного Урала он с успехом правил номадами вплоть до 36 года до нашей эры, когда, отправившись усмирять Таласских усуней, попал в устроенную ханьцами засаду и был убит. Кстати, в его походе приняли участие и европейские номады – сарматы. Те немногие из них, кому повезло вернуться в родные степи (на Кубань, на Дон, в Поволжье), привезли с собой китайские и бактрийские зеркала, мраморные и алебастровые сосудики, богато украшенные кинжалы и... памирский

⁸² один из последних хаканов династии Модэ, правил хуннами в 105 – 102 годах до н.э.

⁸³ он же Воянь-Цюйди – хакан хуннов в 60 – 58 годах до н.э.

⁸⁴ один из претендентов на хаканский престол во время гражданской войны 58 – 36 годов до н.э., с 36 по 31 год до н.э. – хакан восточных хуннов и вассал Ханьского императора.

⁸⁵ старший брат Хухунь, во время гражданской войны бежал в Согдину, где провозгласил себя независимым хаканом, правил в 49 – 36 годах до н.э.; после поражения от усуней и ханьцев в Таласской битве (36 г. до н.э.) был казнен.

⁸⁶ кульбек усуней в 60 – 53 годах до н.э., кузен прежнего кульбека Вэньгуйми.

опий-сырец. Судя по подающимся вместе с привозными «сувенирами» монетам, все эти приобретения сделаны «в промежутке между 38 г. до н. э. и 21 г. н. э.» [Берлизов Н. Е.].

После смерти брата Хухунье формально стал единовластным хаканом Степи, хотя реальная его власть не выходила за пределы коренного юрта хуннов. Желая поднять престиж марионеточного хакана, Лю Ши⁸⁷, правивший в то время Поднебесной империей, пригласил его ко двору, щедро одарил и даже женил его на девице знатного рода, которая по этому случаю была возведена в ранг приемной дочери императора. Но даже видимость возведения его в ранг «почти равного императору Хань» правителя, не помогла ему вернуть уважение «натягивающих лук». Покоренные Модэ народы отложились и вели самостоятельную политику, о которой, к сожалению, практически ни чего не известно. Похоже, вплоть до 13 года уже нашей эры, пока хуннами правили Хухуньсе и его сыновья, Степь зализывала раны после кровопролитных междоусобиц и не вмешивалась в политику азиатских земледельческих цивилизаций.

На западе сарматские племена, не имевшие в то время «за плечами» мощи кочевой империи, то же не блистали победами. Это скифо-сарматский царь Гатал мог выступать арбитром в спорах европейских и ближневосточных монархов, а имена мелких племенных вождей рубежа новой эры не сохранили даже педантичные римляне, чьи провинции периодически разоряли савроматы вместе с даками.

По данным беспристрастной археологии именно в это время в придонских и приднестровских степях из латинизированных кельтских (балто-германских) племен и тюркизированных индоиранских (кимеро-скифо-савроматских) племен начал складываться новый этнос, который позже назовут славянским – это, так называемая, Зарубинецкая археологическая культура. «Курганы „Садовый“ и „Высочино“ в Нижнем Подонье, комплексы могильника Звенигород в Верхнем Поднестровье дают смешение пшеворских и сарматских элементов, подтверждая свидетельство Тацита о браках бастарнов с сарматками» [Щукин М. Б.].

Именно в этот период – период развала полиэтнической империи номадов, произошло, согласно лингвистическим исследованиям, разделение тюркских языков, в первую очередь обособились якутская и болгарская подгруппы языков. Рискну предположить, что это отпали палеосибирские и фино-угорские народы, не до конца ассимилированные тюрко-говорящими хуннами. Распад самих тюрко-говорящих номадов на восточное и западное крыло, так же нашел отражение в их языке, хоть и не столь явное, поскольку языковая изоляция этих групп не была полной. К языкам восточной подгруппы лингвисты относят карлукские языки (уйгурский, узбекский) и языки народов Алтая и Южной Сибири (телеутский, хакасский, шорский, тувинский и другие). К западной группе – огузские (туркменский, турецкий, гагаузский...) и кыпчакские (татарский, киргизский, казахский, каракалпакский, карачаевский, половецкий...). Принято считать, что язык, на котором говорили в коренном юрте хуннов, не сохранился до наших дней, как и говоривший на нем народ он растворился среди более «пассионарных» родственных и не очень этносов.

Прежде чем оставить в стороне лингвистические «изыскания», отмечу замечательную находку ханьских хронистов. Они, чтобы не слишком унижительно подчеркнуть вассальный статус хаканов хуннов того времени, стали перед их титулом добавлять «почтительный» (жоди). Так и правили хуннами 43 года, без славы и без потрясений один за другим четыре брата – четыре «почтительных хакана», отправляя своих сыновей в услужение к Ханьскому Двору, и добиваясь подарков и аудиенции от очередного императора.

Но ни что не вечно под луной. В год, с которого принято исчислять христианскую эру, династийные беспорядки начались в самой Поднебесной империи. Престол унаследовал малолетний Лю Кань⁸⁸, а реальная власть оказалась в руках у младшего брата вдовствующей импе-

⁸⁷ сын Сюань-ди, одиннадцатый император династии Хань, правил с 49 до 33 года до н. э. под храмовым именем Юань-ди.

⁸⁸ сын Ай-ди – тринадцатого императора Хань, номинально император с 1 года до н.э. по 5 год н.э.

ратрицы амбициозного канцлера Ван Мана⁸⁹. Будучи ярим приверженцем Кун Цзы⁹⁰, Ван Манн принялся обустраивать империю по конфуцианскому образцу. Введенные им «военный коммунизм» и «коллективизация» вызвали массу недовольств и огромные потоки беженцев в хуннские земли как из самой Поднебесной империи, так из ее вассальных владений. Но, пока за канцлером, пусть формально, стоял законный наследник престола Хань, массовых беспорядков не возникало.

Переломным стал 9 год новой эры. Ван Ман провозгласил себя императором Новой династии Синь и объявил о «начале построения государства» нового типа. В этом государстве не было места политическим автономиям, тем более таким, где у власти стоял хакан, являвшийся номинальным родственником свергнутого императора. Началась планомерная работа по ослаблению его власти. Последней каплей стала попытка Ван Мана разделить коренной юрт хуннов на 15 самостоятельных владений. Терпение «почтительного» хакана лопнуло, и Нанчжиясы⁹¹ объявил Ван Мана узурпатором. Степь поднялась на войну со Срединной империей под девизом борьбы с самозванцем. Были разорены приграничные поселения, прервано торговое сообщение по Шелковому пути. Общий враг сплотил номадов. К хакану стали присоединяться бывшие подданные (сянбийцы, ухуани, турфанские уйгуры), но смерть помешала сыну Хуханье возродить кочевую империю.

Поднебесная, ослабленная стихийными бедствиями, народными волнениями и авантюрами прожектами Ван Мана, могла противостоять номадам только дипломатическими методами. Их было явно недостаточно, что бы прекратить набеги, но оказалось довольно, чтобы провозгласить хаканом наиболее лояльного, или точнее «почтительного», из темников, не являвшегося прямым потомком Хухунье. Им стал некий Сянь⁹², пять лет восседавший на хаканском престоле под именем Улэй, что можно перевести как «Следующий после Учжулю». После его смерти в 18 году хаканом стал младший брат Юй⁹³, вошедший в летописи под поэтическим прозвищем «Зовущий всех на смертный путь вины» (Худоу`рши Даогу). Братья, сократившие по введенной Ван Маном моде, свои имена до односложных, почтительно принимали послов самопровозглашенного императора, благодарили за богатые дары, обещали приструнить пограничных разбойников, но ничего не предпринимали для этого.

⁸⁹ личное имя Цзюйцзюнь, племянник императрицы Сяюань (жена императора Юань-ди).

⁹⁰ древний мыслитель и философ Поднебесной, хорошо знакомый европейцам под неверно транскрибированным именем «Конфуций».

⁹¹ сын Хухунье-хакана, правил хуннами под титулом «почтительного хакана» Учжулю с 8 года до н. э. по 13 год н.э.

⁹² назначенный Ван Маном «почтительный хакан» хуннов в 13 – 18 годах.

⁹³ назначенный Ван Маном «почтительный хакан» хуннов в 18 – 46 годах.

Рисунок 24. Алтаец, 19 век, примерно также выглядели хунны восемнадцатью веками ранее.

В 23 году Ван Мана свергли и обезглавили повстанцы. В борьбу за престол вступило сразу несколько претендентов из ханьского императорского дома. Хунны приняли активное участие в гражданской войне, поддерживая своих кандидатов. Им даже удалось создать марионеточное государство на северо-западе ханьских земель, просуществовавшее до 40 года, но «император» Лу Фан⁹⁴ не оправдал их ожиданий и был выдан укрепившемуся на Ханьском престоле Лю Сю⁹⁵ (Блистательному императору-воину – Гуан У-ди). Правда он как-то ухитрился оправдаться, и даже был назначен наместником в Дай⁹⁶, где вскоре вновь поднял восстание, бежал с семьей к хуннам и был поселен среди телеутов – в вотчине потомков Ли Лина, где и закончил жизнь в качестве императора в изгнании. Руины его императорского дворца обнаружили в 1940 году российские ученые в бассейне Среднего Енисея на реке Ташеба [Ковалев А. А.].

Пользуясь династийными беспорядками, хуннам удалось вернуть себе почти все земли, принадлежавшие им во времена хакана Модэ, включая Ордос и Таримскую котловину. Кочевья появились даже на исконно китайских землях южнее Великой стены. Лю Сюю пришлось подыскать для возрожденной Ханьской династии новую столицу на востоке, подальше от границ с беспокойными хуннами, отчего его династия вошла в историю как Восточная Хань. Гуан У-ди пытался заключить с хаканом Договор мира и родства, но Юй требовал мира на условиях времен Модэ, когда империя Хань по сути являлась данником хуннов. На это император согласиться не мог, но не имел сил проучить зарвавшегося вассала.

⁹⁴ самозванный правнук императора У-ди, настоящее имя Цзюнь-ци.

⁹⁵ император Хань в 25 – 56 гг.

⁹⁶ округ на севере империи Хань, в районе нынешней Внутренней Монголии.

Раскол

Как не любил Юй сравнивать себя с прославленным предком, стать вторым Модэ ему было не суждено. Тем не менее, он сумел вписать свое имя в историю Степи, но не как создатель, а как разрушитель. Он прекрасно понимал, что его род, получил хаканский престол только благодаря интригам свергнутого узурпатора Ван Мана, а значит, несмотря на все его заслуги по объединению Степи и освобождению хуннов от китайской зависимости, ему не светит стать основателем новой династии. В соответствии с древней традицией после смерти Нанчжиясы хаканский престол должен был унаследовать старший из потомков Хухунье. Еще был жив Итучжясы – младший сын Хухунье и китайской царевны Ван Цинь, имевший все права на хаканский титул. Пожалуй, только его метисное происхождение удерживало верных роду Куян старейшин от провозглашения его законным хаканом. Но «Юй не для того отвоевывал у Китая царство, чтобы оставить его полукитайцу. Отступить он не мог и не хотел. Итучжясы был убит, а наследником объявлен сын Юя – Удадихэу» [Гумилев Л. Н.]. В 46 году они умерли оба и Юй и его наследник. Сторонники покойного провозгласили хаканом Пуну⁹⁷ – второго из сыновей Юя.

Старшим в роду Куян в то время был внук Хуханье Би⁹⁸. Убивать его не имело смысла, поскольку старшинство автоматически переходило следующему по возрасту внуку, а их у Хуханье хватало. Поэтому Юй в свое время просто удалил Би подальше от центральной ставки, отправив управлять «поколениями по южной границе и ухуаньцами» [Бичурин Н. Я.]. На какое-то время древние рода с этим смирились, но лишь только Пуну попытался укрепиться на троне, вспыхнул мятеж, который был поддержан ханьским императором.

В 48 году Би был провозглашен хаканом Хайлошичжуди, трудно переводимое определение, по смыслу примерно соответствующее «Порубивший на куски откочевавшие рода». Ему, при поддержке ханьской империи, действительно удалось в 49 году оттеснить сохранивших верность Пуну номадов за пределы плато Ордос и пустыни Алашань. Платой за помощь стала вассальная присяга. Вместе с Би ханьское подданство приняли старейшины восьми родов хуннов и ухуаньский князь Хэцзюй, приведший с собой 922 человека. Они и образовали марионеточное царство южных хуннов. Чтобы подчеркнуть свое прямое родство с Модэ, Би и его потомки взяли фамилию Луаньди, но дотошные ханьские историки не купились на созвучие и записывали эту фамилию другими иероглифами.

Перед номадами встал нелегкий выбор: идти вслед за законным хаканом на службу к извечному врагу, или, наплевав на традиции, присягнуть Пуну, ставшему, несмотря на нелегитимность, олицетворением независимости. Выбор осложнялся тем, что проиграв сражение, наследник Юя, вынужден был уйти в усыхающие холодные степи, а сторонникам Би остались самые сочные пастбища и подарки из Ханьской казны. Однако сытость не синоним счастья. Часть князей, поддержавших было сына Учжулю, вскоре переменили мнение и откочевали со своими родами на север. Оставшиеся, очевидно, тоже не очень чтили унижающегося перед ханьскими посланцами хакана. В связи с чем «правителю области Си-хэ предписано ежегодно посылать 2.000 конницы и 500 освобожденных от наказания преступников для содействия приставу охранять Шаньюя». Даже дары и жертвоприношения приходилось везти «под военным прикрытием» [Бичурин Н. Я.]. Очевидно, немало было тех, кто желал насильственными методами ускорить передачу власти следующему по старшинству потомку Хухунье.

Признавшие власть Пуна рода сохранили независимость, но из-за предательства Би, и, в большей степени, из-за продолжившегося иссушения климата, вынуждено откочевали

⁹⁷ хакаан хуннов с 46 по 52 год.

⁹⁸ сын Учжулю-хакана, правил в 48—55 годах южными хуннами, принесшими вассальную присягу Ханьскому императору.

на север. В то время «в земле хуннов сряду несколько лет были засухи и саранча; земля на несколько тысяч ли лежала голая. Деревья и травы посохли. Голод произвел заразу, которая похитила большую половину народа [и] скота». Голод принудил хакана искать мира с империей Хань, которая быстро восстанавливала былую мощь. Кроме того, в руках хуннов оставались Западный край (Центральная Азия) и почти весь Шелковый путь, но без торговли с Китаем эти приобретения теряли большую часть своей привлекательности, поэтому в Хань ежегодно отправлялись послы с предложением мира. Однако, Гуан У-ди, занятый наведением порядка в империи, гораздо больше нуждался в спокойствии на границах, чем в экономических выгодах торговли с Западом, а мир ему гарантировал марионеточный «почтительный» хакан. Признать еще одного хакана – ослабить и без того шаткое влияние на хуннов своего ставленника. Так что мирные инициативы Пуну, подкрепленные образчиками товаров Западного края, хоть и вызывали бурные дискуссии при императорском Дворе, но оставались без действенного ответа.

Кстати, археологические раскопки последних лет в местечке Ноин-Ула, где находятся усыпальниц знати северных хуннов, показали, что экономические связи номадов начала новой эры не ограничивались только Поднебесной империей. В хуннских гробницах, имеющих форму кургана насыпанного над перевернутой ступенчатой пирамидой, найдены «серебряная пластина с античным изображением Геракла, древнеримские серебряные предметы и фрагменты бактрийского ковра с изображениями знатных сакских, или тохарских воинов...» [Амелин С.].

Вторая половина первого века стала для номадов периодом потерь и поражений. Междоусобицы, засухи и саранча сильно подорвали силы кочевников. Все больше число родов искало защиты и стабильности, переходя на службу к владыкам земледельческих государств. На западе Рим отвоевывает у номадов Херсонес, Оливию и Тиру. На востоке блистательный ханьский полководец Бань Чао⁹⁹ устанавливает контроль над Шелковым путем вплоть до Тянь-Шаня, успешно отбивая как вылазки тохаров и хуннов, так и восстания местных протоуйгурских племен.

В восьмидесятых – девяностых годах новой эры, под ударами южных хуннов, сяньби, телеутов и массагетов, от потомков Пуну отложились и перешли на службу южному почтительному хакану 131 род, почти четверть миллиона человек. Еще порядка ста тысяч, покорились сяньбийцам. Справедливости ради надо заметить, что далеко не всех покорившихся устраивал их новый статус, периодически вспыхивали бунты. Так в 94 году около 200 тысяч южных хуннов под предводительством князя Фэн¹⁰⁰ с боями пробивались на северо-запад монгольских степей. В 96 году их примеру не столь удачно попытался последовать князь Уцзюйчжань¹⁰¹....

Ослабление централизованной власти в кочевой империи с неизбежностью привело к усилению независимости окраин. Как самостоятельное этническое образование вышли на политическую арену родственные ухуаням племена Восточных варваров (Дунху), кочевавшие в маньчжурских степях северо-восточнее гор Сяньби (южные отроги Большого Хингана), от которых и получили свое название в китайских летописях. В свое время Модэ нанес их предкам сокрушительное поражение, изгнав за Хинганские отроги. Теперь же один из сяньбийских старейшин Бяньхэ предложил Китаю свои услуги по борьбе с ненавистными хуннами, «впоследствии Бяньхэ ежегодно выступал в поход и нападал на северных хуннов, а по возвращении из похода являлся в Ляо-дун с головами убитых для получения награды за них». Со временем они усилились на столько, что вытеснили племена вольных хуннов в предгорья Алтая, захва-

⁹⁹ ханьский полководец и дипломат, живший в 32 – 102 годах.

¹⁰⁰ внук хакана Би, провозглашенный хаканом на курултае южными хунами, но ханьская администрация назначила хаканом его кузена Шигы (трояное имя Тиндуши Чжоухоу-ди), что привело к восстанию.

¹⁰¹ еще один внук хакана Би, сторонник князя Фэн, после поражения попытавшийся примириться с ханьской администрацией, не получив желаемого возглавил новый мятеж.

тив даже земли коренного юрта Оленных людей. Многие хуннские рода, предпочли остаться в своих кочевьях и признать зависимость от бывших данников.

В Центральной Азии вновь активизировались прежние владыки степей – тохары (юэчжи). Эти «аристократы» кочевого мира всегда отличались повышенной любовью к благам оседлых цивилизаций. Один из потомков царских скифов, Куджула Кадфиз¹⁰² объединил под своей властью часть тохарских племен, а затем захватил ряд земледельческих государств, включая Бактрию, объявив себя Царем царей и Великим освободителем. Созданная им Кушанская империя (в ханьских летописях: Благородного Белого царя династия) в I – III веках занимала значительную часть Средней Азии, территорию современного Афганистана, большую часть Пакистана и север Индии. Новая империя вместе с соседним Пахлаванским (Парфянским) царством, где правила родственная тохарам, сакская династия, сохранили определенные связи с миром кочевников, но, как и фууюцы на Дальнем Востоке, проводили свою собственную политику, далекую от интересов хакана Пуну и всего кочевого мира.

Другая часть тохар, при поддержке усуней и массагетов, принялась устанавливать свою власть над Западным крылом степного мира. Судя по всему, их поддержала и часть хуннской аристократии. Образовалась новая смешанная по происхождению элита кочевников, которая попала в европейские летописи под именем аланов. На триста лет аланы стали для европейцев олицетворением всего кочевого мира. Справедливости ради надо отметить, что их реальная власть над Степью была существенно короче и далеко не такой всеобъемлющей, как виделось римским хронистам. Просто и здесь сказалась повышенная любовь потомков царских скифов, а именно они заняли лидирующие позиции в формирующемся аланском этносе, к комфорту и богатству. Их историческое амплуа – гордые и свирепые воины Степи в окружении садов и дворцов, а посему они очень быстро перенесли свою активность на европейские и африканские просторы, оттеснив с этого поприща все остальные племена кочевников. Причем куда не получалось прийти в качестве завоевателей, там они появлялись как наемники.

В итоге, на рубеже первого и второго веков нашей эры в Степи образовалось два новых мощных государственных объединения: аланы на западе и сяньби на востоке. Все остальные кочевые народы оказались в той или иной степени втянуты в сферы их влияния. При этом ошибочно полагать, что произошли массовые переселения народов. Дошедшие до нас хроники и археологические материалы говорят, что подавляющее большинство кочевников лишь незначительно изменило привычные маршруты кочевий. Новоявленные хаканы (я продолжу использовать этот нейтральный древний титул для обозначения «вождя вождей» кочевников, поскольку история не сохранила более достоверного наименования) не особо вмешивались в установившийся порядок вещей, они лишь, в рамках освященного веками обычая, направляли в кочевья своих наместников из числа ближайших родственников и сподвижников. Наместники отправлялись в свои улусы со своим двором и дружиной, которые, естественно, несли с собой в кочевья какие-то новые элементы хозяйствования, культуры и новую кровь. Недаром археологи и палеогенетики отмечают поразительно большое антропологическое разнообразие в кочевой среде.

Так, что свидетельства исторических хроник о появлении в Степи нового народа, чаще всего говорят не о переселении сотен тысяч кочевников на новые земли и уничтожении их предшественников, а о смене правящей элиты. Новая правящая элита – это достаточно значимый повод, как для ответственного летописца, меняющего наименование этноса; так и для начала формирования новых смешанных культур и, в конечном итоге, рождения новых, зачастую метисных, этносов. Так, захват сяньбийцами коренного юрта хуннов, привел через несколько поколений к формированию нового рода Тоба, чья воинская традиция заплетать косу, дожила до наших дней в некоторых чань-буддийских монастырях. А относительно

¹⁰² ровестник Христа, хан одного из тохарских племен, основатель Кушанского царства, которым правил вплоть до 80 года.

небольшая часть тохар, ушедшая вместе с Пуну на запад, как снежный ком выросла за счет поддержавших хакана усуньских, кангойских и прочих верных традициям предков удальцов и, уже под именем аланов, потрясла европейские устои в первые века христианской эры.

Давайте чуть ближе познакомимся с этими двумя новыми игроками на поле Истории. Для этого нам придется на некоторое время прервать хронологическую последовательность нашего экскурса. В своем повествовании я старался не акцентировать особого внимания на «побочных сюжетных линиях», оставив «за кадром» множество народов Степи, имеющих свою особую богатейшую историю, но в данном случае для такого отступления есть как минимум три уважительные причины. Во-первых, аланам и сяньби, пусть и на время, удалось оттеснить хуннов «на вторые роли». Во-вторых, они оставили неизгладимый, дошедший до нашего времени, след на карте Евразии. В-третьих, они стали прародителями целой плеяды народов, часть из которых здравствует и по сей день.

Аланы

В середине первого века, в те годы, когда в сердце кочевой империи происходила кровопролитная борьба между сторонниками древней аристократии и, пытающимся удерживать власть, потомками Хайлошичжуди-хакана, в европейских степях появилось новое имя – «аланы». Античные авторы описывают их как дикое, суровое и вечно воинственное скифское племя, отличая как от живущих в Крыму мирных скифов, так и от ставших уже привычными сармат. Все данные указывают на то, что аланы – пришлые племена, вторгшиеся в размеренную жизнь европейских номадов с востока.

На центрально-азиатское происхождение алан указывают не только специалисты по истории современных алан – осетин [Габуев Т. А.; Малолетко А. М.], но и многие археологические находки [Демиденко С. В.; Ждановский А. М.; Кропотов В. В.; Туаллагов А. А.]. Их анализ свидетельствует, что в этот период в степях от Карпат до Алтая происходит формирование позднесарматской археологической культуры, отличающейся от предыдущей значительным влиянием восточных элементов как в керамике, так и в погребальных обрядах. Несмотря на все локальные отличия явно полиэтнической позднесарматской культуры, особенности «характера и форм погребального инвентаря, особенно заметное в могилах элитарной „военно-дружинной“ части населения», свидетельствуют о «возможности вхождения... территорий в единое политическое объединение» [Мошкова М. Г.].

В целом исследователи сходятся в определении ранних алан как смешанной в этническом отношении группы, при явном лидерстве тохар-юэчжей. Аммиан Марцеллин¹⁰³ описывая обычаи алан отмечает у них поклонение акинаку, столь характерное для царских скифов: «они втыкают в землю по варварскому обычаю обнажённый меч и благоговейно поклоняются ему». Так что особых сомнений в происхождении элиты нового народа практически не возникает, как и в том, что основная масса алан – вчерашние савроматские племена, оставшиеся в своих кочевьях, но признавшие власть пришлой аристократии и позаимствовавшие у пришельцев некоторые технические и культурные новшества. Но это не просто возвращение власти скифского царского Дома над западной степью, пришельцы изначально являли собой полиэтническую смесь. По определению доктора исторических наук Туаллагова ранние аланы – это «многокомпонентная волна «восточных мигрантов», в которой выделяются тохары-юэчжи» [Туаллагов А. А.]. Кто же помимо «белоголовых», принял участие в формировании «многокомпонентной волны»? Тут мнения историков несколько расходятся, но в принципе, если отбросить разночтения в названиях одного и того же народа в азиатских и европейских хрониках, а так же не заикливаться на внутреннем делении крупных племенных объедине-

¹⁰³ древнеримский историк, автор «Деяния», годы жизни ок. 330 – ок. 400.

ний номадов, то речь идет об усунях, сако-массагетах и хуннах. «Сармато-аланы оказались в культурном отношении ориентированы не на античный мир и даже не на иранские государства – Парфию, Хорезм, Согд, Хотан, – а на однотипные кочевнические государственные образования Средней и Центральной Азии (юэджийские княжества Бактрии, Усунь, Канзюй, держава хунну)» [Яценко С. А.].

Историк Ждановский¹⁰⁴ в 1987 году писал: «в настоящее время мы располагаем целым комплексом фактов, свидетельствующих о тесных связях населения, прежде всего кочевого, на обширных пространствах евразийских степей от Прикубанья до Средней Азии» [Ждановский А. М.]. Но, экономические и культурные связи новой элиты европейских степей прослеживаются значительно восточнее центрально-азиатского региона. Вот несколько цитат из научных статей, опубликованных в археологических сборниках: «Котлы типа обнаруженных на р. Кальмиус [около Одессы], в Астраханской и Омской областях, могли появиться в приграничных с Китаем районах, в среде кочевого населения, которое было знакомо с традициями китайской культуры» [Скрипкин А. С.]. «В погребении кон. I в. н. э. члена семьи „аорского“ царя Инисмея из Порогов найден золотой пояс с пластинами хуннского типа с изображением бога-монголоида. Однако сам персонаж с характерной прической и костюмом, представленный в виде всадника на барсе, вероятно, был аланским, т. к. не известен вне Сарматии» [Яценко С. А.]. «В Прикубанье были найдены две известняковые статуэтки – женская и сидящего в кресле со сложенными на груди руками мужчины в шапке с ушами животного по бокам окольшиа. Этот же персонаж представлен на синхронных изделиях – на керамическом оссуарии из пункта 13/70 у Кой-Крылганкалы в Хорезме и на золотой сяньбийской фигурке из Монголии» [там же]. Более того, «Птолемей (III, 5, 10) помещал между бастарнами и роксаланами уннов, сопоставимых с азиатскими хуннами», а Лукиан и Плиний свидетельствуют «об аримаспах на Северном Кавказе» [Туаллагов А. А.]. Подводя итог многолетним исследованиям, С. Г. Боталов¹⁰⁵ делает вывод что «исходной точкой аланского движения являются все-таки территории, отстоящие значительно далее на восток от среднеазиатского региона... движение, начавшееся в районе Лобнора и Баркуля, прокатилось по всему степному поясу вплоть до Дуная», уточняя, что в аланском вооружении, домашней утвари, украшениях, преобладают черты «происхождение которых также связано с районами Северного Китая, Монголии и Синьцзяна» [Боталов С. Г.].

Это я к тому, что Тянь-Шань и Алтай, делящие Степь на два крыла, не являлись преградой на пути торгового, культурного и политического единства номадов. Тохары, оставшиеся в Таримской котловине под именем Малых юэчжей; тохары, покорившие Центральную Азию под именем кушан, и тохары, принявшие непосредственное участие в формировании аланских племен, – это единый народ. И самостоятельность тохар, как и других народов Степи напрямую зависела от силы или слабости центральной (хаканской) власти. Я постарался познакомить Вас с немногочисленными европейскими археологическими находками, свидетельствующими о сохранении некоторого влияния хуннов на аланскую аристократию середины первого – первой половины второго веков христианской эры. К сожалению, западные современники алан не сообщают сколь-нибудь значимых сведений ни о политическом устройстве ранне-аланского общества, ни об их вождях. Это легко объяснимо, если признать периферийное по отношению к ставке хакана расположение аланских племен. Другими словами ранние аланы не имели своих царей, поскольку, пусть формально, признавали свою зависимость от хакана хуннов. Примерно, также владыки Руси вплоть до Ивана Васильевича продолжали именоваться великими князьями, формально признавая свою зависимость от Орды, а Канада и Австралия по сей день имеют британских Генерал-губернаторов.

¹⁰⁴ Александр Михайлович Ждановский – кандидат исторических наук, доцент Кубанского ГУ.

¹⁰⁵ Сергей Геннадьевич Боталов – доктор исторических наук, директор Челябинского Археологического Научного Центра.

Пусть не прямые, но от того не менее важные свидетельства сохранения политического единства Степи дают нам ханьские хроники. Начнем с того, что в 93 году остатки разгромленных северных хуннов бежали на запад от Алтайских гор (за хребет Тарбагатай), и уже от туда неоднократно направляли посольства в Ханьскую империю. Во-вторых, как не хотелось ханьским историкам представить хакана хуннов нищим изгоем, непреложным остается факт, что стоило только чуть-чуть пошатнуться Ханьскому престолу после смерти Благостного императора¹⁰⁶, как хунны тут же выбили ханьские гарнизоны не только из районов западнее Тянь-Шаня, но и захватили солидный кусок Шелкового пути вплоть до Турфана, который удерживали до 127 года, отбивая все попытки императора Ань-ди¹⁰⁷ вернуть контроль над Западным краем. Очевидно, что, даже утратив власть над коренным юртом хуннов, хакан смог найти поддержку в районах западнее Алтая. И наконец, забегаю немного вперед, отмечу любопытный факт: к середине второго века, согласно ханьским летописям, власть в Степи окончательно завоевывают сяньбийские племена, чей старейшина Таньшихуай¹⁰⁸ провозглашается новым хаканом, одновременно с этим «*этнополитическая ситуация в сарматских степях резко меняется*» [Кропотов В. В.] – здесь начинает складываться позднесарматская археологическая культура, существенно отличающаяся от аланской – среднесарматской культуры.

Нет, я не предлагаю ставить знак равенства между терминами «северные хунны» и «аланы», все данные указывают на смешанное тохаро-хунно-кангло-усуньское происхождение последних. Я говорю лишь об определенной вассальной зависимости аланской аристократии от хакана хуннов. И, как только власть хакана вновь усиливается, аланы переносят свою активность на просторы Европы. Где в роли наемников Римской империи, а где в союзе с балтогерманскими племенами аланы прошли всю Европу, забравшись даже на Британские острова [Трейстер М. Ю.]. Только во Франции и Северной Италии сегодня известно около 300 городов и селений с аланскими названиями. На Пиренейском полуострове ими основана Готалания (Каталония), а в Северной Африке – Королевство вандалов и аланов (439—534 гг.). В 235 году римским императором становится Максимиан – сын гота и аланки (рис. 25). А на Кавказе и по сей день проживают отдаленные потомки древних алан – осетины, сохранившие если не этническую чистоту (хотя какая там этническая чистота у гремучей смеси древних номадов), то хотя бы само имя «аланы» и, самое главное, языковую преемственность.

История алан со второй половины второго века вплоть до нашего времени – одна из интереснейших страниц мировой истории, но в своей основе она имеет крайне мало общего с объектом нашего исследования – с историей Степи и номадов. Следуя за перипетиями смены кочевых династий, мы еще не раз вернемся к истории этого замечательного этноса, продолжившего цепочку полукочевых народов европейских степей: киммерийцы – скифы – савроматы – аланы. ... Менялись имена, менялась аристократическая верхушка, приносившая вместе с новым именем и новые элементы культуры. Порой менялся и «государственный» язык. Но относительно не низменным оставался уклад их жизни на границе двух цивилизационных концепций (номадной и оседлой). И, вопреки теории глобальных переселений народов, за тысячелетия крайне незначительно изменился генетический состав основной массы обитателей Донских и Кубанских степей.

¹⁰⁶ личное имя Лю Чжао, храмовое имя Му-цзун, но больше известен под посмертному имени Хэ-ди (## – благосный император), правил в 89—106 гг.

¹⁰⁷ личное имя Лю Ху, правил в 107—126 гг.

¹⁰⁸ вождь (дажень) сяньби, покоривший северных хуннов, основатель сяньбийской династии хаканов, жил в 141 – 181 гг.

Рисунок 25. Гай Юлий Вер Максимин Фракиец – Римский император с 235 по 238 годы.

Но об этом позже. А сейчас перенесемся на восток, где с середины второго века нашей эры по сути дела начинается эпоха владычества сяньбийского племенного союза, на два столетия оттеснившего хуннов на задворки Истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.